

*В своих картинах
я пытаюсь почувствовать
запах времени,
его вкус...*

*О жизни и творчестве художника М.К. Чюрлениса
читайте на странице 76.*

Из российской истории

<i>Денис Логинов</i>	Гессенское проклятие	
российских царей		4

Замечательные современники

<i>Дарья Парчинская</i>	Владимир Хотиненко:	
«Хочу не разочароваться в этом мире»		17
<i>Елена Воробьева</i>	Дмитрий Воронин: «Я всегда знал, что моя профессия будет творческой»	102
<i>Татьяна Федяева</i>	Жить — детству служить	109

Рассказ

<i>Олег Лемашов</i>	Третья вода	24
---------------------	--------------------------	----

Судьбы

<i>Владимир Братченко</i>	Финансовый гений из России	44
---------------------------	---	----

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Эра братьев Вайнеров	58
--------------------	-----------------------------------	----

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Питер Брейгель. Слепые	66
---------------------	-------------------------------------	----

Эссе

<i>Виктор Ом</i>	Я полечу в далекие миры...	76
------------------	---	----

Это интересно

<i>Евгения Гордиенко</i>	Иоганн Штраус, сын Иоганна Штрауса	93
<i>Дмитрий Зелов</i>	Битва за Ухань	116

Славянские древности

<i>Агния Заберина</i>	Ясным утром сентября...	124
-----------------------	--------------------------------------	-----

Детектив

<i>Андрей Дышев</i>	«Час волка»	128
---------------------	--------------------------	-----

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Владимир Хотиненко.
Фото из архива В. Хотиненко

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.08.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Голубая кровь» обычно ассоциируется у нас с блистательными бездельниками, а уж представители высшей аристократии и вовсе славились скандальными происшествиями: неравными браками, проматыванием фамильных состояний, дуэлями. В лучшем случае, аристократы занимались меценатством и благотворительностью. Это, конечно, восхищало и надолго оставалось в памяти. Но чтобы представитель высшего сословия прославился на ниве служения во благо Отечества... Причем речь идет не о войне — там было много героических личностей аристократического происхождения, — а об обыденном труде, который позволил России перед Первой мировой войной занять одно из первых мест в цивилизованном мире. Конкретнее — о представителе древнейшего рода прямых потомков Рюрика, князе Михаиле Ивановиче Хилкове, благодаря которому Россия получила едва ли не самую обширную сеть железных и автомобильных дорог. И которого практически забыли...

Денис **Логинов** «Князь-машинист»

Собрание его сочинений насчитывает тридцать томов, но обессмертил его один-единственный роман — «Остров сокровищ», ставший подлинной жемчужиной мировой приключенческой литературы. Романтик не только в своих произведениях, но и в жизни, Стивенсон был человеком быстрых, неожиданных решений, осуществления которых добивался во что бы то ни стало.

Алла **Зубкова** «Вызов, брошенный судьбе»

Ларисса — «морская птица» или «чайка», так переводится с греческого это имя. Ею носила Лариса Андерсен, очень любившая искусство, музыку, поэзию и... одиночество. Она была не только необыкновенно красива, но и писала стихи, восхитительно танцевала, отбивала чечетку, ездила верхом, преподавала йогу, рисовала... И всегда любила и вспоминала свой «детский рай» остров Русский...

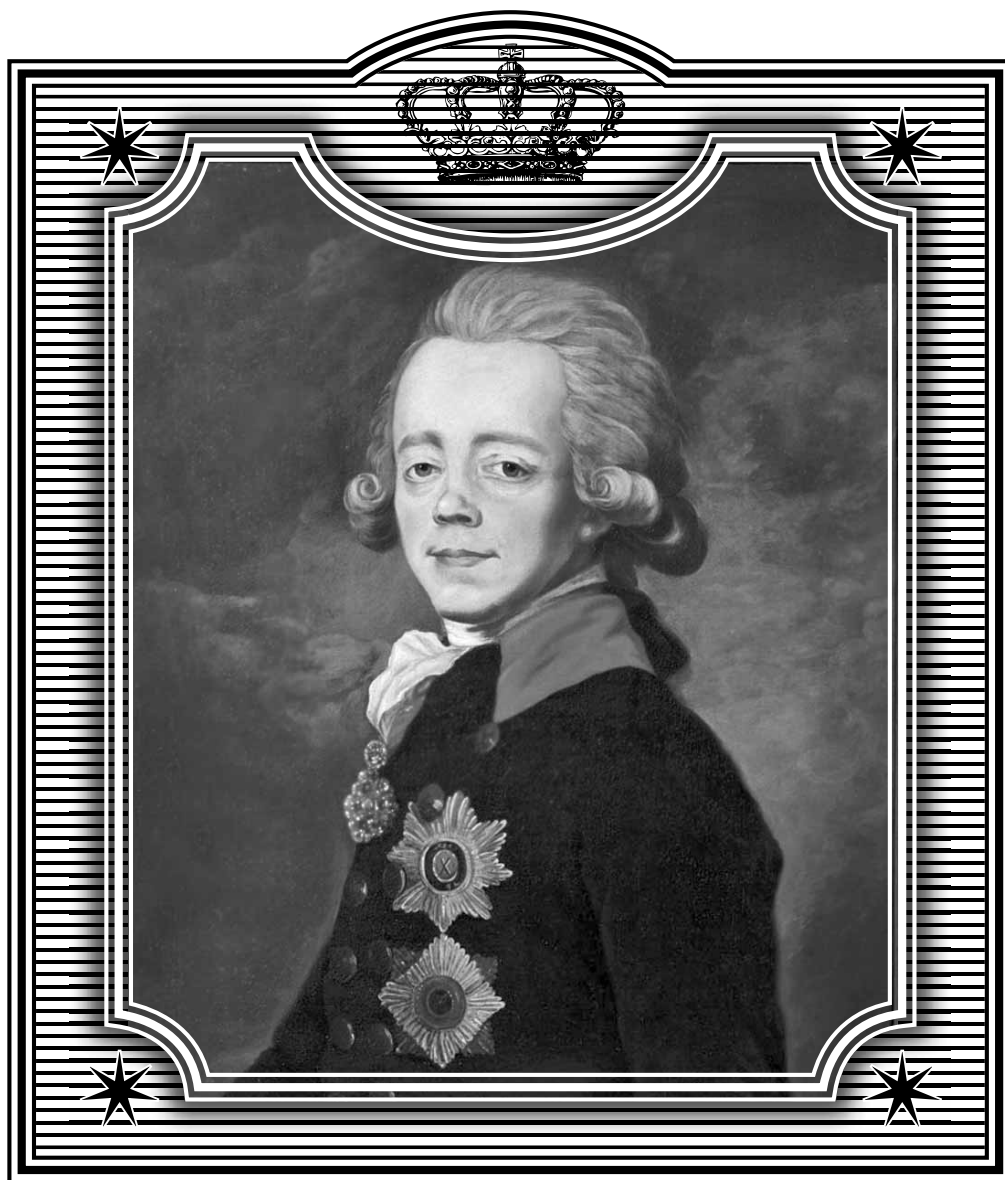
Людмила **Маршезан** «Чайка русской изящной словесности»

«Детектив Натальи **Солдатовой** «Проделки Элен».

Денис Логинов

Гессенское ПРОКЛЯТИЕ

российских царей

При Екатерине Великой сложилась традиция женить русских наследников престола и их братьев на немецких принцессах, недостатка в которых никогда не было. Но самый первый такой брак оказался роковым для династии Романовых: супруга единственного сына Екатерины II,

Павла Петровича, урожденная принцесса Августа-Вильгельмина-Луиза Гессен-Дармштадтская, прокляла всех тех русских цесаревичей, которые вступят в брак с принцессой из Гессена.

Что ж, ее проклятие, сделанное умирающей в родах женщиной, сбылось с пугающей точностью. Сам Павел погиб от рук заговорщиков, его внук, Александр II — от бомбы террористов, по такой же причине погиб его пятый сын, Сергей, который в 1884 году женился на принцессе Гессен-Дармштадтской, Елизавете-Александр-Луизе-Алисе.

Судьба последнего русского царя также хорошо известна. «Гессенское проклятие» поразило не только его, но и всю его семью.

Немецкая принцесса, в недолгом замужестве — великая княгиня Наталья Алексеевна, отомстила ненавистному ей семейству.

Браки Романовых складывались по-разному, но начинались всегда одинаково: приездом немецкой принцессы в Россию. И, как видно, не зря народная молва возлагала вину за все неприятности царствующего дома на «родство с немчурой», хотя только одна из принцесс может действительно считаться виноватой. Если, конечно, верить тому, что проклятие действительно было. А верить хочется — уж очень это в стиле первой супруги Павла, в число добродетелей которой отнюдь не входили кротость и милосердие. Природа богато одарила ее другим, и в первую очередь — бешеным честолюбием и характером, по силе никак не уступающим характеру всемогущей свекрови.

Будущая жена Павла I родилась 25 июня 1755 года в семье ландграфа Людвиг IX Гессен-Дармштадтского и «великой ландграфини» Каролины. В замке часто гостили знаменитости, в том числе, Гете. В такой среде выросла Вильгельмина, с детства отличаясь от ровесниц незаурядным умом, вспыльчивостью и одновременно непостижимым умением нравиться всем, кто с ней общался.

Выбор императрицы Екатерины II пал именно на нее — Вильгельмину. Частично на выбор повлияло мнение бывшего датского посланника — барона Ассебурга, которому Екатерина доверяла. Отправив его в Европу с тайным поручением подобрать сыну жену, она не знала, что тот встретился с королем Пруссии Фридрихом II. Король заинтересовался будущим браком и убедил российскую

императрицу выбрать одну из дочерей ландграфа. Так он через племянника оказывался в дальнем родстве с домом Романовых, а значит, получал влияние на российскую политику.

Барон Ассебург написал Екатерине Алексеевне, что лучшим выбором будет одна из трех принцесс дома Гессен-Дармштадтского.

«Средняя, Вильгельмина, — девушка привлекательная, довольно образованная и воспитанная. Ну, просто совершенство природы».

В Россию отправились портреты сестер. В отношении средней — Вильгельмины — императрица писала:

«Портрет выгодно располагает в ее пользу. И надобно быть очень взыскательным, чтобы найти в ее лице какой-нибудь недостаток».

Действительно, стройная блондинка с выразительными голубыми глазами и нежной улыбкой на свежих губках производила впечатление настоящей красавицы. Обе достаточно миловидные сестры как-то меркли на ее фоне.

В момент заочного знакомства с будущей невесткой Екатерина II упустила, что даже Ассебург подчеркивал ее честолюбие и склонность к интригам. Или — не упустила, а посчитала еще одним достоинством. Сама была такой в молодости.

Осенью 1772 года императрица пригласила Каролину Гессен-Дармштадскую и трех ее дочерей в Россию. Затраты на поездку она взяла на се-

бя. И уже в мае следующего года ландграфиня, Амалия, Вильгельмина и Луиза в сопровождении небольшой свиты прибыли в Санкт-Петербург на трех фрегатах.

Одним из фрегатов командовал граф А. Разумовский, пользовавшийся колоссальным успехом у женщин. Мгновенно возникли слухи о том, что у них с Вильгельминой возникла симпатия. И не просто симпатия — настоящая любовная связь.

Никаких убедительных доказательств не существовало: граф Разумовский был одинаково галантен со всеми своими гостями. Другое дело, что Вильгельмина не скрывала возникшего чувства к красавцу-русскому. Позже скандальными слухами о «распутстве» принцессы умело воспользуется Екатерина II. Но пока она просто от них отмахивалась, поскольку сама никогда не была образцом добродетели.

Балы и маскарады в честь почетных гостей продолжались два месяца со свойственным екатерининскому двору размахом и блеском.

«Молодой принц любезен и вежлив. Он недурен собой, умен. Императрица, если не считать ее положения, — очаровательная женщина. Мы были мгновенно покорены ее располагающей к себе внешностью и добротой. Пребывание здесь превосходно...» — писала мужу Каролина.

Романтический Павел влюбился в Вильгельмину, предпочтя ее всем другим европейским принцессам. Строгая Екатерина Великая одобри-

*Павел I
и Вильгельмина*

ла выбор и позволила своему сыну жениться по любви.

«Мой сын с первой же минуты полюбил принцессу Вильгельмину, я дала ему три дня сроку, чтобы посмотреть, не колеблется ли он, и так как эта принцесса во всех отношениях превосходит своих сестер... старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна; я ею очень довольна, и сын мой влюблен...»

18 июня 1773 года она написала письмо ландграфу, в котором просила руки его дочери для Павла Петровича. Послание ландграфу от самой русской императрицы особен-

ным сюрпризом для него не стало, хотя и вызвало достаточно сильное волнение, густо замешанное на удовлетворенном тщеславии.

«Это послание, мой дорогой ландграф, отправлено, чтобы попросить вашего согласия на бракосочетание с российским великим князем, о котором будет объявлено только после данного вами согласия. Я бы хотела просить вас не задерживаться с ответом, кажется, великий князь особенно сильно этого желает. Я знаю ваше мнение по этому поводу, мой дорогой ландграф, иначе никогда не предприняла бы это путешествие. Здесь считают, что вы добры ко мне и что это предложение будет принято вами с удовольствием. Видно, что

Екатерина II

с первого же вечера Вильгельмина весьма понравилась великому князю. И я уверяю вас, дорогой ландграф, что он не менее приятен ей. Пусть же небо благословит брак, о котором я вам сообщаю».

Принцесса Вильгельмина приняла миропомазание, стала великой княжной Натальей Алексеевной и обручилась с Павлом Петровичем.

«Императрица вручила мне и трем моим дочерям Орден Святой Екатерины. А Вильгельмине, помимо этого, бриллиантовое кольцо с кольцом, серьги», — писала ландграфиня домой.

Она подчеркнула, что великий князь не мог отвести от Вильгельмины глаз, не отходил от нее ни на шаг. Государыня одаривала невесту, присылала ей драгоценности,

изумрудные и бриллиантовые ожерелья, серьги, подвески.

Да, Павел влюбился без памяти, с первого же дня фактически попал «под модный каблучок» юной и честолюбивой особы, которая... едва его терпела. Но в данном случае, как говорится, Париж стоил обеда, а пример императрицы Екатерины II был достаточно убедителен. Нужно было только обвенчаться, родить наследника, а затем... избавиться от свекрови, не стесняясь в средствах.

Цель была поставлена: вчерашняя Вильгельмина желала стать российской императрицей Натальей I, в идеале — Великой. И желала она этого немедленно, совершенно не принимая во внимание то, что у

от любви Павел ничего не замечал. Императрица же... не принимала юную невестку всерьез, относя все ее поползновения на счет возраста, взбалмошности и излишней заносчивости.

Бракосочетание Натальи Алексеевны с Павлом Петровичем состоялось 29 сентября 1773 года.

«К одиннадцати часам отправились кортежем в церковь Летнего Дворца. На голове императрицы была небольшая корона, одета она была в золотой клозет и мантию, отделанную горностаем. За ней следовал великий князь с невестой, затем я, наши дочери, потом все остальные. Императрица сама надела кольца на пальцы жениха и невесты, выстрели-

Не зря, видно, народная молва возлагала вину за все неприятности царствующего дома на «родство с немчурой», хотя только одна из принцесс может действительно считаться виноватой, если, конечно, верить тому, что проклятие на самом деле было...

Екатерины II на достижение такого положения ушли десятилетия кропотливого и неустанного труда, начавшегося с изучения русского языка и обычаев для привлечения на свою сторону как можно больше людей.

Наталья же была одна. К тому же совершенно не считала нужным учить русский язык и всячески подчеркивала свою уникальность. Ослепший

ла пушка. Потом была молитва», — делилась с мужем впечатлениями «великая ландграфиня».

Свадебные гуляния продолжались месяц. Только после этого Каролина Гессен-Дармштадтская с принцессами уехали домой.

На ухаживания Павла Петровича княгиня отвечала весьма прохладно. Это видно, например, по ее письму

отцу, написанному через несколько дней после церемонии бракосочетания. В нем нет ни одного упоминания о чувствах к избраннику, да и сам избранник упоминается лишь постольку поскольку.

Говорили, что муж вызывал у принцессы отвращение. Их называли «красавицей и чудовищем».

«Кто знал, то есть видал хотя издалека блаженной и вечно незабвенной памяти императора Павла, для того весьма будет понятно и вероятно, что дармштадтская принцесса не могла без отвращения смотреть на укоризненное лицеобразии его императорского высочества, вседражайшего супруга своего! Ни описать, ни изобразить уродливости Павла невозможно! Каково же было положение великой княгини в минуты, когда он, пользуясь правом супруга, в восторге блаженства сладострастия обмирал!», — писал один из придворных, близких к цесаревичу.

Кстати, Павел вовсе не был уродлив. Небольшого роста — да. Курносый — да, но таких в России было немало. По-своему даже привлекательный, но... каждый видит то, что хочет. Или хотят многие другие.

Но Екатерина II по-прежнему не желала ничего замечать. Зимой 1773–1774 годов в письме ее родителям императрица писала:

«Ваша дочь здорова. Она кротка и любезна, какой вы ее знаете. Муж ее обожает, то и дело хвалит и рекомендует мне. Я слушаю и иногда покатываюсь со смеху, потому что ей не

нужны рекомендации. Ее рекомендации в моем сердце. Я люблю ее. Она того заслужила. Я ею довольна».

Чувства императрицы изменились, когда закончились праздники и начались обычные будни. Но великая княгиня уже привыкла к постоянным развлечениям. Заниматься русским языком она не желала, называя его «непонятным, тяжелым». Удивительно, что очень неглупая молодая женщина не понимала простой вещи: без знания русского языка ей никогда не добиться народной симпатии.

Хотя, воспитанная в «свободной Европе», княгиня не стеснялась в высказываниях о либеральных идеях, открыто поддерживая проекты, модные среди части аристократии, об освобождении крестьян.

До появления декабристов было еще очень далеко, но Наталья Алексеевна может считаться «первой ласточкой» этого странного мятежа. Вскоре она возглавила «молодой двор» и в многочисленных политических интригах против императрицы. Благо она была хитра и изворотлива настолько, что могла заткнуть за пояс изощренную в таких делах свекровь.

Могла бы. Но ей сильно не хватало гибкости и терпения. Очень скоро до Екатерины II дошли слухи, что Наталье Алексеевне импонируют поддерживаемые Паниным (воспитателем Павла) разговоры о необходимости скорейшего восхождения Павла на трон. По словам Панина, «когда Павел Петрович, истинный наследник,

*Наталья
Алексеевна,
урожденная
принцесса
Августа-
Вильгель-
мина-Луиза
Гессен-Дарм-
штадтская*

достигнет совершеннолетия, именно он должен быть провозглашен императором».

Положение «молодого двора» становилось зыбким и даже опасным. Это было настоящее оппозиционное гнездо против Екатерины Великой. Невестка критично высказывалась о ее политике, о ее методах управления страной, неустанно интриговала.

А главное — всеми силами старалась вбить клин между мужем и свекровью, отношения которых и так не отличались особой теплотой. Сделать их врагами, сподвигнуть наследника на решительные действия для обретения короны, а потом... «Потом» было заманчивым и сулило почти неограниченную власть.

Возможно — единоличную.

Справа:
*Мария
Федоровна,
вторая жена
Павла I*

Павел I

У нее это получилось. Вскоре Павел Петрович видеть не мог ни мать, ни тех, кому она благоволила. Наталья Алексеевна оказалась умнее и дальновиднее даже своей свекрови — ведь у той в свое время не получилось сделать подкаблучником Петра III.

Представим только на мгновение, что бы было... Вдруг Екатерины II внезапно не стало бы? Кто бы

правил Россией? Ведь Павел Петрович был всего лишь нелюбимым мужем властолюбивой женщины. Скорее всего, на троне оказался бы совсем не Павел I, в историю России вошла бы очередная императрица. Наталья I.

Дело, правда, осложнялось тем, что с момента бракосочетания прошло уже два года, а долгожданного наследника у молодой четы все не

было. Зато появились упорные слухи о слишком тесных связях великой княгини с графом Разумовским. Но это как раз меньше всего волновало императрицу: нравы российского двора при ней были весьма вольными, причем пример подавала сама Екатерина, не скрывавшая своих увлечений и их последствий.

Как болтали в свете, «Наталья Алексеевна была хитрая, тонкого, проницательного ума, вспыльчивого, настойчивого нрава женщина. Великая княгиня умела обманывать супруга и царедворцев, которые в хитростях и кознях бесу не уступят; но Екатерина скоро проникла в ее хи-

Цель была поставлена, вчерашняя Вильгельмина желала стать императрицей Натальей I, в идеале — Великой, совершенно не принимая во внимание то, что у Екатерины II на достижение такого положения ушли десятилетия кропотливого и неустанного труда

трость и не ошиблась в догадках своих!»

Жаль, что осмотр невесты великого князя опытными повитухами не был произведен: принцесса решительно ему воспротивилась, считая унижительным. А то возможно и выявили бы, что у невесты наследника будут большие проблемы с деторождением. Если она вообще окажется к нему способной.

Павел Петрович же пребывал в эйфории, жену он искренне любил и полагал, что и сам заслуживает ответного чувства. Наследник ошибался. Наталья Алексеевна была к нему равнодушна до отвращения, но супруга наследника была честолюбива и видела, что на данном жизненном этапе ей необходима поддержка мужа.

Павел Петрович забросил обучение и всюду следовал за обожаемой

княгиней. Раздраженная таким ходом событий, императрица сообщала уже о недовольстве невесткой своему корреспонденту Гриму:

«Великая княгиня постоянно больна. И как же ей не быть больной — все у этой дамы доведено до крайности. Если танцует, то 20 контрактанцев и столько же менуэтов. Чтобы избежать жары в комнатах — их вовсе не топят. Одним словом, середина во всем далека от нас. После

не прекращались, Екатерина II не придавала им особого значения: происхождение ее собственного сына было, мягко говоря, сомнительным.

Двор ликовал: два года брака, и никаких намеков на прибавление в семье наследника, а тут такая прекрасная новость.

Схватки начались рано утром 10 апреля 1776 года. Рядом с Натальей Алексеевной находились врач и повивальная бабка. Даже импера-

До появления декабристов было еще далеко, но Наталья Алексеевна может считаться «первой ласточкой» этого странного мятежа. Она возглавила «молодой двор» в многочисленных политических интригах против императрицы. Благо она была хитра и изворотлива настолько, что могла заткнуть за пояс изощренную в подобных делах свекровь. Но ей очень не хватало гибкости и терпения

более чем полугода мы не знаем ни слова по-русски. Мы хотим, чтобы нас учили, но мы ни минуты в день стараний не посвящаем этому делу. Все у нас вертится кубарем».

Только в конце 1775 года императрица получила долгожданное известие — Наталья Алексеевна беременна, вскоре у ее сына появится наследник. С этого момента царица сменила гнев на милость, отношения с невесткой начали налаживаться. Хотя слухи о подлинном отце ребенка — графе Разумовском —

трица провела много часов у постели роженицы, но молодая княгиня так и не разродилась.

Через несколько дней младенец погиб в утробе матери. Врачи не смогли его извлечь, а кесарево сечение еще не вошло в российскую акушерскую практику. Вызывать иностранных врачей было поздно, да и особых надежд на них тоже не было.

Наталья Алексеевна скончалась 15 апреля 1776 года в возрасте 20 лет.

*Наталья
Алексеевна*

«Вы можете вообразить, что она должна была выстрадать, и мы с нею. У меня сердце истерзалось; я не имела ни минуты отдыха в эти 5 дней и не покидала великой княгини ни днем, ни ночью до самой кончины...» — писала Екатерина II.

Позже именно Екатерину II обвинят в том, что она ничего не сделала для спасения невестки. Но императрица действительно не отходила от ее ложа 5 дней, да и не была она столь жестокой.

Или была?

Говорили, что Наталья Алексеевна и граф Разумовский не только вступили в порочную связь, но и готовили государственный переворот. Екатерина Великая, которая получила корону благодаря свержению своего мужа при помощи фаворита, увидела в умной немецкой принцессе свое отражение. Рядом с такой супругой безвольный Павел мог повторить участь своего отца.

И все-таки, скорее всего, причастность Екатерины II к смерти принцессы — всего лишь слухи. Основная

причина в низком уровне медицины того времени. Это был тот случай, когда спасти мать и ребенка могло бы только своевременное кесарево сечение.

В родильной горячке, которая длилась пять суток, Наталья Алексеевна прокляла мужа и всех Романовых. Но... не Разумовского, о нем она даже не вспоминала. Так, может быть, отцом ребенка был все-таки законный муж — ведь супружеские отношения с ним продолжались?

После вскрытия выяснилось, что у роженицы была травма позвоночника, она не могла родить естественным путем. В детстве Вильгельмина упала с лестницы и сильно ушиблась. Спина долго болела, принцессу лечили притираниями, рекомендовали дальние пешие прогулки, побольше движения, хотя один бог знает, чего ей это стоило. К тому же жесткий корсет, который принцесса носила с детства, привел к необратимому искривлению костей, а суставы потеряли эластичность и фактически закаменели, что помешало при родах — кости таза не могли раздвинуться.

Современные медики уверены, что девушке вообще категорически нельзя было рожать естественным путем. Но других тогда просто не знали.

Иностранные дипломаты в вердикт врачей не поверили. И Павел Петрович тоже не верил.

Говорили, что смерть любимой жены стала для Павла настолько

сильным ударом, что он помутился рассудком. Он сильно переживал, закрывался в своей комнате, отказывался есть и пить. Состояние сына беспокоило Екатерину, ведь он был ее единственным наследником.

Выход нашелся: она показала сыну найденную в покоях великой княгини любовную переписку покойной Натальи Алексеевны с его другом Андреем Разумовским. Из этой переписки можно было сделать вывод о возможном отцовстве графа. Предательство самого близкого друга потрясло Павла не меньше, чем гибель обожаемой супруги, но... несколько смягчило горечь утраты.

Спустя шесть месяцев после смерти Вильгельмины, в октябре 1776 года, Павел Петрович женился на принцессе Софии-Доротее Вюртембергской, дочери Фридриха II, названной после миропомазания Марией Федоровной. На этот раз портретом не ограничились: Павел потребовал личного свидания с будущей супругой.

Брак оказался долгим и счастливым, в нем родилось десять детей. О будущем династии Романовых Екатерине II можно было не беспокоиться, равно как и о собственном положении на престоле.

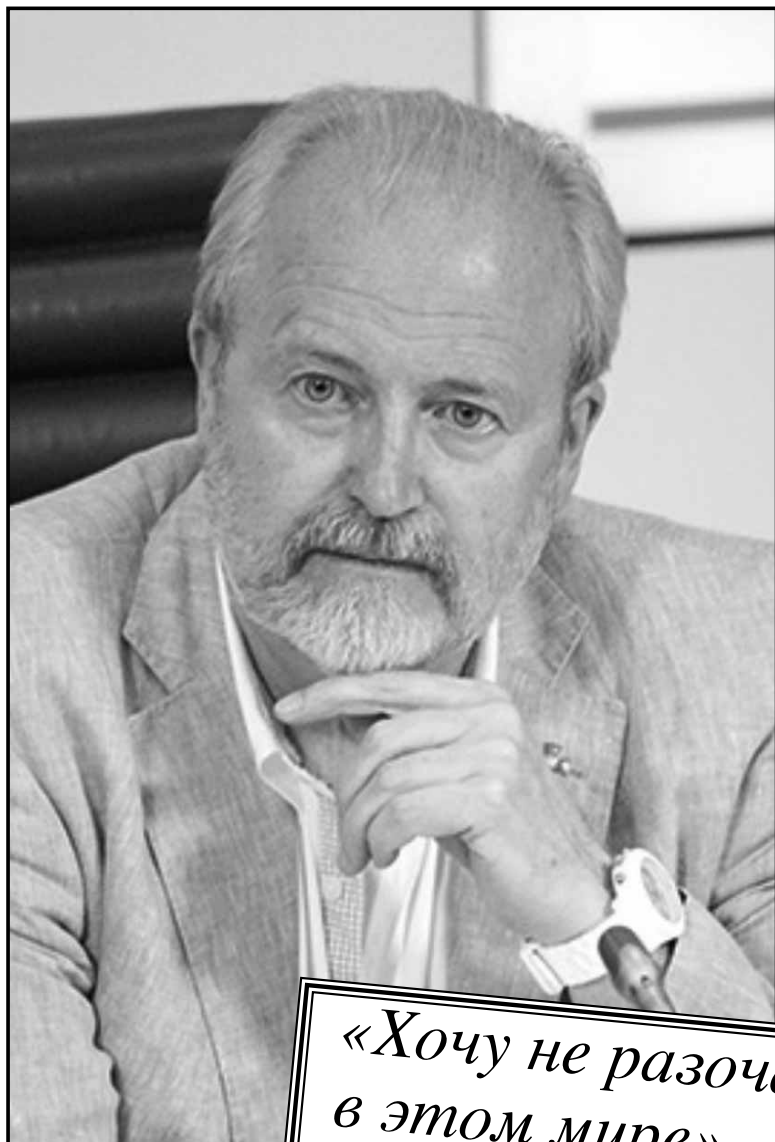
Император Павел I после смерти матери царствовал недолго. Он был убит заговорщиками в 1801 году. Проклятие гессенской принцессы сбылось в первый раз.

История показала, что не в последний... □

Владимир Хотиненко

Фото
из личного
архива

Владимир Иванович Хотиненко — прославленный кинорежиссер, обладатель многочисленных премий, автор кинохитов, народный артист России. Родившийся в Алтайском крае, он, будучи еще мальчишкой, мечтал уехать в Москву. Со временем его мечта осуществилась и принесла значимые плоды — его кинокартины «72 метра», «Зеркало для героя», «Мусульманин» и «Поп» входят в золотой фонд отечественного кинематографа. О своей непростой дороге в кино, увлечениях, и семейной жизни рассказал мэтр в интервью «Смене».

«Хочу не разочароваться в этом мире»

— В детстве вы были круглым отличником и при этом хулиганом, несколько раз убегали из дома. В вашем характере до сих пор сочетаются эти нес совме-

стимые качества, или с годами вы изменились?

— Конечно, изменился, не дай Бог, если бы остался таким же дураком, когда не жалел родителей.

Но есть основополагающие черты характера, которые проявлялись в бунтарстве. Это все осталось и в том, чем мы занимаемся сейчас, ведь в творчестве употребляем термин «хулиганство» не только мы, но и многие именитые режиссеры, правда, в хорошем смысле этого слова — в смысле свободы, а не правонарушения. Иногда в смысле нарушения правил. В данном случае хулиганство — синоним свободы. Мы часто говорим актерам: «Похулиганьте чуть-чуть, будьте свободнее, раскрепоститесь». Потом элементы риска, авантюрный дух остались, и сегодня позволяют братья за вещи, которые брать рационально, может быть, и не резонно. Но я, во всяком случае, еще ни разу не пожалел.

— В юности вы были чемпионом по прыжкам в Казахстане, этот спортивный дух помог вам в вашей профессии кинорежиссера?

— Даже с лихвой, потому что я прыгал в высоту. А тогда сияла звезда Валерия Брумеля, он был легендой, которой, к слову, и остался. Он был лучшим из лучших, а для меня кумиром. Мои физические данные не очень предполагали занятия этим видом спорта. Я был не того роста, имел не ту мышечную конструкцию. Но я уперся, так как был самолюбивым юношей, и, добившись того, что прыгал 190 см при моем росте 176 см, стал чемпионом среди школьников. И тут еще один важный момент —

это все благодаря чудовищной пахоте, нужно было много работать, что, к слову, очень дисциплинирует. При этом у меня и улица оставалась, не то чтобы я фанатично пропадал в спортзале. Но когда я попал на чемпионат Советского Союза среди школьников, проходивший в Киеве на Центральном стадионе, и увидел, как легко мои ровесники знаменитой школы Ланского преодолевают высоту, стоившую мне титанических усилий, то вдруг ясно понял, что мне, пожалуй, стоит заняться чем-нибудь другим. Это было мое первое серьезное решение, и я, оставив спорт, сосредоточился на других вещах.

— Кстати, о других вещах. Я знаю, что вы учились в архитектурном институте и до сих пор рисуете. Портреты кого из близких людей вам особенно дороги?

— Мне дороги рисунки, которые я рисовал в армии. В 70-х годах я понял, что архитектурой заниматься не буду, так как нечего было строить, точнее, не было того, что бы я хотел строить, скажем так. И я ушел в армию. Вот мои армейские рисунки сослуживцев мне особенно дороги. Вам неведомо, вы девушка, что такое дембельский альбом, который завершался фотографией. А я рисовал в нашей роте портреты. Вы же понимаете разницу между простой фотографией и рисованным портретом. И вообще это был потрясающий опыт. Надо сказать, что в то время судьба уже плела свою нить,

*Кадр из к/ф
«Мусульманин»*

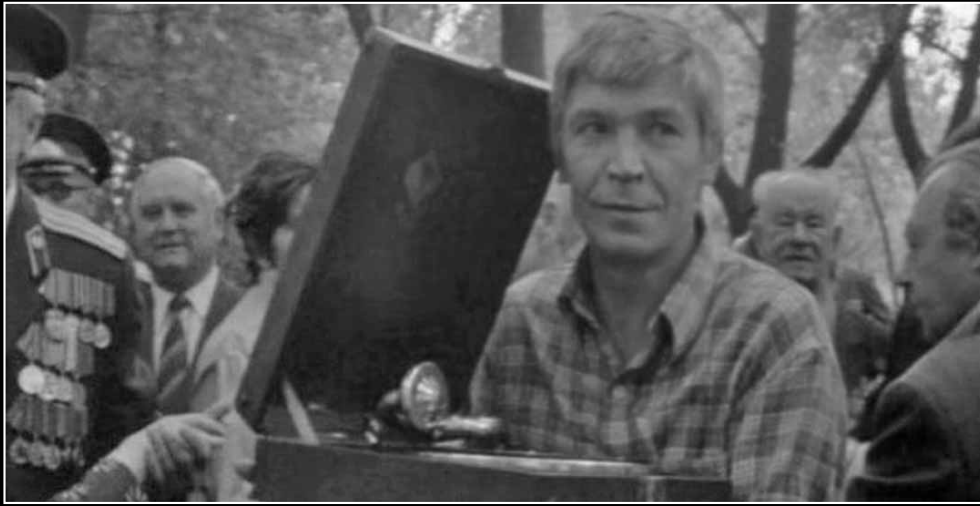
и я в итоге оказался на том пути, на котором нахожусь сейчас. Потому что, если бы не пошел в армию, я бы не встретил Михалкова, моего «крестного» в кино, и не сложилось бы очень много других обстоятельств, которые благодаря этому алгоритму сложились. Не произойди этого — и не знаю, как бы все получилось в моей судьбе...

— **В кинематографе вы уже десятилетия. Меняется киноязык, и по вашим фильмам можно проследить даже, как это происходит. Но вы всегда снимаете и говорите на современном языке о вечных темах. Как удается быть, как сейчас говорят, в тренде, улавливать тенденции, связанные**

даже с техническими особенностями кино?

— Я даже термин для этого придумал. В этих обстоятельствах чувствую себя собакой на охоте — пойнтером таким, пытаюсь почувствовать запах времени. В лучших моих картинах это, на мой взгляд, получилось. Но удается не всегда, иногда я промахиваюсь и ошибаюсь. И потом, разные обстоятельства бывают. Но, в общем, я пытаюсь почувствовать запах времени, его вкус...

— **Владимир Иванович, вы не только режиссер и артист, но и педагог. Вам приходится постоянно отсматривать работы студентов. Как вы думаете, чего не хватает отече-**

*Кадр из к/ф
«Зеркало
для героя»*

ственному современному кинематографу?

— Если говорить о вещах основополагающих, то не хватает драматургов и драматургии. Но не исключено, что это не причина, а следствие того, что, скорее всего, не хватает идей. А мне интересны люди, наполненные каким-то высоким смыслом. Взять того же Че Гевару — человек, который был одержим высокой идеей мироустройства. Она могла быть ошибочна, но все равно это была благородная идея. Я, конечно, не собираюсь сейчас никого оправдывать, потому что, как мы знаем, благими намерениями выстлана дорога в ад. Но все равно сегодня абсолютно не хватает высоких идей, простите за пафос, но это так. Без них человек не может существовать, для меня это аксиома. И вот сейчас, когда пришла эта беда в виде эпидемии, у меня твердое ощущение, что это не просто так, это, наверное, нам какой-то намек, чтобы мы собой по-

занимались немного, чтобы не утонули в мелочах. Посмотрим, чем все это закончится. В любом случае, нам всем надо крепко-крепко задуматься...

— Далеко не все знают вас как режиссера-документалиста. Я, посмотрев ваш фильм «Паломничество в Вечный город», восхитилась вашей эрудированностью и осведомленностью в данном вопросе. Откуда такие глубокие познания об истории христианства?

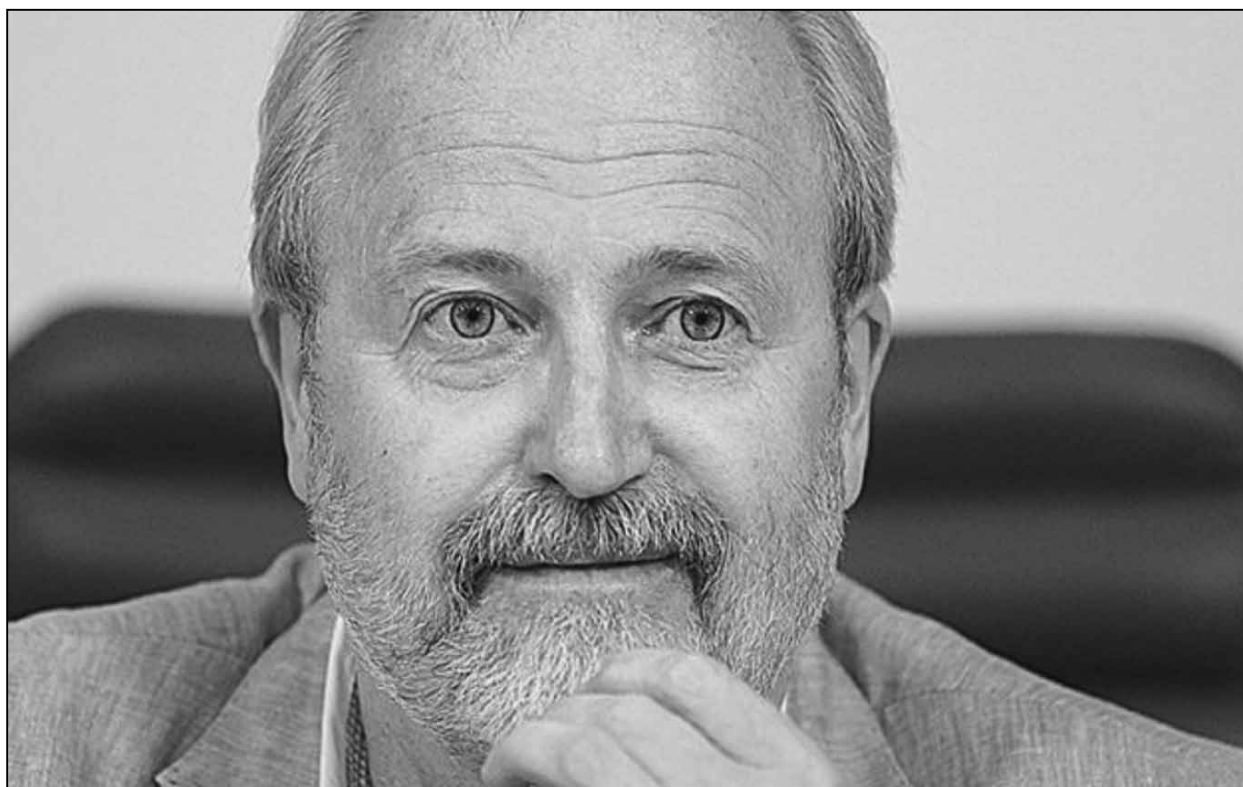
— Во-первых, я не один снимал этот проект — там была целая команда профессионалов. А, во-вторых, я не очень хотел браться за эту тему, меня жена уговорила. Я два раза отказывался, на третий раз мне жена сказала: «Давай ты лучше это сделай, а то, не дай Бог, кто-то это возьмет и испортит». К счастью, мне удалось не испортить, наверное, потому, что судьба была ко мне ми-

лостива, повела меня по важным ве-хам человеческим, в том числе и в случае «Паломничества в Вечный город». Это был первый и единственный совместный проект православной церкви и Ватикана, что само по себе уже уникально, это ведь история о первомучениках, которые были общими и для католической церкви, и для православной. А вот окунуться в то время помогли ведущие-артисты, разные в каждой серии. Мне важно было, чтобы личности присутствовали в фильме, и я просил их рассказывать так, будто они лично присутствовали при этих событиях. В вере никого не убедишь — либо она приходит, либо нет. Было множество историй, описанных в житиях святых, когда люди, глядя на муки христиан, на то, как

они мужественно их принимают, объявляли себя христианами. И даже не будучи крещеными, считаются христианами-мучениками. У нас был там такой пример понимания жития святого — когда некий человек Бонифатий, разгильдяй и пьяница, увидел муки и мужество этих людей — уверовал, вот и все! Такое может произойти в одночасье.

— Как-то вы сказали такие слова: «Воспитать душу могут только испытания». Что дает вам православная вера?

— Ориентиры правильные. Я очень часто вспоминаю послание апостола Павла коринфянам — назовем это монологом о любви. Апостол Иоанн, который написал Апокалипсис

и видел конец света, постоянно говорил своим ученикам одно и то же: любите друг друга, остальное придет. Простые по звучанию и сложные для понимания слова! Но это главное, ну и опору дает, конечно. Одна молитва чего стоит! Объяснить все это просто так невозможно.

— У вас трое внуков. Расскажите пожалуйста, чем они занимаются?

— Серафим, старший, учится в МГУ, у него хорошие физико-математические способности. Остальные школу заканчивают. Ване нравится продюсерская стезя, но посмотрим, куда дорожка выведет. Фекла занялась китайским языком. Они у меня такие ребятки, самостоятельные.

— Если еще говорить о ваших увлечениях, занятиях спортом, то в детстве дедушка однажды посадил вас на лошадь и вообще привил вам любовь к коням. Вы до сих пор занимаетесь верховой ездой?

— К сожалению, нет.. Как-то во время одних съемок жена попросила меня больше не ездить, и я ради нее, чтобы она не испытывала страх за меня, оставил это. Но ощущение единения с лошадью, когда ты верхом в галопе, и даже запах лошадей — все это осталось со мной.

— У вас есть свои, можно сказать, артисты, Сергей Маковецкий, Евгений Миронов, Нина

Русланова и многие другие, с которыми вы сотрудничаете много лет. А рабочие отношения перетекают в дружеские?

— Я много раз в этом убеждался. Все те, кто составляет наш коллектив — мы как-то друг друга чувствуем. Переписываемся, созваниваемся, общаемся. Но помимо этого существует еще какая-то метафизика таких связей, и это очень важно. Тут не главное каждый день встречаться, можно и раз в неделю, и реже. Главное, чтобы они каждый день присутствовали в твоей жизни. Помолиться за них, и все — я ощущаю их рядом с собой, и знаю, что они за меня. Это, по-моему, даже более существенно, чем просто встречи. Хотя встречаться, конечно, хорошо, и мы стараемся встречаться время от времени, но все-таки важно это незримое присутствие, каждодневное...

— Вы говорили, что главное в режиссуре — это терпение. А что главное в семейной жизни?

— То же самое. И любовь — само собой разумеется. Знаете, эти обстоятельства карантинные тоже стали испытанием, потому что когда в тотальном единении люди пребывают, начинают действовать другие законы, и с этим столкнулись многие. Преодолеть себя и в таких обстоятельствах означает, что ты себя натренировал, как мышцы в фитнесе. У меня в фильме «Поп» замечательная фраза была, которую произносит Маковецкий в роли батюш-

Кадр из к/ф
«Поп»

ки, когда говорит про характер своей жены: «Я об нее затачиваюсь».

— Вы получали неоднократно премии и звания. Чем для вас являются награды?

— Мне кажется, на этот вопрос трудно ответить честно, потому что наша профессия предполагает и требует какого-то вознаграждения. До определенного момента премия — это вещь хорошая, к ней нужно стремиться. Но, не дай Бог, превратить это в самоцель. Сегодня для меня это так, дело двадцать пятое. Но по молодости это было очень важно. Я помню, когда «Мусульманину» чуть Оскара не дали, представляете, но не случилось. Зато случилась одна интересная история. Мой приятель из Америки звонит мне и говорит: «Вот Шэрон Стоун с тобой хочет по-

говорить». Она долго возмущалась, что «Мусульманину» не дали Оскар. Вот это важно. Вот это для меня приз!

— О чем мечтает Владимир Хотиненко?

— Это вопрос «на засыпку». Чего я хочу? Я хотел бы снимать кино. Почувствовать звон этого ощущения, когда ты попадаешь во время. Я его первый раз в фильме «Зеркало для героя» ощутил. Это была моя третья картина, на первых двух я был на грани разочарования. Я вообще хочу не разочароваться в этом мире. Вот о чем мечтаю, потому что столько предпосылок, столько не-леплого и неказистого.... Очень хочется не разочароваться. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Олег Лемашов

ТРЕТЬЯ

ВОДА

— Все, дальше проехать не могу, извините, — сказал таксист, пожилой, грузный мужчина с зарождающейся проплешиной на макушке. — Дороги нет совсем. А пешком тут недалеко, километра два, может, три. Это если по тропинке идти. Вот через этот лес, если напрямки, и того короче будет. Я-то знаю, уже возил людей сюда.

— Да? — Дмитрий удивленно вскинул брови.

— Да. Вы ведь к деду Петру? — спросил таксист и тут же сам ответил: — А к кому же еще? Тут больше не к кому. Он последний из знатков. Их раньше немало было в наших краях. Нынче поумирали все, только дед Петро остался, последний.

— Как вы говорите, знатки?

— Знающие люди, значит. Так их называют. Знатки...

Рассчитавшись с таксистом, Дмитрий выбрался из салона старенького седана. Дороги и впрямь не было, ямы да колдобины, заполненные грязной водой, видимо, ночью здесь прошел дождь.

С самого начала затея со знахарем казалась Дмитрию бредовой. Глядя на разворачивающееся такси, он испытал искушение плюнуть на все и уехать обратно, пока есть возможность, но сдержался, потому что Люся искренне,

с отчаяньем верила, что это шанс для их сына. Он обещал ей, что съездит к этому знахарю, или экстрасенсу, или как его там. Проводив взглядом уезжающую машину, Дмитрий развернулся и пошел по разбитой дороге в направлении, указанном водителем. Шагать вдоль разбитой колеи было приятно, хотя и не совсем удобно. После целой ночи в поезде, затем почти трех часов в рейсовом автобусе до районного центра и, наконец, часа езды по трясучим проселочным дорогам в такси ноги сами просились пройти по земле.

Пока он шел, поднявшееся довольно высоко солнце стало припекать. Довольно быстро Дмитрий почувствовал усталость: когда тебе перевалило за пятьдесят, длительные прогулки по разбитой грунтовой дороге, к тому же местами скользкой из-за размокшей глины, уже не даются легко и непринужденно.

К счастью, идти оказалось действительно не очень далеко, вскоре за поворотом лес оборвался, и в низине показались дома небольшой деревеньки. Дмитрий остановился и оглядел открывшуюся ему панораму. Поселение вытянулось вдоль единственной улицы убогими и немногочисленными домишками. Покосившиеся деревянные избушки, почерневшие от времени стены и покрытые мхом крыши, телега без колеса у бревенчатого сарая, колодец, важно вышагивающие вдоль дороги гуси. Чуть далее за крайними домами виднелась река или озерцо. Ни машин, ни спутниковых тарелок, все выглядело так, как могло быть и сто лет назад. Будто музей под открытым небом или декорации к историческому фильму.

Деревушка называлась Вежды. Где-то здесь живет целитель, о котором Люся узнала от своей тетушки, а та от каких-то знакомых. Восторженные отклики тетушкиных знакомых вселили в нее надежду на выздоровление сына. Сам Дмитрий никаких иллюзий не питал. В памяти свежо было воспоминание о визите к одной такой деревенской целительнице, бойко собиравшей деньги с посетителей.

Людей на улице не было, и спросить, где живет дед Петро, было не у кого. Дмитрий вздохнул и пошел наугад. Вскоре ему повстречалась пожилая, не улыбкающая женщина, которая и указала дорогу.

Дом Петра Никодимовича оказался на противоположном конце деревни у реки. Подойдя к воротам, Дмитрий увидел во дворе людей: несколько женщин и мальчик-подросток сидели на лавочках вдоль забора и ждали, когда их пригласят в дом. Оказалось, к целителю очередь.

Справившись, кто последний, Дмитрий развалился на лавке, откинувшись спиной на дощатый забор, с наслаждением вытянул уставшие ноги и не заметил, как задремал. А когда очнулся и открыл глаза, во дворе никого уже не было. «Ну вот, и моя очередь подошла», — подумал он и, поднявшись с лавки, прошел в дом.

Дмитрий ожидал увидеть во множестве образа и иконы, но ничего этого не было. Обычное убранство, простое, даже скромное. Большой стол у окна, стулья, старый диван у стены, над которым висела потемневшая от времени картина с морским пейзажем. В углу стоял огромный, кованый сундук, по всей видимости, старинный.

Дед Петро сидел за столом, положив на него свои руки; и встретил вошедшего прямым, открытым взглядом. Густая, но не длинная борода скрывала возраст, ему могло быть и пятьдесят, и семьдесят лет. Ясные, улыбочивые глаза, крепкие руки, знающие мужицкую работу, прямая осанка и могучий стан — весь облик деревенского знахаря источал спокойствие и уверенность скалы. Одежда мятая, но чистая. Никаких амулетов и прочей шарлатанской атрибутики. Даже нательного крестика не видать, если и есть, то не на показ.

— Здравствуйте, Петр Никодимович, — поздоровался со стариком Дмитрий.

— И тебе не хворать, — отозвался старик и указал на стул напротив себя: — Садись вон.

— Да, спасибо.

Дмитрий сел и замялся, не зная, с чего начать. Старик пристукнул ладонью по столу:

— А может, чайку, дружок, попьем? А то я что-то умаялся. Людей сегодня много было, да и ты с дороги, видно, притомился. А за чаем и разговор потечет.

— Я бы не отказался.

— Ну, вот и славно. Чай у меня целебный, с травками разными, тебе на пользу будет, мысли в порядок придут.

Дед Петро вышел куда-то и через минут пять вернулся с двумя большими кружками, над которыми поднимался ароматный парок. Может, возникшая пауза и доверительная атмосфера чаепития возымели свое действие, а может, и впрямь чудный густой напиток обладал удивительной силой, но смятение Дмитрия улеглось, будто отложил в сторону темный камушек с души, даже дышать стало легче.

И он рассказал свою историю. Старик слушал внимательно, изредка перебивая рассказ уточняющими вопросами. В полумраке комнаты, наполненной ароматом чая из неведомых трав, с пляшущими по углам тенями, рассказывать то, во что сам не очень-то веришь, было легче. Слова лились неспешным ручейком, просочившимся сквозь плотину внутренних сомнений, и Дмитрий в какой-то момент почувствовал, как пустеет то место в душе, где поселилось и укоренилось горе.

Когда он закончил свой рассказ, старик долго молчал, прикрыв глаза, словно прислушивался к чему-то, слышному только ему одному.

Дмитрий заговорил первый, нарушив повисшую тишину:

— Знаете, честно говоря, я ведь не верю во все это. Рассказываю, как будто про кого-то другого. Иногда мне кажется, что я это надумал себе сам, что мне просто привиделось, даже ехать сюда не хотел.

— Да, да, — кивнул старик, будто и не ожидал другого ответа. Но тут же вскинул на Дмитрия взгляд из-под кустистых бровей: — Но ведь приехал сюда. Зачем, коли не веришь?

Дмитрий не ответил, лишь пожал плечами.

— Эх, дружок, ко мне ведь только такие и приходят. Когда уже все средства исчерпаны, и надежды почти нет. Когда осталось уповать только на чудо. Да вот чудес без веры-то не бывает. Чудеса требуют усилий. Один в каждой растущей травинке видит чудесную волю божью, а другому любое чудо сотвори, он ему все одно какое-нибудь удобное объяснение найдет. Каждый волен выбирать сам. Вот и получается, что чудо зависит от нашего выбора. Хотим ли мы, допускаем ли, что в этом мире возможно чудо. Верим ли мы! Иной раз думаешь: откуда силища такая у человека — захотел, и вот они существуют, чудеса. А не захотел — вроде, как и нет их. И ведь действительно нет их, в его жизни... — Старик помолчал немного и добавил: — Только вот зло на земле существует независимо от того, верим мы в него или нет. Вера... Это больше нам надо... Зло в нашей вере не нуждается. Ладно, сейчас еще чаю принесу.

Дмитрий неспешно пил густой, темный чай, тянул по чуть-чуть, смакуя терпкий травяной напиток. Старик сидел молча, устремив невидящий взор куда-то далеко за пределы комнаты и вообще явленного мира. Дмитрий терпеливо ждал, когда он заговорит. Свет потускнел в окошке, или в глазах потемнело, только очертания предметов поплыли, стали нечеткими, колеблющимися, зыбкие тени по углам зашевелились. Казалось, время тоже остановилось в ожидании. И когда тишина стала уже совсем давящей, старик тихо вздохнул и заговорил. Он сказал, что может помочь, знает, как это сделать. Но придется принять непростое решение. И еще он сказал то, о чем Дмитрий утаил, но не оттого, что желал скрыть, а потому, что память сама затолкала эти воспоминания в самые дальние и темные свои закоулки. И тут же образы прошлого хлынули, словно мутная застоившаяся вода сквозь брешь в плотине.

Димка был выхвачен из сна разъяренным отцом, который стоял над ним, изрыгая ругань и размахивая увесистой платяной штангой. Той са-

мой, на которую вешались вешалки-плечики в мамином шкафу. Оказалось, что Димка уснул перед телевизором, пока отец ходил с друзьями за водкой, а ключей они не взяли, просто захлопнули дверь, зная, что он дома. Стучали потом чуть ли не час, разбудили всех соседей по площадке, в итоге разбили окно на кухне и влезли в квартиру, благо она на первом этаже.

— Ты что? — кричал отец. — Ты специально меня позоришь перед друзьями?! Перед всеми соседями?! Не пускаешь в собственный дом!

Димка успел сжаться в комочек, подтянув ноги, по ним и пришелся первый удар. Звук рассекаемого воздуха, глухой стук — и резкая боль. В полумраке комнаты, разрываемом бликами от экрана телевизора, мелькало искаженное яростью лицо отца. Он успел ударить еще пару раз, пока с кухни на крики не прибежал Дема и не вырвал палку. Димка не знал настоящего имени папиного друга, его только так все и звали — Дема. Он был добрый, даже само его прозвище звучало как-то ласково. Из всех папиных друзей Дема нравился Димке больше всех, потому что всегда находил для него доброе слово или мог потрепать его по-свойски за волосы и дать ему вкусную конфету. Вот и сейчас заступился за Димку и загородил собой от разъяренного отца:

— Да ты что, с ума сошел, что ли? Ну, уснул пацан, так час ночи уже, он же не нарочно, зачем ты его лупишь?

— Уйди! — рычал отец. — Счас я его научу уважать...

— Не дури, Серый, оставь мальчика.

Дема вытолкнул отца на кухню, где сидели еще двое папиных приятелей, и больше Димку никто не беспокоил. Гул голосов с кухни он слышал еще долго, тихонько всхлипывая и прижимая ладошками ноги там, где по ним прошлась палка. Конечно же, он не должен был, не имел права засыпать и не открыть дверь. И раз он виноват, мама наверняка тоже будет его ругать, когда вернется с рейса. Только мама приедет еще не скоро, она работает проводницей на большом, красивом поезде и ездит на нем по всей стране, очень далеко. «Скорей бы мама вернулась, — думал Димка, — пусть даже она будет сердиться». И не заметил, как уснул...

Утром отец был хмурый, почти не разговаривал и на Димку не смотрел. В квартире они были одни, папины друзья давно уже ушли. Димка встал с диванчика, на котором спал, как был в одежде, и обнаружил, что может ходить, только сильно хромая. Но не это его беспокоило, а то, что отец старался на него не смотреть, из чего Димка понял, что его не простили. Своим детским умом он не понимал, что отцу просто стыдно после вчерашнего, поэтому он хмурился и отводил взгляд.

Димка быстро доел остатки жареной картошки, прямо со сковородки, попил воды из крана и поковылял к себе в комнату.

Потом вспомнил, что давно не поливал цветы в гостиной, а мама очень об этом просила, уезжая в рейс, и вернулся на кухню. Долго оглядывался, пытаюсь сообразить, во что бы набрать воды. На столе и в раковине полно грязных тарелок, но это совсем не годилось. Была еще пепельница, полная окурков, — к ней даже не хотелось прикасаться. Наконец взгляд наткнулся на пустую трехлитровую банку. Димка решил, что это вполне подойдет, хватит на все цветы и еще останется. Налил воды наполовину и поковылял в зал, где отец, лежа на диване, смотрел телевизор.

Цветы стояли на подоконнике, за шторами, в красивых разноцветных горшках. Видимо, невезение Димкино продолжалось: пытаюсь отодвинуть штору одной рукой, он выронил банку, и она разбилась вдребезги, разметав по полу воду и осколки..

Димка замер с широко раскрытыми глазами, понимая, что опять все испортил. Втянув голову в плечи, он затрясся и тонким голосом запричитал:

— Я не виноват! Я просто... Я...

— Ладно, ладно, успокойся, — сказал отец, хмурясь и по-прежнему отводя взгляд в сторону, — ничего страшного. Ну-ка отойди, а то порежешься.

Он аккуратно выбрал все осколки, потом собрал воду тряпкой, сам полил злосчастные цветы, после чего прибрал немного на кухне, помыл посуду, пожарил Димке яичницу и ушел на весь день. Димка остался дома один, но к этому он привык. Поскольку ноги сильно болели, гулять он не пошел, а просто смотрел телевизор, лежа на диване. Иногда подходил к разбитому окну и подолгу смотрел на спешащих по своим делам людей, на неспешно плывущие облака, на залитую теплом щедрого летнего солнца пыльную дорогу, исчезавшую за углом дома напротив. Под окном росли ветвистые кусты сирени, надежно укрывая собой Димку от случайных взглядов прохожих, оставляя ему только небольшой проем для обзора.

Вечером отец пришел совсем в другом расположении духа, он был весел и добродушен. Потягивая вино из большой темно-зеленой бутылки, приготовил Димке ужин — макароны по-флотски и рассказывал смешные истории из своей молодости. Димке, конечно же, не нравилось, если папа приходил выпивший, но когда у отца случалось вот такое беззаботное настроение, тогда с ним становилось по-настоящему интересно. И не страшно.

Они поужинали и сели смотреть телевизор. Показывали передачу о морских обитателях Крайнего Севера. Папа развалился в кресле и, прикладываясь время от времени к бутылке, смешно комментировал происходящее

на экране. Куда-то отступили страхи и обида за побои палкой, это ведь было ночью, и тогда Димка был сам виноват, а сейчас папа снова добрый и веселый и совсем не сердится. Однако так продолжалось не долго. По мере того как отец прикладывался к своей бутылке, речь его становилась все более и более бессвязной. Взгляд стекленел, движения становились медленными и неуверенными. Он забывал, о чем говорил, сбивался или вообще замолкал, подолгу уставившись в одну точку.

Это превращение и быстрота, с которой оно происходило, сбивали Димку с толка. Он, конечно, понимал, что поведение отца меняется из-за того, что он пьет из этой своей бутылки, но все равно это происходило как-то слишком быстро и оттого пугающе.

Передачу дальше смотреть стало не интересно, Димка хотел уже поискать на других каналах мультики и даже привстал, чтобы подойти к телевизору, но в этот момент папина рука разжалась, бутылка с громким стуком упала на пол, и Димка вздрогнул от этого резкого звука. Отец проводил отсутствующим взглядом неспешно покотившуюся бутылку, не выражая при этом никаких эмоций, словно, это все его не касалось, а затем бессмысленный, блуждающий взгляд остановился на мальчугане.

Димка уже видел этот взгляд, пустой и ничего не выражающий, как у куклы. Словно папы и нет вовсе, а вместо него непонятное существо сидит сейчас в кресле, покачиваясь, как пугало на ветру. Но самое страшное было то, что его взгляд не был совсем уж безжизненным. Нет! Там, за этой пустотой, все же что-то было! Или даже кто-то. Из глубины папиных глаз, как будто сквозь мутные линзы, за Димкой затаенно и злобно следил кто-то посторонний, чужой и торжествующий!

— Папа... — робко позвал он. — Папа, ты меня слышишь?

Но папа молчал и не мигая смотрел на Димку.

— Пап...

«Он мой!» — прозвучал вдруг в полумраке комнаты негромкий, но отчетливо слышный голос.

Димка похолодел и почувствовал, как зашевелились волосы на затылке. Настороженный, словно зверек, готовый убежать в любое мгновение, он напряженно всматривался в глаза отца, стараясь понять, что же такое тот увидел, но никак не мог разглядеть и осознать. В какой-то момент Димка испытал внезапно нахлынувшее чувство жалости к папе, тот сидел такой беспомощный и безвольный, как будто кто-то хитрый и безжалостный навсегда завладел им и держал в своей власти. Он ведь на самом деле очень хороший, добрый и сильный. Димке стало ужасно жалко себя тоже. Он остро ощутил, что совсем один в квартире, потому что мама далеко,

ее здесь нет и папы, похоже, тоже... В уголках глаз предательски защипало, и по щеке покатилась слеза.

Димка, осторожно передвигая избитыми ногами, приблизился к отцу, протянул к нему руки и тихонько позвал:

— Папа...

Какое-то мгновение ничего не менялось, отец продолжал молча смотреть на Димку невидящим взглядом, а затем в его глазах из самой глубины стал разгораться мрачный огонь. Может, причиной тому были отсветы от экрана телевизора, а может, что-то еще, о чем думать совершенно не хотелось. А потом все тот же голос, клопоча от ярости, снова закричал: «Он мой!»

Не чувствуя боли в перебитых ногах и не слыша собственного крика, Димка вбежал в свою комнату и забился под кровать, где и пробыл безвылазно до самого утра.

Утром отец был привычно хмур и неразговорчив. К приезду мамы он вставил стекло на кухне, перемыл гору посуды и навел везде порядок. Когда мама, наконец, вернулась, он ничего ей не рассказал. Хотя она пылливо и недоверчиво заглядывала ему в глаза, он все равно уверял, что в ее отсутствие все было хорошо. Почему, он и сам не знал. Может, потому, что считал себя виноватым из-за разбитого окна, а, скорее, просто очень хотел, чтобы и в самом деле все было хорошо....

Кивнув охраннику на выходе, Дмитрий почти бегом выпорхнул из офиса адвокатской конторы к своей машине, перепрыгивая через лужи. Опавшая за день под мелким морозящим дождем листва налипла яркими желтыми пятнами на лобовом стекле и на капоте, словно пытаясь замаскировать серебристый линкольн. Он торопливо очистил машину от листьев и запрыгнул в салон. Выезжая с парковки, Дмитрий одной рукой выкручивал руль, а другой судорожно шарил в кармане пиджака, выискивая смартфон. Он терпеть не мог разговаривать за рулем, но времени, как всегда, не хватало. Нашупав телефон и перескакивая взглядом с экрана на дорогу, набрал номер жены.

— Привет! — услышался ее звонкий голос. — Ты уже едешь?

— Люсь, алло! Привет, послушай, мне нужно на точку заскочить, Лариса Михайловна звонила, у нее внук заболел, подменить нужно.

— Опять? Да ты и так постоянно на этой точке своей пропадаешь, — в голосе жены зазвучали расстроенные нотки, — я тебя почти не вижу.

— Милая, ну чего ты... На этой неделе вообще в первый раз туда еду, ты же знаешь. К тому же я не надолго, всего пару часов на телефоне подежурить...

— Смотри, ты обещал — всего пару часов.
— Это не считая дороги, — попытался поторговаться Дмитрий.
— Нет уж, пару часов на все про все, — отчеканила ледяным тоном супруга и отключилась.

Дмитрий поморщился и сунул смартфон в нагрудный карман. Положив руку на сердце, Люся была права, конечно, он и в самом деле много времени проводил «на точке». Межрегиональная благотворительная общественная организация «Точка опоры». Это название они придумали вместе с Колей Востриковым. Когда три года назад Николай обратился к нему за помощью в оформлении документов для открытия общественной организации с целью оказания помощи зависимым от алкоголя и их семьям, Дмитрий и не предполагал, что постепенно втянется в эту деятельность своего старого друга, которого всегда считал наивным романтиком-идеалистом.

Поначалу все ограничивалось чисто юридической помощью — подготовка учредительных документов, регистрация некоммерческой организации. Но после того как «Точка опоры» была зарегистрирована, Николай все чаще обращался к Дмитрию за помощью: то договор аренды проверить, то еще что-нибудь по мелочи, и он периодически заезжал к ним в небольшой офис на окраине, не замечая, как все больше и больше втягивается в это дело — помощь отчаявшимся людям.

Люсе, конечно, сложно было понять, что же движет им, когда он после работы едет в «Точку опоры» или мотается по городу, занимаясь какими-то алкоголиками. Она решила, что так он заполняет пустоту, образовавшуюся после того, как сын уехал от них. Артур теперь жил в далеком и холодном Владивостоке, обзавелся там семьей, пустил корни, и теперь видятся они очень редко. Отчасти, наверное, это было так, но была еще одна важная побудительная причина, которую Дмитрий не знал, как объяснить жене, поскольку это было на уровне ощущений. Каждый раз, когда удавалось кому-то помочь, когда в глазах человека, сидящего напротив, отступала боль и загоралась надежда, он явственно чувствовал, что сделал что-то хорошее и нужное, что-то настоящее, и от этого на душе становилось тепло.

С Ларисой Михайловной он встретился в дверях.

— Дмитрий Сергеевич, миленький, большое вам спасибо, что приехали, вы меня так выручили, так выручили! — всплескивая пухлыми ручками, защебетала она.

— Да ладно, чего там, мелочи.

— Сегодня звонков почти не было, я думаю, и вечер пройдет спокойно.

— Скорее всего.

— Я тогда подскочу к закрытию, за ключами.

— Не беспокойтесь, Лариса Михайловна, я сам все закрою, а ключи сразу забирайте, у меня есть дубликаты, Коля недавно сделал.

Проводив Ларису Михайловну, Дмитрий налил себе кофе покрепче и устроился напротив мерцающего монитора. Телефон действительно молчал. Отхлебывая кофе, он просмотрел свою почту, затем полистал новости, потом набрел на интересную вроде бы статью, но быстро стало скучно. Тут раздался звонок и он снял трубку:

— Благотворительная общественная организация «Точка опоры».

— Здравствуйте! — Судя по всему, голос принадлежал пожилой женщине.

— Здравствуйте, давайте для начала представимся, меня зовут Дмитрий, а вас?

Женщина замолчала. Дмитрий знал, что звонившим сюда начинать разговор бывает непросто, поэтому не удивился возникшей долгой паузе и терпеливо ждал.

Наконец она заговорила, с паузами, борясь с волнением:

— Валентина... Валентина Николаевна. У меня сын пьет... Сильно... И я думала... Извините... Я просто... Не могу уже... — Рыдания окончательно оборвали ее и без того сбивчивую речь.

— Валентина Николаевна, давайте немножечко успокоимся, — мягко произнес Дмитрий. — Вы правильно сделали, что позвонили сюда. Это первый и очень важный шаг.

Женщина еще какое-то время молчала, но, видимо, нашла в себе силы и повторила:

— У меня сын пьет...

— Так, давайте по порядку, давно он запивает?

— Да, уже давно.

— На сколько дней он уходит в запой?

— Если его не остановить, я даже не знаю... Неделю может пить, может и больше.

— Понятно, в семье кто-то пил? Отец, например?

— Отец его пил, водка его и сгубила в конце концов. Думала, отцов пример его остановит, вразумит. Но нет. Я ему говорю: «Петенька, что ж ты, как батька твой непутевый кончить хочешь?». А он все смеется, все трин-трава ему, все шуточки. Говорит: «Это ж Россия-матушка, здесь так положено».

Женщина продолжила изливать свое горе, а Дмитрий не перебивал ее, поскольку знал, сейчас самое главное, что ей нужно — выговориться, почувствовать, что она не одна с этой бедой. Она рассказывала, какой он на самом деле милый и хороший парень, и руки у него золотые, и жену лю-

бит, но жизни нет из-за «змия зеленого». Дмитрий слушал уставший от своего горя голос и в который раз поражался, насколько все-таки похожи эти истории, звучащие почти каждый день из этой трубки. Но, несмотря на всю их схожесть, к ним было невозможно привыкнуть.

Дав женщине выговориться, он мягко перехватил нить разговора:

— Валентина Николаевна, послушайте, что я вам скажу. Случай сложный, конечно, но не безнадежный, уверяю вас. Я вас прошу, не отчаивайтесь, пожалуйста.

— Я уже, честно говоря, ни на что не надеюсь...

— Так вот, здесь налицо целый комплекс причин, в том числе тяжелая наследственность. Плюс с детства имеет место психическая деформация — алкоголизм отца. Кроме того, у него одна из самых сложных и труднопреодолимых психологических защит, он спрятался за образом шута и все переводит в юмор, в шутку. А это значит, на критику его вывести труднее всего.

— И что же делать? — В голосе Валентины Николаевны зазвучала затаенная надежда, спокойный и мягкий голос Дмитрия успокаивал и внушал уверенность.

— Начать надо с понимания: если человек пьет, значит, ему это зачем-то нужно. И относиться к этому с уважением. Его оправдания, объяснения нужно принимать к сведению, но маловероятно, что они отражают истину. С ним надо поговорить. Понятно, что это не просто, он, как и большинство страдающих алкоголизмом, не считает, что ему нужна помощь, поэтому нужно правильно выбирать время для разговора. Пока человек получает от алкоголя удовольствие, или, скажем, преимущественно удовольствие, все усилия достучаться до него не приведут к успеху. Обращаться к нему нужно тогда, когда отрицательные последствия пьянки проявляют себя больше, чем обычно. Знаете, у нас, тех, кто работает с алкоголиками, есть такая присказка: «Каждый должен достичь своего дна». Это не значит, что нужно позволить ему допить до чертиков. Но это дно нужно дать ему почувствовать во всей красе, и вот тогда его можно уговорить обратиться за помощью к специалистам. При этом ни в коем случае не допускайте унижений, ругательств, хоть это и тяжело иной раз, я понимаю. Дайте ему почувствовать свою любовь, готовность помочь в любой момент.

Дмитрий говорил еще много о чем. О том, что нужно завести сообщников среди родственников, друзей, соседей. О том, в какой момент и что именно нужно говорить человеку, чтобы страх перед последствиями пьянства стал сильнее желания пить. О том, что нужно пробудить самое главное — желание бороться.

— Спасибо вам, доктор! — дрожащим голосом произнесла женщина, когда он закончил.

— Я не доктор.

— Ой, ну я уж не знаю, как вы там называетесь... Спасибо вам. Я как-то прям зарядилась от вас. Может, и вправду все наладится.

— Обязательно наладится, Валентина Николаевна, вот увидите.

— Знаете, Дмитрий... — вдруг испуганно добавила она, — иной раз не могу отделаться от мысли... Мне порой кажется, что это одержимость.

— То есть?...

— Когда у него начинается запой, он становится словно одержимый, словно его самого уже нет здесь, а есть кто другой. Сидит в нем, смотрит на меня и ухмыляется. В такие моменты мне становится очень страшно. Я, наверное, дура старая?

Дмитрий почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

— Нет, хм... Вы просто долго находились в состоянии психологического стресса, это... Так бывает... Знаете, мне знакомы эти ощущения. Мой отец был алкоголиком, очень сильно пил. В детстве мне тоже иногда казалось, что, когда он напивается, им управляет кто-то... Некто другой. Я настолько в это верил и боялся... Но, повзрослев, понял, что не было никакого демона или беса, не было никакой одержимости, был просто испуганный ребенок, живущий в этом аду и пытавшийся хоть как-то оправдать своего отца. Вот и все! Алкоголь — это просто противоплазматический яд, губительно действующий на центральную нервную систему, на головной мозг, из-за чего и наблюдается заторможенный вид, остекленевший взгляд. Такой внешний, визуальный эффект плюс наше желание хоть как-то оправдать близкого человека...

— Да, конечно. Конечно, вы правы, доктор... — тихо проговорила женщина.

Дмитрий не стал ее поправлять, он вдруг ощутил себя очень уставшим, ему нестерпимо захотелось, чтобы этот разговор закончился. Валентина Николаевна, видимо, почувствовала это.

— Спасибо вам, Дмитрий, вы мне все так хорошо растолковали.

— У вас неизбежно еще возникнут вопросы, обязательно звоните нам. Возможно, уже не я вам отвечу, но это неважно, у нас все сотрудники хорошие специалисты, они обязательно проконсультируют вас по любому вопросу.

— Да, спасибо, до свидания.

— Всего доброго, Валентина Николаевна.

Положив трубку, Дмитрий некоторое время сидел молча, в задумчивости потирая виски. Потом встряхнул головой, отгоняя дурные мысли и беспричинное чувство тревоги, встал из-за стола и отправился домой.

В просторном салоне линкольна негромко играла приятная блюзовая мелодия, и ароматизатор с запахом кофе создавал атмосферу уюта. По дороге домой Дмитрий совсем успокоился и почти вернулся в привычное благодушное состояние. Машина бесшумно летела сквозь вечерние сумерки, чуткий руль послушно реагировал на малейшие движения рук, а за окном мелькали огни рекламных вывесок и цветастых витрин. Фасады высотных зданий освещались разноцветными прожекторами, что разительно преображало вечерний лик города, делало его праздничным и торжественным. В этом мире все было прекрасно и размеренно, расставлено по полочкам и даже красиво подсвечено. И все эти разговоры о демонах и одержимости... Какая нелепость! Он даже усмехнулся, укоряя себя за глупые эмоции.

Люся встретила его в дверях с заплаканными глазами, с прижатыми к губам пальцами, словно надеялась сдержать, не дать вырваться горьким словам. У Дмитрия внутри все оборвалось при виде жены, он почувствовал, что ноги стали ватными. Он ждал и боялся чего-то подобного. С того самого момента, как положил телефонную трубку, он понял, что в его привычном размеренном существовании что-то изменилось. Что-то невыразимое, существующее на уровне смутных ощущений и неясных страхов прорвалось в его жизнь.

— Что такое, Люсь? Ты чего?

— Артур... Он... Мне звонила Света. Он пьет, запойно пьет уже год, представляешь? Она боялась сказать, потому что он ей запрещает.

— Что ты говоришь? Что за чушь, я не понимаю...

— Артур пьет, наш сын пьет, Дим, мертвецки напивается. Когда он не на вахте, он пьет не просыхая. И Света уже боится... Она хочет уходить от него.

— Этого не может быть! Почему она раньше ничего не говорила?

— Потому что он запретил ей. Она боится, Дим. Ты бы слышал ее голос...

Людмила рассказала Дмитрию, что Артур на новой работе очень изменился. Сначала все шло хорошо, работа ему нравилась, платили неплохо. А потом он стал выпивать, чтобы не отрываться от коллектива, Мол, в бригаде не поймут. Постепенно становилось все хуже и хуже. Дмитрий слушал и думал о том, что так не бывает, так не может быть. Ситуация казалась ему нереальной, словно одна из бесчисленных историй, прозвучавших «на точке», зацепилась, заразила его, незаметно проникла в дом на подошвах туфель.

Всю дорогу до аэропорта и сам перелет он воспринимал как болезненный, дурной сон. Беспрестанно гнал от себя мысль, что это он во всем виноват, но она снова и снова возвращалась. «Нельзя было об этом расска-

зывать, нельзя вспоминать о демоне, ты же знал, что он вернется! Знал, что так будет! — горько пенял он себя, и тут же его рациональная часть возражала: — Перестань нести чушь! То, что ты вспомнил и рассказал о своих детских страхах, никак не связано с тем, что Артур пьет. Никак! Тем более, Света говорит, что он пьет уже год или даже больше. И если бы ты вчера промолчал, то это никак не изменило бы тот факт, что он начал напиваться еще год назад!»

Дмитрий совсем не был в этом уверен. А негромкий, но настойчивый голос вкрадчиво шептал ему: «Изменило бы! Если бы ты молчал, всего этого не было бы, и ты это знаешь! Ты рассказал то, о чем говорить нельзя, и теперь сидишь и успокаиваешь себя, придумываешь правильные объяснения. Но сколько бы ты ни изворачивался, сколько бы ни придумывал убедительных оправданий, ты знаешь, что виноват сам. Нельзя будить лихо, пока оно тихо!»

В аэропорту Владивостока его никто не встречал, Артур был не в состоянии, а невестке встречать он запретил, отчасти потому, что был зол на нее (молчала целый год!), но в основном, чтобы Артур не оставался один, без присмотра.

Трап самолета, аэропорт, такси, сливающийся в серый поток город за окном автомобиля, подъезд, ступени, третий этаж. Из морока он вынырнул только перед дверью и нажал на звонок.

Ему открыла Света.

— Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич, — чуть ли не прошептала она.

— Здравствуй. — Глядя на ее уставшее лицо, на припухлости под глазами и горькую складку между бровями, Дмитрий понял, что не имел права злиться на невестку. — Где он?

— Там, — указала она рукой на комнату.

Дмитрий вошел и увидел сына, сидящего в кресле. Корпусом тот подался вперед, локтями опершись на колени и свесив кисти рук между ног.

С первого взгляда Дмитрий все понял и о стадии опьянения, и о признаках необратимой деградации личности, но не это его поразило и заставило покрыться холодным потом.

Он отчетливо ощутил, что в данный момент его сына, его Артура, которым он так гордился и которого так любил, здесь нет. Пустота дырой зияла в глазах покачивающегося существа.

Бессильно опустившись в кресло напротив сына, Дмитрий устало закрыл глаза рукой в немом жесте отчаянья. А в следующий миг вдруг замер, скованный ужасом. В тишине комнаты торжествующий голос, который он

сразу узнал, несмотря на толщину прошедших лет, произнес, а возможно, призрачным эхом из прошлого прозвучал в его голове: «Он — мой!»

Когда человек находится в крайней степени отчаяния, в обстоятельствах, когда ему неоткуда ждать помощи и дух его достигает дна в своем падении, он становится способным поверить в невозможное, во что-то чудесное, могущее принести избавление от тяжелых горестей. То, что ранее он отменил бы с негодованием или с презрительной усмешкой, предстает перед ним в ином свете. Так уж устроено в нас природой или Богом, что вера в невозможное, в чудо просыпается в нашей душе только перед лицом опасности или беды столь грозной, что простыми методами и решениями ее никак не разрешить. И только перепробовав все рациональные способы и варианты, убедившись в бесплодности всех попыток, мы обращаем свой взор в область неведомого, пытаемся нащупать то, что ранее никогда даже не допускали в своих мыслях. В этой вере в заветное чудо полно неизвестности, и нет никаких гарантий, что мы нащупаем именно то, что так истово искали. Но что там точно есть — так это надежда. И далеко не все способны понять, что эта надежда, дарованная, когда в ней уже со всех сторон отказано, уже сама по себе тоже есть чудо...

Дмитрий слушал старика и одной своей частью понимал, что при других обстоятельствах он считал бы все, что тот говорит, бредом или дешевой комедией. Но эта его часть была мала и немощна по сравнению с той его частью, что жадно внимала каждому слову старого знатка.

— Ты не виноват, что так случилось, — говорил старик, — не вини себя. Это зло пришло в вашу семью не по твоей воле или недосмотру. Но в твоей воле его остановить. Ты единственный, у кого достанет сил с ним совладать.

— Что это значит? — спросил Дмитрий.

— Это действительно одержимость, — тяжело вздохнул старик. — Злой дух, вечно голодный демон, он давно преследует твою семью. Ларьва — так его называли в старину.

— Ларьва? — Дмитрий попробовал на вкус незнакомое и, как ему показалось, несерьезно звучащее слово.

— Ларьва или лярва, у него много имен. Разные народы называют их по-разному. Ларьвы — демоны низшего уровня, но они чрезвычайно сильны и унесли жизней гораздо больше, чем самые страшные эпидемии, прокатившиеся по земле. Избавиться от них очень тяжело, а для слабых волей людей вообще невозможно. — Старик замолчал ненадолго, потом устало произнес: — Сын твой слаб. Сам он не справится.

— Вы же сказали, что сможете помочь! — Дмитрий почувствовал, как что-то опустилось в груди.

— Слушай меня внимательно и запоминай. Я дам тебе три бутылочки с водой. Эти три воды потребуются испить. Это заговоренная вода, она поможет. После этого он избавится от ларвы. Ты оставайся здесь ночевать, в бане тебе постелю. На закате и на заре я буду готовить тебе заговоренную воду. Первая вода будет сладка, вторая солонка, а третья — горькая. Как вернешься, дашь сыну выпить первую воду. Она отнимет силу у демона, твой сын сможет остановиться, перестанет пьянствовать. Вернется к нему разум и способность видеть себя. Но первой воды надолго не хватит. Она будет держать его не больше недели, и если за это время ничего не сделать, то ларва опять наберет силу и подомнет его.

Дмитрий слушал, затаив дыхание, словно сокровенную истину, несколько не сомневаясь в силе и правдивости этих слов. Старик отпил чаю и продолжил:

— Пока демон без сил, отвезешь сына подальше от людей. Найди место, где никого нет, начерти круг, сядьте внутрь, там дашь ему испить второй воды. Его тело исторгнет демона, и он станет свободен. Правда, ненадолго, ларва вернется к нему, если ничего не предпринять. — Сказав это, он замолчал, хмуря брови, уставился куда-то в угол и бесшумно шевелил губами, словно силился высказать что-то очень тяжелое.

Устав ждать, Дмитрий осторожно спросил:

— А что делать с третьей водой?

— Это будет самое трудное, — снова тяжело вздохнул старик.

Подобно человеку, избавившемуся от мучительной зубной боли, Дмитрий испытывал приподнятое настроение просто от того факта, что Артур вышел, наконец, из запоя. После того как выпил первую воду, он не прикасался к спиртному уже почти неделю, и этой малости было достаточно, чтобы укрепиться в надежде на благополучный исход. Первая вода сработала, а значит, старик, этот последний из знатков, не соврал. Он действительно знающий, обладает силой, следовательно — все получится! Как будто огромная глыба свалилась с души, и облегчение, возникшее при этом, было сродни чувству детского восторга у ребенка, который твердо знает, что впереди его ожидает только хорошее.

Серебристый линкольн плавно рассекал свежий утренний ветер, унося отца с сыном прочь от города.

Артур сидел рядом притихший и с интересом рассматривал мелькающие за окном пейзажи. Он посвежел, к нему вернулся здоровый цвет лица, и в душе затеплилась осторожная надежда.

— Пап, мы ведь не на рыбалку едем, да?
— Нет, не на рыбалку.
— Это все по совету того знахаря?
— Да. В их местности таких, как он, называют знатками.
— Как? Знатки? — удивился Артур.
— Это от слова знать, я полагаю. Знающие люди.
— Понятно... Пап... Думаешь, это сработает?
— Сработает, — стараясь, чтобы голос звучал как можно уверенней, ответил Дмитрий. — Без сомнений.

Они долго петляли по проселочным дорогам, выискивая уединенное место, чтобы исключить случайную встречу с другими людьми. Наконец остановились у небольшого озерца, окруженного со всех сторон редкими порослями молодого березняка. День выдался солнечный, тихий и безветренный, будто сама природа затаила дыхание, почувствовав важность момента. Поверхность озерца едва подергивала легкая рябь, листья на тоненьких березках почти не шевелились.

Выйдя из машины, Дмитрий огляделся и удовлетворенно кивнул:

— Пойдет. Остановимся здесь.
— И что нам тут предстоит делать? — Артур говорил тихо, но все слова были отчетливо слышны в безветренной тишине.
— Да все просто на самом деле, ничего запредельного.

Дмитрий оставил Артура выгружать из багажника продукты и не нужные, в принципе, рыболовные снасти, а сам решил пройтись по берегу озерца в надежде собраться с мыслями и совладать с внезапно охватившим его волнением. Было немного страшновато — предстоящий шаг пугал неотвратимостью последствий — и в то же время радостно, потому что впервые за долгое время появился шанс справиться с горькой бедой. Пусть и высокой ценой.

Они позавтракали, сидя на расстеленном старом покрывале, и при этом почти не разговаривали. Говорить не хотелось, каждому в силу своих причин. Артура не отпускал груз вины, раскаяние и душный страх, что он снова не удержится и погрузится в морок пьянства.

Дмитрий внешне хоть и был спокоен, но тоже переживал: достанет ли ему сил? Прав ли был старый знаток? «Первая вода сработала именно так, как и сказал старик, Артур бросил пить, сразу и без оговорок. Значит, и все остальное должно сработать», — мелькнула в голове мысль.

Он хлопнул ладонью по земле и громко проговорил, обращаясь к самому себе:

— Ладно, давай сделаем это.
— Давай, — повернулся к нему Артур. — А что надо делать?

— Нам нужно сесть в круг, и ты должен выпить вторую воду.

— И все?

— И все. Почти...

— Как-то все просто...

— Ага, я тоже так подумал, когда старик мне об этом рассказывал.

— Наверное, много денег с тебя слупил...

— Нет, ты знаешь, вообще денег не взял. Мне одна местная старушка потом подсказала, что можно положить в прихожей на тумбочку, сколько не жалко...

Начертив на земле ножом круг, они сели в центр, и Дмитрий подал сыну небольшую пластиковую бутылочку:

— Вот, это вторая вода.

Артур открыл, осторожно понюхал и покачал головой:

— С виду обычная вода, такая же, как и первая. — Посмотрев отцу в глаза, он чуть улыбнулся, залпом выпил все, до последней капли и слегка разочарованно произнес: — Вода как вода, правда, теплая.

Через мгновение гримаса боли исказила его лицо, и он свалился на землю, согнувшись пополам. Жестокие судороги скрутили его, пробежали волной по всему телу и выплеснулись обильной пенистой рвотой.

Дмитрий с побелевшим лицом только шептал:

— Терпи сынок, так надо.

Наконец Артур со слабым стоном обессилено упал на землю и, мутным взглядом посмотрев на отца, едва слышно посетовал:

— Вот ведь жесть! Кровь во рту... Противно! Дальше что?

— Ничего. Это все, Артур. Все, что тебе нужно было сделать.

...В комнате стремительно темнело, Дмитрий не знал, то ли так быстро наступил вечер, то ли просто мерк свет в глазах от дрожащего марева, исходившего от старика. Да и не имело это никакого значения сейчас, для Дмитрия не существовало ничего вокруг, кроме неспешных слов, тяжелыми камнями падающих с губ старого знатка. Он собирал эти слова-камни, складывал в глубине своей души, чтобы ничего не забыть, не пропустить.

— Лявву нельзя убить, нельзя прогнать, нельзя убежать от нее и спрятаться. Она не боится ни молитв, ни угроз, и она никогда не отпускает свою жертву. Если поселилась в человеке, иссушит его волю, подчинит себе полностью и постепенно уничтожит его, выпьет всю его жизненную силу. Есть только один способ — победить ее в себе. Только так.

— Мой сын сможет победить ее в себе? Потому что она ослабнет от заговоренной воды?

— Нет. Он не сможет, она всегда будет рядом, вновь наберет силу и вернется. У него нет ни малейшего шанса.

— Я не понимаю... Зачем тогда все это? Зачем ему пить эту заговоренную воду, первую, вторую, третью?

— Ему надлежит выпить только первую и вторую. Первая вода — сладка, она ослабит демона, и твой сын на некоторое время избавится от тяги к спиртному. Вторая вода — солонка, она исторгнет ослабшего демона из его тела. Но ненадолго, ларьва будет искать возможность вернуть себе тело, из которого ее изгнали, и в конечном итоге вернет его.

Дмитрий терпеливо молчал и не задавал уже никаких вопросов, просто зажал в кулак затеплившуюся, было, надежду, чтобы не перегорела раньше времени, не задуло случайным порывом стылого разочарования.

— Только ты можешь с нею справиться, — продолжал старик, — только у тебя достанет сил и воли задавить ее в себе. Она и обходила тебя столько лет, потому что знает: ты сильный, с тобой ей тяжело будет совладать.— Старик потер уставшие глаза, тяжело выдохнул, и вновь посыпались каменные слова: — Так что выход у тебя только один: хочешь спасти сына — возьми ларьву себе. Третья вода — горькая, она для тебя, выпьешь, и с нею демон войдет навсегда. Бороться с ним придется всю жизнь, ларьва никогда не прекратит попыток сломить тебя. Никогда! Но ты единственный, кто может ему противостоять.

Дмитрий протянул руку и погладил Артура по голове, как в детстве, когда еще не сдерживал свою нежность к сыну, теперь уже неуместную и неудобную по отношению к взрослому мужчине. Все сбывалось так, как предсказывал старик, и теперь оставался последний шаг. Он посмотрел на бутылочку, на бултыхающуюся в ней прозрачную жидкость, открыл, понюхал. Никакого запаха. Вода как вода. Поджал губы, плавно выдохнул, выпил залпом все содержимое и уже во рту ощутил, как обычная вода стала горькой водкой, обжигающей небо и пищевод. Чувствуя, как зашумело в голове, Дмитрий ободряюще улыбнулся Артуру и произнес:

— Все будет хорошо, сынок! □

ФИНАНСОВЫЙ ГЕНИЙ из России

(или Одинокий
орел,
летавший
по жизни)

18 марта 1886 года в Киеве в семье крупных сахарозаводчиков и землевладельцев Терещенко родился сын Михаил. Это была крупнейшая в царской России семейная промышленная империя. В городе Глухове и в Киеве, где был размещен основной капитал, всерьез считали, что сначала Терещенки возводили соборы для крещения своих детей, потом строили для них гимназии и университеты, а затем создавали

банки и конторы, где они могли работать. Едва ли не каждый десятый украинец трудился на семью Терещенко. Однажды дед Никола подзвал к себе Михаила и сказал: «Твой отец болен, Миша, а я стар, <...> поэтому тебе придется возглавить семейное дело. Будь готов к этому...» И строго завещал отдавать «для пользы общества» 80% прибыли. В 1903 году, когда Михаилу Терещенко исполнилось 16 лет, умерли и отец, и

дед. Личное состояние юноши оценивалось примерно в 70 миллионов рублей. В наследство он получил 39 сахарных заводов, 400 га земли, соляные шахты, химические и металлургические заводы. Он сам толком не знал величины своего состояния.

В детстве Миша увлекался географией и историей, физико-математическими науками, свободно владел французским, английским и немецким языками, позднее их число достигло 13. Окончив Киевскую гимназию, он три года учился в Киевском университете, а в 1905–1908 годах изучал экономику в Лейпцигском университете, потом прослушал курс лекций в Петербургском университете, а в 1909 году экстерном окончил юридический факультет Московского университета. Там он до 1911 года работал на кафедре римского и гражданского права. Однако в знак протеста против увольнения ректора и проректора, вместе с группой преподавателей, ушел из университета и переехал в Петербург, где стал работать чиновником (без содержания) в Дирекции императорских театров. Молодой человек был очень начитан, хорошо знал русскую классическую литературу, слыл балетоманом, поддерживал дружеские отношения с Александром Блоком, Федором Шаляпиным. Вместе с сестрами он владел издательством «Сирин», выпускавшим книги литераторов Серебряного века. Не забывал Михаил и о семейном бизнесе: был членом правления

Всероссийского общества сахарозаводчиков, членом совета Волжско-Камского и Киевского отделений Азовско-Донского банков. Но в эти годы его все же больше интересовала богемная жизнь, светские развлечения, коллекционирование дорогих предметов искусства. Он продолжал пополнять семейную коллекцию картин, которая соперничала со знаменитой галереей братьев Третьяковых. Петербургский губернатор граф И. Толстой, с которым Терещенко был в приятельских отношениях, так отзывался о Михаиле: «Сам Терещенко мне понравился: кажется, неглупый и разбитной, хотя нельзя отрицать наличности в нем сознания миллионера и соответствующего апломба, несколько портящего общее прекрасное впечатление». Порой неизрасходованная энергия молодого богача поражала воображение петербургского света. Однажды в Феодосии Михаил увидел огромную красивую яхту «Иоланда», на то время самую большую яхту в мире. Он загорелся желанием немедленно приобрести ее, сколько бы она ни стоила. Владелец яхты, американский миллиардер Плант, заупрямился и назвал сумму, способную отпугнуть неожиданного покупателя. Но несговорчивый американец не смог увернуться от необычной сделки: в тот же день ему доставили наличными заявленную сумму. Мать не одобрила покупку, такие неразумные траты денег не соответствовали семейному

правилу, которое гласило: «Стремление к общественным пользам».

Михаилу невероятно везло в азартных играх. В 1910 году, путешествуя по Европе, он не смог отказать себе в удовольствии заехать в Монте-Карло и в свой 21-й день рождения заглянуть в известное во всем мире казино. К утру он выиграл такую сумму, что казино отказалось дальше играть с ним. Близко знавший Михаила Ивановича депутат IV Государственной думы А. Бубликов вспоминал: «В публике за Терещенко закрепилась образная кличка «же-

из которого ювелирный «Дом Картье» изготовил уникальный голубой бриллиант весом в 43 карата, считавшийся тогда вторым по величине в мире. Михаил назвал его «Бриллиантом Терещенко». Камень был обрамлен 47-ю бриллиантами разных цветов и форм огранки, и получившееся в результате кольцо молодой супруг подарил Маргарит. В недалеком будущем этот бриллиант спасет Михаила Ивановича от больших неприятностей и изменит его дальнейшую судьбу. (14 ноября 1984 года на аукционе «Кристис» бриллиант

Михаил Иванович в который раз удивил столичную элиту: приобрел огромный индийский алмаз, из которого ювелирный «Дом Картье» изготовил уникальный голубой бриллиант, считавшийся тогда вторым по величине в мире, и назвал его «Бриллиантом Терещенко». В будущем этот бриллиант спасет Михаила Ивановича от больших неприятностей и изменит его дальнейшую жизнь

ниха с состоянием»<...>. Он молод, красив и от отца<...> унаследовал состояние в десятки миллионов». Однако долго ходить в женихах молодому красавцу не пришлось. В 1912 году в Париже он влюбился в девушку из простой семьи Маргарит Ноэ и, вопреки желанию матери, женился на ней. У них родились две дочери и сын. Приблизительно в это же самое время Терещенко вновь удивил столичную элиту: приобрел огромный индийский алмаз,

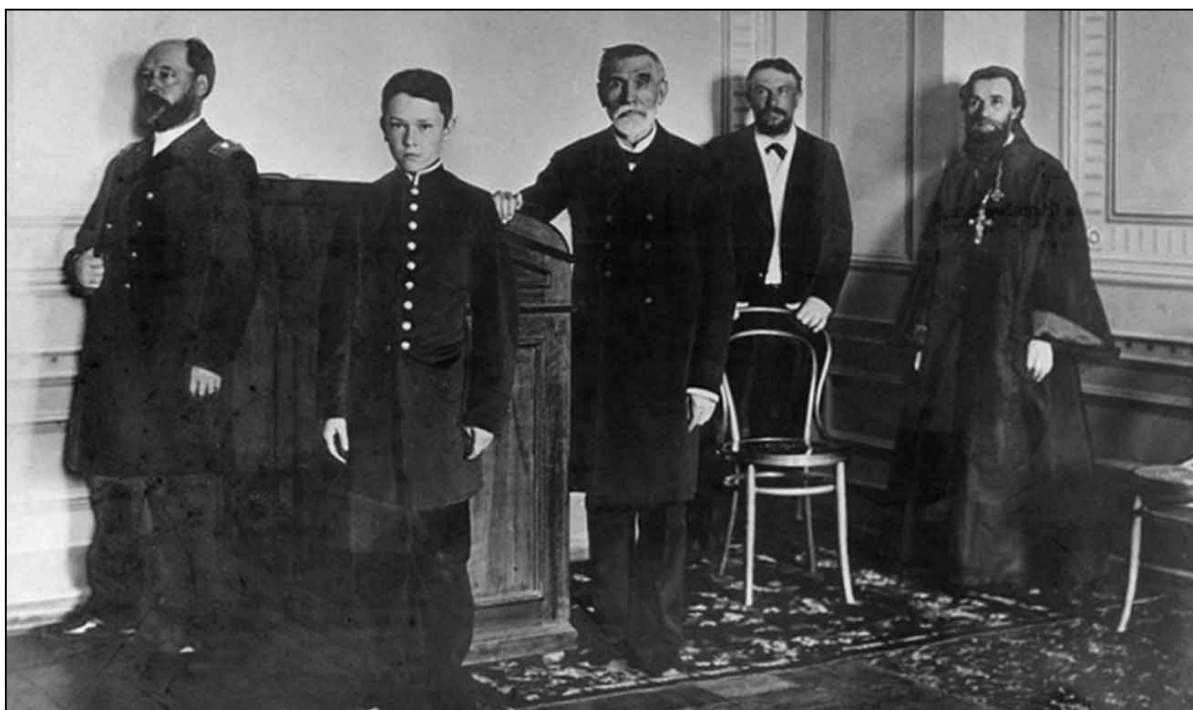
приобрел за \$4,5 миллиона ливанец Р. Моувад и дал ему имя «Голубой Моувад». Сейчас его цена равна приблизительно \$20 миллионам.)

Казалось бы, молодой миллионер должен быть вполне довольным своей жизнью. Но его неудержимо влекло заняться политикой, решать судьбы страны, избавить ее от царского самодержавия. Лопухин в своих «Записках бывшего директора департамента Министерства ино-

странных дел» подтверждает: «Терещенко сделался ярким оппозиционером царскому правительству, <...>настойчиво пропагандировал замышлявшийся <...> дворцовый переворот <...>пожертвовал миллион рублей на революцию».

В начале 1917 года группа конспираторов, которую возглавлял председатель Государственной думы А.И. Гучков, разрабатывала план, имевший целью отречение Ни-

сделать государственный переворот.<...> Он и его друзья сознавали, что если не взять на себя руководство дворцовым переворотом, его сделают народные массы». В эти дни, полные тревожных ожиданий, необыкновенную смелость и решительность проявил председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Он добился аудиенции у царя и 10 февраля прибыл к нему с докладом. Вот как описывает эту встречу

*Михаил в Первой киевской гимназии.
Справа от него — глава империи Терещенко дед Никола*

колая II от престола. В группу входили: член Государственной думы Некрасов, князь Вяземский, Терещенко и генерал Крымов. Терещенко не скрывал замыслы заговорщиков: «Генерал Крымов<...> не побоялся вступить в ряды той небольшой группы лиц, которая решилась

член Госдумы В. Шульгин: «Ваше величество, спасайте себя. Мы накануне огромных событий, исхода которых предвидеть нельзя, — начал Родзянко. — То, что делает Ваше правительство и Вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно.<...> Вы хотите

во время войны потрясти страну революцией?» «Я сделаю то, что мне Бог на душу положил». «Ваше Величество, Вам<...> очень надо помолиться, усердно попросить господ Бога, чтобы он показал правый путь, потому что шаг, который Вы теперь предпримите, может оказаться роковым.<...> Я уйду в полном убеждении, что это мой последний доклад Вам». «Почему?» «Я полтора часа Вам докладываю и по всему вижу, что Вас повели на самый опасный путь... Вы хотите распустить Думу, я уже тогда не председатель и к Вам больше не приеду.<...> Я убежден, что не пройдет

Голубой бриллиант Терещенко

и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас, и Вы уже не будете царствовать. Нельзя так шутить с народным самолюбием, с народной волей, с народным самосознанием, как шутят те лица, которых Вы ставите.<...>Вы, государь, пожнете то, что посеяли». «Ну, Бог даст...» «Бог ничего не дает.<...> Революция неминуема». Родзянко

как в воду глядел. Действительно, трех недель не прошло, прошло лишь две недели и два дня. А через девятнадцать дней после этого разговора я уже в Пскове принял из рук несчастного самодержца акт его отречения от престола».

Тем временем в Петрограде не прекращались антивоенные митинги, демонстрации, стачки на промышленных предприятиях. Столичный гарнизон присоединился к вышедшим на улицы революционно настроенным толпам. Началась всеобщая забастовка. 27 февраля 1917 года она переросла в вооруженное восстание, которое вошло в историю России как Февральская буржуазно-демократическая революция. А уже 2 марта было образовано Временное правительство, состоявшее из 11 министров.

Портфель министра финансов получил Михаил Иванович Терещенко, которому еще не исполнилось и 30 лет. Это назначение многих тогда удивило. Упомянутый А. Бубликов, вместе с которым Терещенко заседал в IV Государственной думе, с явной издевкой утверждал: «Молодой человек со стажем маленького чиновника по балетной части, никому в России не известный, в финансах ровно ничего не смыслящий. Абсолютно нельзя объяснить, кого он представлял в кабинете, так же, как никогда после нельзя было добиться, кто его «выдумал» — все отреклись!» Этот обидный выпад был совершенно не справедлив.

Михаил Иванович вошел в правительство по предложению Гучкова и уже достаточно хорошо разбирался в государственных делах. В 1915–1917 годах он был заместителем председателя Всероссийского военно-промышленного комитета. А как у успешного предпринимателя и финансиста, у него были обширные деловые связи на самом высоком уровне. В этот бурный период в истории России, когда страна «завязла» в бессмысленной мировой войне, молодой министр для спасения рушащейся экономики брал кредиты у западных банков под свои собственные гарантии. Проработав на посту министра финансов три месяца, Терещенко неожиданно назначается министром иностранных дел. На этом посту, как вспоминает сотрудник МИДа Г. Михайловский, Терещенко «стремился, не выходя из общих рамок дореволюционной политики, поставить себя по-новому как представитель революционного и демократического правительства, которое не может говорить тем же языком, что и царское». Недоброжелатели и завистники вновь подвергли его насмешкам и критике. Управляющий делами Временного правительства В. Набоков (отец будущего писателя) отмечал у молодого министра «светскость, отсутствие у него твердых убеждений, продуманного плана, полный дилетантизм в вопросах внешней политики». Но что мог сделать этот министр в правительстве, которое просущество-

Михаил с женой Маргарит Ноз

вало всего 8 месяцев, и состав которого за это время сменился четыре раза? Однако надо отдать должное этому «дилетанту», он все-таки пытался что-то сделать. Впрочем, без особых результатов. В военном вопросе министр был непоследователен: то он выступал за продолжение России в участии в войне и конфликтовал по этому вопросу с военным

министром А.Верховским, считавшим, что армия более воевать не может, то выступал с призывом «мира без аннексий и контрибуций». Он также вел переговоры с британской королевской семьей о предоставлении Николаю II и его близким убежища в Великобритании. Но король Георг V, двоюродный брат Николая, которые были удивительно похожи друг на друга, почему-то предпочел откеститься от родственников.

25 октября Временное правительство собралось в Белом кабинете Зимнего дворца, окна которо-

правительстве от первого до последнего дня.

В Петропавловской крепости, в холоде, тесноте и сырости, Терещенко просидел почти четыре месяца в ожидании смерти, которая казалась неминуемой. Находившийся в это время в тюрьме монархист полковник Ф.Винберг вел дневник, в котором есть такая запись: «Вот они<...> толстосумы, представители крупной русской промышленности. Пресыщенные роскошью своей жизни.<...> Могу отметить, что здесь, в тюрьме, из этих людей<...> один Терещенко производит определенно хорошее

Когда после Февральской революции было образовано Временное правительство, в которое входило 11 министров, Терещенко, по рекомендации Гучкова, сразу получил портфель министра финансов. Это был самый молодой министр — к тому времени ему не исполнилось и 30 лет

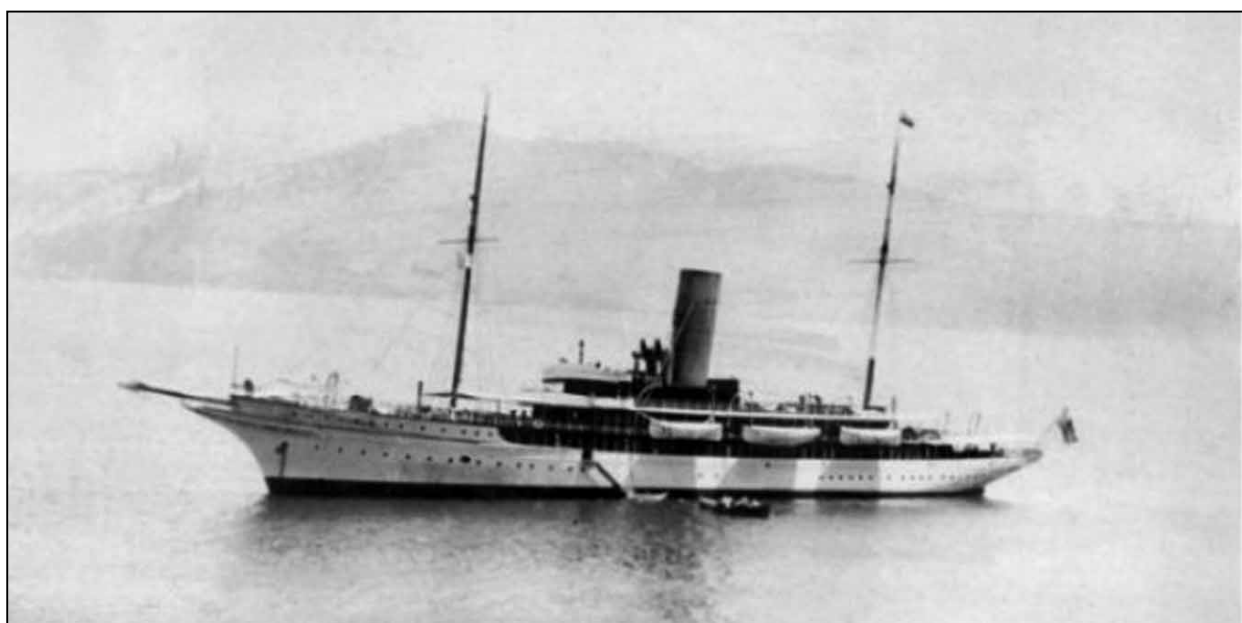
го не простреливались. Министры, одетые в шубы и пальто, ждали прибытия военной помощи из Гатчины. Телефоны молчали. Отряды вооруженных рабочих, солдат и матросов уже захватили дворец. В кабинет доносились выстрелы, крики и звон разбитых стекол. Но помощь так и не пришла. Временное правительство было арестовано и отправлено в Петропавловскую крепость. Терещенко был в их числе. Он был единственный министр, который проработал во Временном

впечатление: милый, симпатичный, прекрасно воспитанный человек, умный, образованный».

И вдруг неожиданно пришло освобождение. Мать Михаила Ивановича истратила больше 100 тысяч рублей на то, чтобы выволить сына из тюрьмы. Несмотря на ходатайства влиятельных людей, В. Ленин наотрез отказывался отпускать своего «классового врага». В борьбу за освобождение супруга вступила и Маргарит Ноэ. Будучи француженкой, она обратилась за помощью

к главе французской военной миссии Пьеру Дарси, который добился, чтобы Ленин ее принял. Двадцать часов Маргарит ожидала на морозе, прежде чем ее пропустили в Смольный. На встрече присутствовал Троцкий. Путая от волнения французские и русские слова, Маргарит стала рассказывать об огромных средствах, которые семья Терещенко тратила на благотворительность, бесплатные столовые, больницы и общежития для рабочих, обещала вывезти му-

щенко», в нем почти 43 карата. Я могла бы отдать его, разумеется, для нужд революции... если вы согласитесь отпустить Мишеля!» Последнее, что запомнила Марго, был внимательный, заинтересованный взгляд Троцкого<...> Весной 1918 года большевики освободили Терещенко.<...> Его посадили в автомобиль и отвезли на Финляндский вокзал<...>, запихнули в товарный вагон поезда, уходящего в Мурманск. Есть было нечего, стоял невероят-

Яхта «Иоланда» — самая большая и богатая яхта того времени

жа во Францию. Вот как об этой встрече пишет в своей книге сын Терещенко Мишель: «Ее слушают молча. Глаза Ленина безучастны, Троцкий смотрит в окно. Марго понимает, что аудиенция вот-вот может закончиться, и тогда она решается на последний, отчаянный шаг. Еще одну минуту! — просит Марго. — У меня есть знаменитый «Бриллиант Тере-

нный холод, а Михаил был болен и обессилен. В долгой дороге он потерял сознание и наверняка замерз бы, если бы его не нашли местные жители<...> Он переехал в Финляндию, а в начале мая 1918 года добрался до Осло... А Пьера Дарси без какой-либо видимой причины арестовали и отправили в Москву. Там его вскоре нашли мертвым —

Троцкому не нужны были свидетели».

В конце концов, Терещенко прибыл во Францию, где его ждала Маргарит. Он получил французское гражданство, но жил под постоянным наблюдением подозрительных людей в штатском. Приходилось менять гостиницы, месяцами прятать-

Михаил, Маргарет, Мишель

ся у надежных людей. Лишь после смерти Ленина агенты оставили его в покое.

Бывший министр устроился на работу банковским служащим. Благодаря своим коммерческим, организаторским талантам и трудолюбию уже через пару лет дела его начали поправляться. Он становит-

ся управляющим лондонского отделения банка Ротшильдов, потом крупнейшего австрийского банка «Кредит-Анштальт», партнером нескольких других банков и финансовых компаний во Франции и на Мадагаскаре. Теперь многие стали называть его «финансовым гением».

В 1923 году Михаил Иванович развелся с Маргарит, которая очень любила супруга. Семь лет, прожитых в России как в чудесной сказке, она не могла забыть до конца жизни. С детьми и с Марго Терещенко не прекращал встречаться. А в 1926 году он женился на норвежке Эббе Хорст. Она родила ему сына, которому дали имя Иван. Добившись прочного финансового положения, Михаил Иванович вновь занялся благотворительностью: помогал нуждавшимся русским эмигрантам, открывал приюты для обездоленных соотечественников, помогал найти работу, но старался эту деятельность не афишировать.

Неожиданно начались серьезные неприятности. Советское правительство отказалось выплачивать долги — как царской империи, так и Временного правительства, по которым Терещенко как министр финансов давал личные гарантии их возврата. На карту была поставлена его репутация. Чтобы рассчитаться с долгами, он продал виллу в Монте-Карло, квартиры в Париже, яхту «Иоланда», а также перевел банкирскому «Дому Ротшильдов» и американскому банкиру Дж. Шиффу все деньги со сво-

их счетов. Свой золотой портсигар, и тот был вынужден продать. Однако полностью покрыть долги не удалось. В это время разразился мировой экономический кризис. Кредиторы предложили Михаилу Ивановичу отработать оставшийся долг, занимаясь ликвидацией их проблемных банков. Терещенко принял предложение. Выражаясь современным языком, он стал работать кризисным менеджером. Блестяще справившись с этой нелегкой задачей,

В это время Терещенко, покинув Австрию, жил в Лондоне. Он мог обратиться к своему другу королю Георгу V и получить английский паспорт. Однако Михаил Иванович решил покинуть туманный Альбион и переехал в Португалию. Там он организовывал переправу в Англию ученых, художников и французских солдат, бежавших из оккупированных немцами стран. После окончания войны Георг V решил присвоить титул лорда людям, не являвшим-

В 1939 году Терещенко спас от банкротства банк «Кредит-Анштальт», переведя все его средства за два дня до захвата гитлеровцами Австрии в нейтральную страну — княжество Монако. Узнав об этом, Гитлер приказал арестовать Терещенко. Быть личным врагом Гитлера вызывало у Михаила Ивановича даже некоторую гордость

Михаил Иванович заработал достаточно денег и в 1937 году полностью погасил свои долги. А в 1939 году он спас от банкротства банк «Кредит-Анштальт», переведя все его средства за два дня до захвата гитлеровцами Австрии в нейтральную страну — княжество Монако. Узнав об этом, Гитлер приказал арестовать Терещенко. Быть личным врагом Гитлера вызывало у Михаила Ивановича даже некоторую гордость.

Накануне Второй мировой войны британское правительство запретило пребывание на своей территории граждан СССР и Российской импе-

ся подданными британской короны, но внесшим значительный вклад в победу над фашизмом. На церемонию присвоения почетного звания было приглашено 799 человек, в том числе и Терещенко. Однако Михаил Иванович оказался единственным, кто на церемонию не явился и этого титула так и не получил. Он хорошо помнил рассказ деда Николы о том, как царь Александр II предложил даровать деду дворянский титул. Церемония требовала опуститься перед монархом на колени, но Никола Терещенко не желал становиться на колени перед

монархом и сумел сделать так, что титул дали не ему, а его отцу, которому из-за преклонного возраста позволили нарушить протокол. Михаил Иванович решил последовать примеру деда и прадеда: перед английскими королями он тоже не стал унижаться. Начав с нуля, Терещенко вновь стал богатым и преуспевающим человеком, окончательно укрепив свою репутацию как крупного бизнесмена и финансиста. В Европе его называли финансовым гением. В послевоенные годы он работал в шведской финансово-промышленной группе «Валенберг». Когда Швеция сделала огромный рывок в своем экономическом развитии, Терещенко был признан одним из творцов этого «шведского экономического чуда». Он стал совладельцем нескольких финансовых компаний и банков во Франции и на Мадагаскаре, возглавил крупную компанию с плантациями в Мозамбике. Лето он проводил в Альпах. Дело в том, что Михаил Иванович, когда жил в Австрии, увлекся альпинизмом, а в 64 года стал членом клуба альпинистов. Как и в прежние годы, он не забывал заветов предков о «стремлении к общественным пользам», создавал приюты для эмигрантов, помогал им подыскать работу.

Почти сорок лет Михаил Иванович бережно хранил паспорт гражданина Российской империи, не желая менять его ни на какой другой. Он болезненно тосковал по России, и эта тоска приняла странный харак-

тер. Ему было больно, когда он слышал родную речь, и он просил родных не говорить при нем по-русски. Сам он тоже перестал говорить на родном языке. «Лишь раз, — вспоминает Мишель, — гуляя с маленьким Пьером по парижским улицам, он нарушил это правило.<...> Всегда такой сдержанный и холодный, отец вдруг стал обниматься с каким-то шедшим навстречу широкоплечим человеком. Они долго и взволнованно говорили о чем-то по-русски. «Прости, сынок, я не мог иначе, — объяснил потом Михаил сыну. — Ведь это был Федор Шаляпин».

Отец представлялся Мишелю «большим одиноким орлом, который летал по жизни». И вот пришло время «орлу» опуститься на землю, чтобы подвести итоги своих «полетов». В свои семьдесят лет Михаил Иванович, всегда отличавшийся отменным здоровьем, был крепким мужчиной, но жизнь давно тяготила его. Наверное, с того самого дня, когда он понял, что никогда не сможет вернуться на Родину и восстановить былое величие огромной финансовой империи, которую возглавлял. «<...>Его жизнь была подобна вращающемуся барабану рулетки, — пишет в книге Мишель. — Он делал ставки и выигрывал, потом ставил еще больше, пока не потерял все.<...>Память переносила его на много лет назад. «Когда, в какой момент я сделал неправильную ставку?» — спрашивал себя Терещенко. Наверное, их было несколько. Сначала он поставил на либераль-

*Александр
Головин.
«Портрет
Михаила
Терещенко»*

ные идеи, которыми увлекся во Франции. Потом — на победу Российской империи в той страшной войне, которую тогда называли просто Мировой, <...> на свержение самодержавия, Антанту, Керенского, на свое богатство и на кредиты американских банкиров. Из них не сыграла ни одна. <...> Вот уж точно, чего не следовало делать, так это брать под личные гарантии у Ротшильдов деньги для спасения экономики рушащейся империи. Но отец не мог иначе: выйти из игры значило отказаться от всего того, к чему он стре-

мился долгие годы, мечтая превратить Российскую империю в самую прогрессивную страну мира».

1 апреля 1956 года Михаил Иванович Терещенко скончался в Монако за игорным столом казино «Отель де Пари» и был похоронен в Монте-Карло. Может быть, это и была закономерная судьба финансового гения, и другой быть не могло?.. Как тут не вспомнить слова Гамлета, принца датского, звучащие как закодированное послание нам: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»... □

Alter ego итальянского короля

В конце XIX века король Италии Умберто I зашел как-то пообедать в небольшую таверну городка Монца, что на севере Апеннинского полуострова в провинции Ломбардия. Заказ у его величества почтительно принимал сам хозяин заведения. Но, взглянув на хозяина ресторана, король вдруг понял, что перед ним... его точная копия! Невероятно, но факт, владелец таверны и лицом, и фигурой был точь-в-точь король Италии Умберто I!

Мужчины разговорились и... обнаружили множество других сходств между собой. Так, и король, и хозяин ресторана родились в один и тот же день и год (14 марта 1844 года). Причем, в одном и том же городе — Турине. Оба были женаты на женщинах по имени Маргарита. Хозяин ресторанчика открыл свое заведение 9 января 1878 года, в день коронации Умберто I. Но и на этом удивительные совпадения не закончились.

29 июля 1900 года Умберто I вновь оказался в ломбардийском городке Монце. Когда король пожелал посетить любимую таверну, ему сообщили, что владелец ресторана, в котором его величество любил время от времени бывать, погиб в результате несчастного случая от выстрела. Не успел король выразить свои соболезнования, как его самого из толпы, окружившей карету, застрелил анархист Гаэтано Бреши.

Куда исчезла Персия?!

Восемьдесят пять лет тому назад с политических карт мира исчезла целая страна — Персия, которая стала именоваться Ираном. Как же такое, а главное, почему могло произойти?! В 1935 году правитель этой страны шах Реза Пехливи обратился с письмом в Лигу Наций с настоятельной просьбой-пожеланием использовать впредь для обозначения подвластного ему государства вместо прежнего термина «Персия» слово «Иран».

А все дело в том, что жители этой страны испокон века называли свое государство Иран, что значит — «страна ариев». Однако в истории на многие века закрепилось название Персия (такое наименование дали ей древние греки по имени одной из исторических областей — Фарс (Парсуаш). Вводя в мировой оборот наименование «Иран», шах Реза Пехлеви устранил веками существовавшую историческую несправедливость.

Чайные пакетики

Жизнь и быт современных людей невозможно представить без такой мелочи как... чайные пакетики. Этими маленькими мешочками из специальной фильтрованной бумаги, в которой находится несколько граммов чая для разовой заварки, мы пользуемся повсюду: на работе и дома, в поездках и на отдыхе. А между тем появились они немногим более века назад и совершенно случайно. В 1904 году торговец чаем Томас Салливан решил, что потенциальным клиентам ему будет дешевле отправлять небольшие образцы чая не в коробках, а в шелковых мешочках. Получатели же образцов чая от Салливана ошибочно сочли, что им нужно заваривать именно эти мешочки. Вскоре предприимчивого торговца буквально засыпали заказами на его шелковые мешочки.

Впрочем, изобретение Салливана было еще далеко от привычного нам всем сегодня двухкамерного чайного пакетика. Его предложил миру в 1929 году немецкий инженер Адольф Рамбольд, сотрудник чайной компании TeeKanne, одного из мировых лидеров чайного рынка на планете. Кстати, тогда же германский изобретатель внедрил в жизнь и первую чаеупаковочную машинку, значительно упростившую производство этого любимого миллионами потребителей крепкого тонизирующего напитка.

Эра братьев Вайнеров

Успех в жанре детектива сопутствовал этим писателям, как и братьям Стругацким в жанре фантастики, с первой же их книги. И, подобно Стругацким, Вайнеры раздвинули рамки традиционного жанра, наполнив его новым, актуальным содержанием. При всей своей остросюжетной привлекательности лучшие произведения и тех, и других — это, по сути дела, серьезная литература, влияющая на душу и ум читателя. Она не устареет с течением времени.

Если бы братья Вайнеры писали сегодня, то наверняка их издавали бы с броским слоганом на обложке: «интеллектуальный детектив». Впрочем, и тогда, в 70-е–80-е, и сейчас книги этого братского тандема востребованы без всякой рекламы. Настолько они умны, глубоки и хорошо написаны!

...Его обвиняют в преступлении, которого он не совершал. Против него все: и показания свидетелей, и улики, и равнодушная уверенность следователей. За него лишь истина. Но нужна ли кому-то истина? И кто возьмется вывести ее на свет, доказать невиновность обвиняемого?

Вот в чем вопрос ряда произведений Вайнеров, всякий раз решаемый по-разному. Каждый из нас, утверждают писатели, ежедневно сражается с мифическим чудовищем Минотавром в себе самом. Неожиданная история об этом лежит в основе их раннего романа «Визит к Минотавру», где инспектор МУРа Тихонов ведет в Москве поиск похищенной бесценной скрипки, и где мы попутно переносимся в Кремону и погружаемся в водоворот страстей великих скрипичных мастеров далекого прошлого.

Напряженная морально-этическая проблематика отличает и постепенно раскручивающийся клубок загадочных, наслаивающихся друг на друга преступлений в стремительной повести «Гонки по вертикали», втягивающей читателя в смертельную дуэль гениального злодея и неутомимого сыщика — дуэль разумов, воли и нравственных норм.

*Всю Москву изъездил в «ЗИМе» самый главный аксакал —
Ни в едином магазине ваши книги не сыскал...
Я за «Милосердия эру» —
Вот за что спасибо вам! —
Дал две дыни офицеру и гранатов килограмм.*

Это строки из шуточного «Письма братьям Вайнерам торговца ташкентскими фруктами с Центрального рынка». Автор — Владимир Высоцкий, который, как известно, сыграл главную роль в сериальной экранизации замечательного вайнеровского романа «Эра милосердия». Стишок отражает реальную ситуацию тех лет. Книги этих писателей мгновенно исчезали с прилавков магазинов. И зачитывалась ими вся страна.

Разделенные острой нравственной дилеммой главные герои романа — Жеглов и Шарапов после выхода культового сериала «Место встречи изменить нельзя» стали у нас исключительно популярными. Возможно, также и в силу глубинного авторского жизнелюбия и оптимизма, которые согревают роман (и вслед за ним фильм) особым теплым светом. Не дают поверить в будущую победу извращенной «правды» Жеглова, что «наказания без вины не бывает», и что «вор должен сидеть в тюрьме» любой ценой, пусть даже с помощью подлога...

А завершилась «эра Вайнеров» пронзительно-горькой романной дилогией «Евангелие от палача» и «Петля и камень в зеленой траве». Две эти высокохудожественные, исповедальные книги и детективами-то в привычном понимании не назовешь, хотя закрученных расследований и загадок в них хватает с избытком. Это романы-предостережения от ба-

циллы тоталитаризма, романы-напоминания об ужасе бесконтрольной власти спецслужб при сталинском режиме.

Созданные в конце 70-х, итоговые произведения братьев Вайнеров увидели свет лишь на исходе «перестройки». В предисловии к первому изданию «Петли и камня...» авторы признаются, что, помня судьбу «арестованной» на долгие годы рукописи гроссмановской «Жизни и судьбы», хранили рукопись своего романа «в столе», а фотопленку с зашифрованным текстом прятали в надежном месте. «Но, — заключают они, — рукописи не горят. И приходит однажды их пора».

За исключением Юлиана Семенова и Феликса Незнанского, советские писатели в жанре детектива никогда особо не блистали. «Внимательные, добрые, слегка усталые глаза» сакраментального майора Прони — вот, пожалуй, наивысшее достижение нашей детективной литературы до прихода в нее братьев Вайнеров. Стандартные положения, ходульные персонажи, предсказуемые конфликты, безупречные следователи в милицейской форме пестрели буквально на каждой странице многочисленных детективных повестей и романов, которые забывались на следующий день после прочтения.

Вайнеры взорвали облюбованный ими жанр изнутри и заставили заговорить о себе с первой же опубликованной вещи. Ею стала повесть «Часы для мистера Келли». Номер журнала «Смена» с этой по-

вестью расхватали за считанные дни. В ней авторы еще только нащупывали свой будущий стиль. Но в этом дебюте уже проявились отличительные черты их последующих книг: безупречно выстроенный сюжет, живые персонажи, фактологическая точность, внимание к убедительным деталям. Читатель продолжает оставаться в напряжении до самого конца повествования.

В повести впервые появляется постоянный герой многих вайнеровских произведений — следователь Тихонов, молодой, симпатичный, вдумчивый и честный, но не без простительных человеческих слабостей. Повесть несколько раз переиздавалась, по ней был снят неплохой фильм. А Станислав Тихонов все поднимался в новых книгах писателей по служебной лестнице в МУРе, точно так же, как и один из соавторов, Аркадий Вайнер.

Мастер спорта по вольной борьбе, он проработал в милиции более 20 лет. Начинал оперуполномоченным райотдела у ВДНХ и, конечно, приобрел за время службы богатейший, разносторонний жизненный опыт. Год учебы в МАИ после окончания школы с золотой медалью тоже не пропал для него даром. В школе он увлекался математикой и физикой, хотел выучиться на инженера, но неожиданно перешел со второго курса авиационного института в МГУ, на юрфак, где учился младший брат, Георгий.

С детства братья были очень близки. Оба они появились на свет в Москве и оба — зимой: Аркадий — в январе 31-го, Георгий — в феврале 38-го. Детство их пришлось на тяжелое военное время. Эвакуация семьи в Самарканд впечатала в мальчишескую память один характерный случай.

Как-то братья нашли на улице буханку хлеба и принесли домой. Мать из опасения, что отравленный хлеб подбросили диверсанты (о них тогда много говорили по радио), запретила детям к нему прикасаться. Но ребяташки не выдержали и тайком рискнули попробовать заветный хлебушек. Первым — старший Аркаша, который, убедившись в его доброкачественности, отломил за тем краюху младшему брату...

Вернувшись из эвакуации, семья поселилась на Сухаревке, считавшейся самым криминальным райо-

ном столицы. Братья росли совершенно не похожими друг на друга. Аркадий был серьезным парнем, увлекался спортом и фотографией, да к тому же еще виртуозно играл на аккордеоне. Младший, Жора, дружил со шпаной и считался отъявленным драчуном. Георгий впоследствии вспоминал, как соседи говорили их матери: «Какая вы счастливая! У вас двое парней, и ни один в тюрьме не сидел».

Получив университетский диплом, братья на какой-то период разошлись в разные стороны. Георгий выбрал карьеру журналиста, Аркадий, привлеченный романтикой милицейских будней, подался в оперуполномоченные. Ну а писать совместно они начали в 1965 году, по примеру приятеля, который много лет проработал в разведке, а когда вышел в отставку, сочинил три романа о «бойцах невидимого фронта». Георгий тогда еще продолжал работать корреспондентом ТАСС...

Их творческая технология была такова: Аркадий давал сюжеты, яркую фактуру, интересные «дела», а Георгий облакал их в увлекательную форму. Настоящий успех и массовая популярность пришли к этому писательскому тандему в 1968 году, когда журнал «Огонек», с его в ту пору трехмиллионным тиражом, напечатал в нескольких номерах с продолжением повесть братьев Вайнеров «Ощупью в темноте». Вот

тогда они окончательно поняли, что писательство вдвоем — их истинное призвание. Однако Аркадий навсегда снял милицкий китель с погонами только после выхода в свет романа «Я — следователь», который вскоре был экранизирован, причем главную роль в фильме сыграл Вахтанг Кикабидзе. «Оседлав» успех, братья в 70-е годы развивали свое плодотворное литературное творчество сразу по двум линиям. Первая — детективы в чистом виде, лучшим из которых по праву считается большой роман «Эра милосердия» (1966). На телеэкране он триумфально ожил в постановке Сергея Говорухина, с несравненным Владимиром Высоцким в роли Глеба Жеглова. Сценарий телесериала «Место встречи изменить нельзя» писали сами авторы романа. В таком же ключе они создали еще повести «Не потерять человека» и «Город принял», объединенные фигурой главного героя, следователя Тихонова.

Вторым их направлением явились многоплановые произведения, в которых детективный сюжет органично переплетается с впечатляющим историческим повествованием. Таким новым удачным опытом для отечественной авантюрно-приключенческой беллетристики оказался роман братьев Вайнеров «Визит к Минотавру» (1972).

Действие здесь искусно развивается вокруг остросюжетных по-

исков следователем Тихоновым похищенной у знаменитого исполнителя бесценной скрипки Страдивари. При этом в основу сюжета положена подлинная история кражи аналогичного инструмента у прославленного советского скрипача Давида Ойстраха. А параллельно перед читателем проходят эмоциональные и подкупающе достоверные фрагментарные новеллы о раздумьях и свершениях великих скрипичных мастеров прошлого — Амати, Страдивари, Гварнери.

Однако Вайнеры не просто вводят в роман занимательный исторический материал. Они используют его для откровенного разговора с читателями о проблемах творчества и мере ответственности художника.

К такому же приему писатели прибегают в романе «Лекарство против страха» (1978). В нем детективный сюжет объединен с рассказом о жизни легендарного немецкого средневекового врача Парацельса, который пытался синтезировать чудотворный эликсир бесстрашия. Его биография превращается в символический фон действия книги.

Похожая конструкция и в следующем романе Вайнеров — «Карский рейд» (1986), где динамичная детективная интрига строится на основе реальной экспедиции к Северному полюсу. Герои борются, ищут разгадку и побеждают Зло. И опять-таки незнакомая ранее ав-

торам фактура полярной экспедиции выглядит в романе убедительной, насыщенной характерными деталями, что далось писателям в результате досконального изучения огромного фактического материала.

Потом у них вышли еще не менее интересные произведения — «Потерпевшие претензий не имеют», «Завещание Колумба» и «Двое среди людей». Но все же главные, итоговые романы братского тандема были еще впереди.

Вайнеры всегда умели искусно запутывать читателя, то ускоряя, то замедляя ход сюжетного действия, вводя в него ложные ходы и завершая историю совершенно неожиданной развязкой. Все эти приметы их «фирменного» стиля присутствуют в последних, пронзительных, совершенно непохожих на предыдущие книги писателей романах «Евангелие от палача» (1990) и «Петля и камень в зеленой траве» (1991).

Роман «Петля и камень...» посвящен злодейской, бандитской расправе на втором послевоенном году с выдающимся театральным артистом и общественным деятелем, основателем национального еврейского театра «Госет» Михозом. На пустынной ночной улице в Минске, куда он со своим помощником приехал принимать спектакль местного театра, их сбил на

смерть так и неопознанный скрывшийся грузовик...

И вновь колоссальный, подчас совершенно эксклюзивный материал, всеми правдами и неправдами собранный авторами, позволил им свободно оперировать малоизвестными, а то и вовсе «закрытыми» фактами, выстраивая свою на редкость впечатляющую версию произошедшего.

Примечательно, что расследование давнего преступления ведет в романе вымышленный герой из более позднего времени — известный журналист и литератор семидесятых, полюбивший дочь убитого заодно с Михозом его помощника. Нарастающее давление всемогущих «органов», которое Алексей испытывает в ходе своего расследования, приводит его и его возлюбленную к трагическому финалу, придавая повествованию дополнительный социальный пафос. Таким образом, действие романа-предупреждения, романа-предостережения развивается в двух эпохах. А есть еще и фантастические сны героя книги.

«Они молча смотрели на меня, но во сне не нужны слова, мы хорошо понимали друг друга.»

— Ты знаешь, кто мы? — беззвучно спросил один.

— Да, гауграф. Вы судьи Верховного трибунала "ФЕМЕ"...

— Ты знаешь, что мы храним?

— Да, гауграф, вы храните Истину и караете праздномыслов, суесловов и еретиков...

— Ты хотел нарушить тайну "ФЕ-МЕ", — мертво и решенно сказал гауграф.

— Но я ничего не видел! Я ничего не знаю! Я не могу нарушить тайну!...

— Ты хотел узнать — этого достаточно! — молча всколыхнулись черные капюшоны...

...Дверной звонок гремел настырно, вьедливо. Тяжелыми ударами ломилось в ребра огорченное страхом и пьянством сердце».

Так начинается этот удивительный роман. Пускаясь в расследование преступления, утонувшего в глубинах прошлого, герой романа неожиданно выходит на своего отца-пенсионера, бывшего подручного Берии, и узнает, что тот фактически руководил всей подготовкой и прикрытием тайной операции по устранению Михоэлса. Второй удар Алексей получает, когда гэбист сообщает ему на допросе, что в случае отказа прекратить самочинное расследование его возлюбленную, Уну, ждет психиатрическая клиника с принудительным лечением...

Алексей отступает, сдается ради спасения любимой женщины...

Идею еще одного острого политического детектива, который авторы назвали «Евангелие от палача», они осуществили годом раньше, как бы разогреваясь перед решающим рывком. Отправной точкой сюжета явилась здесь жуткая фигура другого подручного

Берии, хотя он является лишь рядовым исполнителем чудовищных приказов начальства...

Оба этих произведения были Вайнерами отложены «в стол» до лучших времен. Они, к счастью, наступили еще при жизни авторов.

В 1991 году пути братьев Вайнеров вновь разошлись. На пике их популярности Георгий с женой и детьми неожиданно уехал в США, устав, по его словам, от окружающей среды и гнетущей атмосферы жизни. Ему предрекали за океаном творческий крах, называли этот отъезд настоящим самоубийством. Однако в Штатах писатель не пропал. Вскоре он стал главным редактором авторитетного эмигрантского журнала «Новое русское слово», а затем постепенно продолжил и литературную деятельность, взявшись за сценарии для американского и итальянского телевидения. Реализовала себя в творческом плане и хранительница домашнего очага Наталья.

Аркадий жил и работал в Москве, занявшись разными телевизионными проектами, а отдыхал всей семьей принципиально только на даче, в подмосковной Малаховке. Лучшим же своим произведением он называл дочь Наташу Дарьялову, взявшую фамилию матери, крупного врача-онколога. Она сделала отличную карьеру в тележурналистике, была автором

и продюсером популярных документальных фильмов о России для Би-Би-Си и ведущей программы РТР «У всех на устах». В итоге, благодаря своей целеустремленности и энергии, добилась появления собственного телеканала «Дарьял-ТВ».

Старший брат был давно уже женат, а младший все еще оставался холостяком. И вот в 1979 году он, наконец, встретил любовь всей жизни. Это произошло морозной зимой в подмосковном пансионате, куда Георгий приехал поработать над рукописью книги, а студентка химфака МГУ Наташа — покататься на лыжах. Как-то отправились на лыжную прогулку вдвоем, и, на беду, Наташа, съезжая со склона, упала и сломала ногу. Здоровяк Георгий принес ее в корпус к врачу, а неделю спустя сделал Тоше предложение...

Несмотря на то, что в девяностые годы братья проживали в разных странах, их творческое сотрудничество продолжилось. Опираясь на новый жизненный опыт, они задумали многоплановый роман о деятельности транснациональных преступных корпораций. Увы, осуществить этот сверхактуальный замысел Вайнеры не успели.

К сожалению, остался нереализованным проект продолжения культового сериала по их книге и сценарию «Место встречи...», в котором планировалось использовать

не вошедшие в первый многосерийный телефильм кадры с Владимиром Высоцким. Не успели они завершить работу и над 52-серийным сценарием об Интерполе.

...Аркадий Вайнер скончался от острой сердечной недостаточности в Москве 25 апреля 2005 года. Младший брат пережил его на четыре года и умер от тяжелой продолжительной болезни в Нью-Йорке 11 июня 2009 года.

Они ушли, чтобы остаться. Их книги по-прежнему бьют рекорды по массовым переизданиям. По-прежнему ждет своего экранного воплощения такой кинематографичный роман Вайнеров «Петля и камень в зеленой траве», о чем они в последние годы жизни очень мечтали и даже предпринимали конкретные шаги к воплощению своей мечты...

Сегодня книжный рынок России заполнен переводными детективами. Их в большом количестве писали и пишут отечественные авторы, подчас весьма именитые. На этом пестром современном фоне советская детективная литература прежних лет во многом утратила былую притягательность. Но произведения братьев Вайнеров, как и прежде, пользуются высоким читательским спросом, сохранив свою злободневность, свое высокое художественное звучание. Это, как говорится, классика жанра. А классика не стареет. □

Ирина Опимах

Питер Брейгелъ

«Что может дать, слепцы, вам этот свод пустой?»

Среди шедевров собрания неаполитанского музея Каподемонте есть картина, которая по праву считается одной из самых важных и самых лучших в истории мирового искусства. Это — «Слепые» великого голландца Питера Брейгеля-старшего. Небольшое полотно, темпера на льняном холсте, размером 86 x 154 см, — одно из последних творений мастера — было написано в 1568 году, а в 1569-м его не стало. «Слепые» — послание художника потомкам, его завещание, его последнее слово...

Слепые

Питер Брейгель. Пожалуй, более загадочную фигуру в истории искусства найти трудно. О нем почти нет никаких сведений. Известно только, что родился художник где-то между 1525 и 1530 годами, был принят в гильдию живописцев Антверпена в 1551 году, женился на девушке по имени Марикен Кук в 1563 году и умер в 1569-м, ему было примерно 44 года. Похоронен в брюссельской церкви Нотр-Дам де ла Шапель.

Брейгель не оставил после себя никаких писем, дневников, нет воспоминаний о нем его современников. Но он оставил нам свои картины, к счастью, датированные, и в них, этих картинах, можно при желании прочесть все, что он хотел бы нам рассказать о себе и о своем времени. Удивительное дело — его картины, его размышления о жизни, о человеке не теряют актуальности и сегодня, спустя пять столетий после его смерти. Так бывает очень редко, и только с настоящим искусством. К примеру, его рисунок 1556 года «Большие рыбы поедают малых»: на берегу моря лежит огромная рыба, из ее пасти вываливаются рыбы меньшего размера, а из них, в свою очередь, — совсем мальки. Эти рыбы, большие и малые, не видят, что над ними всеми стоит человек — с ножом, на лезвии которого изображен кружок с крестом, символ Вселенной. Смысл абсолютно ясен — большие, сильные и уверенные в своем могуществе всегда пожирают малых и слабых, но даже большие

и сильные не знают, что над ними есть высшие силы: Высший разум, Бог, Судьба, Рок. Возможно, создавая гравюру, Брейгель думал о новых Нидерландах, стремительно пожиравших своих врагов и конкурентов, но наверняка он размышлял и об общих законах бытия.

И потом, создавая свои более поздние шедевры — «Падение Икара», «Пословицы», «Избиение младенцев», «Несение креста», «Страна лентяев», «Вавилонская башня» и многие другие, — он, конечно же, говорил о сложном времени, в котором жил и творил, но вкладывал в свои полотна и какие-то вневременные смыслы.

В 1563 году Брейгель женился на Марикен Кук, дочери своего бывшего учителя (как утверждает историк Северного Возрождения «голландский Вазари» Карел ван Мандер) Питера Кука из Алста, и переехал в Брюссель, где жила его теща, художница-миниатюристка Мария Верхюльст Бессемер. Мандер рассказывает, что переезд был сделан по настоянию тещи: до женитьбы у Брейгеля в Антверпене была связь с некой служанкой, на которой он бы женился, не будь она беззастенчивой и бесстыдной вруньей. И вот из-за этой истории с его бывшей пассией теща и потребовала от зятя уехать из Антверпена. Но, скорее всего, были и другие, более серьезные причины для такого решения. Хотя в те времена Антверпен был гораздо богаче Брюсселя, и там можно было получить

«Вавилонская башня (Вена)»

больше заказов, зато в Брюсселе жила сестра испанского короля Маргарита Пармская и ее ближайший помощник, хитрый и коварный кардинал Гранвелла, который весьма благоволил к Брейгелю. Похоже, жили они все дружно. Марикен родила мужу двух сыновей — Питера и Яна. Неудивительно, что мальчики, воспитываясь в такой художественной обстановке (и отец художник, и бабушка), рано пристрастились к искусству, и первые свои уроки живописи они получили дома, в семье.

А между тем за стенами брейгелевского дома разыгрывались события совсем не мирного характера. Еще в те годы, когда Брейгель жил в

Антверпене, испанский король Филипп II, решив колонизировать богатые Нидерланды, взял себе в помощницы католическую церковь и установил в стране власть святой инквизиции. И вот уже в стране загорелись костры, на которых безжалостные борцы за Веру сжигали ведьм, кальвинистов, лютеранцев и всяких других сектантов и еретиков, которых в Нидерландах было немало. И нидерландцы возмутились. Первыми поднялись дворяне — под руководством принца Вильгельма Оранского, графа Эгмонта и адмирала Горна. А потом поднялся и простой народ. Осенью 1566 года в 12 провинциях вспыхнуло восстание иконо-

«Большие рыбы, поедаящие малых рыб»

борцов — против католичества, против Ватикана. Толпы отчаявшихся протестантов, вдохновленных яростными речами кальвинистских проповедников, врывались в католические храмы и громили церковную утварь, статуи, росписи. Маргарите с трудом удалось погасить восстание, но Филипп воспользовался трудной ситуацией и, отстранив ее от власти, поставил во главе страны нового наместника, герцога Альбу — фанатичного, жестокого и неистового католика. Учредив «Совет по делу о мятежах» (в народе его прозвали «Кровавым советом»), он практически погасил — правда, на время — все сопротивление. По приговорам «Совета» к смерти было приговорено около 8 тысяч человек, и среди

них Эгмонт и Горн — они были казнены на главной площади Брюсселя. Более того — Альба объявил весь нидерландский народ виновным в оскорблении короля. «Вся страна превратилась в живодерню, — писал в «Истории Нидерландской революции» известный английский историк Д.Л. Мотлей. — Похоронный звон ежечасно раздавался в каждой деревне; не было семьи, которая не оплакивала бы самых дорогих своих членов, между тем как оставшиеся в живых бесцельно бродили призраками самих себя вокруг развалин своих домов. ...Кровь лучших и храбрейших окрасила эшафоты; люди, у которых привыкли искать руководства и защиты, были мертвы, в тюрьме или в

«Падение Икара»

изгнании. ... Нидерланды были раздавлены».

Вот в такой трагической, душной атмосфере проходили последние годы жизни Брейгеля. Конечно же, он не мог не размышлять, что происходит с его родиной, с его народом. Что делать, как найти правильных вождей, которые поведут его страну к свободе, процветанию и покою? И как страшно, когда таких вождей нет, а те, что есть, слепы — они просто не в состоянии видеть правильный путь. И не даром одной из его последних картин становятся «Слепые».

В Евангелии от Матфея (15.14) рассказывается, как однажды, при встрече с иерусалимскими книжниками и фарисеями Христос, говоря о людях, не понимающих заповеди

Божьи, произносит удивительную фразу: «Они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то они оба упадут в яму».

И Брейгель, вдохновленный изречением Христа, пишет свое, живописное, послание людям. Оно очень конкретно, но насыщено глубокими смыслами.

Ясный день. Мирный, типично фламандский пейзаж — островерхие домики, церквушка, деревья, в небе птицы, заросшая речка. Но все это — лишь фон трагедии, разыгрывающейся перед нашими глазами. Вот они — герои художника, шестеро слепцов, бредущих не по обычной дороге, а по нехоженой тропе — они ведь ничего не видят и, чтобы не потеряться, держатся друг за

«Избиение младенцев»

друга. Их лица с пустыми глазницами обращены в небо, будто там они смогут найти ответы на все мучающие их вопросы. Но небо к ним равнодушно и совсем не милосердно, а потому первый, поводырь, но тоже слепой, не нащупав своей палкой места, куда нужно ступить, падает в канаву. Падение того, кто идет за ним, неизбежно. А вот и третий тоже пошатнулся и вот-вот последует за своими предшественниками на этом опасном пути. Падение ждет и остальных, хотя они еще и не догадываются о том, что произошло с их товарищами.

Страшная картина. Страшны лица несчастных — они уродливы, они похожи на ужасные маски. Страшно и то, что на картине кроме этих

слепых больше никого нет — никто им не поможет, никто не услышит, даже если они будут кричать.

Смысл картины предельно ясен — природа вечна и совершенна, а люди — уродливы, слепы и глупы, и в конце жизни их ждет неизбежное падение в пропасть... Вся композиция картины, эта диагональ пути слепцов, подчеркивает трагизм ситуации.

Прямо скажем, оптимизмом тут и не пахнет.

Вот как писал о брейгелевских слепцах Шарль Бодлер (1821–1867) (пер. И. Анненского), уже человек совсем другого времени, другой эпохи:

О, созерцай, душа: весь ужас

жизни тут

«Страна лентяев»

*Разыгран куклами, но в настоящей
драме*

*Они, как бледные лунатики, идут
И целят в пустоту померкшими
шарами.*

*И странно: впадины, где искры
жизни нет,*

*Всегда глядят наверх, и будто
не проронит*

*Луча небесного внимательный
лорнет,*

*Иль и раздумие слепцу чела
не клонит?*

*А мне, когда их та ж сегодня,
что вчера,*

*Молчанья вечного печальная
сестра,*

*Немая ночь ведет по нашим
стогнам шумным,*

*С их похотливою и наглой суетой,
Мне крикнуть хочется —*

безумному безумным:

*«Что может дать, слепцы, вам этот
свод пустой?»*

Картина «Слепые» была написана в 1668 году. В следующем, последнем году жизни, Брейгель не написал ничего. Зато он уничтожил много работ, написанных ранее. Почему он это сделал? Ван Мандер объясняет это так: «У него было множество очень тонко и чисто сделанных рисунков с подписями, подчас слишком едкими и насмешливыми, которые перед смертью он велел жене сжечь — не то от раскаяния, не то из боязни, что они могут причинить ей какие-нибудь неприятности». Можно догадывать-

ся, что это были за рисунки, и какие подписи он к ним сделал.

Последние месяцы его жизни были омрачены тяжелой болезнью. Силы уходили быстро. 5 сентября 1569 года Питер Брейгель умер. Погребен художник был в брюссельской церкви Нотр-Дам де ла Шапель. Молодая жена осталась с тремя детьми — двумя мальчиками и девочкой.

Дети Брейгеля с честью продолжили дело отца — Питера стали называть Питером Брейгелем-младшим. Работал он в основном в Антверпене, блестяще делал копии картин отца (кстати, его «Слепые» хранятся в Лувре). Второй сын, Ян, жил в Италии, потом вернулся в Антверпен и был назначен придворным живописцем испанских наместников во Фландрии. Сотрудничал и дружил с Рубенсом. Художниками стали внуки и правнуки Брейгеля. Вот такую замечательную династию основал Питер Брейгель.

Его картины всегда пользовались успехом у публики. «Слепые» купил, вместе с другой картиной Брейгеля «Мизантроп», итальянский аристократ Козимо Маси. Вернувшись на родину, в Парму, он украсил ими свою фамильную коллекцию живописи. В те годы Пармой правили представители могущественного семейства Фарнезе. Многие титулованные особы в городе считали их недостойными столь высокого положения, а потому в 1611 году устроили заговор, вошедший в историю как заговор Санвитале. В этом деле

принимал участие и сын Козимо Маси, Джованни Баттиста. Герцог Пармский Рануччо I Фарнезе, ранее бывший наместником папы римского в Парме и пользовавшийся поддержкой Ватикана, раскрыл заговор и жестоко расправился с заговорщиками. Началось все — это был, конечно же, повод — с убийства герцогской любовницы, которая до того, как стать пассией Рануччо, была помолвлена с одним из Санвитале. В процессе поиска убийц Рануччо казнил всех своих врагов, а их имущество, как водится в таких случаях, с удовольствием присвоил себе. Так в коллекцию Фарнезе попали и коллекции Маси, а вместе с ними — «Слепые» и «Мизантроп» Брейгеля.

Долгие годы картины украшали Палаццо дель Джардино, дворец герцогов Фарнезе в Парме. В конце XVII века, при правлении Рануччо II, коллекция герцогов Фарнезе переехала в другой дворец — Палаццо дела Пилотта, а еще позже — в герцогскую галерею в изысканнейшем палаццо ди Колорно, между Пармой и Мантуей. В 1731 году умер последний герцог Пармы и Пьяченцы Антонио Фарнезе. Все владения его перешли к Карлу Бурбону, сыну Елизаветы Фарнезе и испанского короля Филиппа IV. В 1734 году молодой принц стал королем Неаполитанским и, понятное дело, перевез все свои сокровища (а вернее, самые важные, самые значительные вещи, включая и картины Брейгеля, остальное должно было быть распродано) в Неаполь.

«Несение креста»

Искусство мало интересовало Карла, в основном его занимала политика, и потому только по настоянию иностранных гостей, удивлявшихся такому небрежному отношению короля к шедеврам, он поручил группе экспертов проектирование уже настоящего музея. Сменялись правители Неаполя (Карл в 1759 году стал королем Испании и покинул город, его место занял Фердинанд IV), однако новый музей постепенно, очень медленно, но верно, обретал свои помещения, свой облик. И, наконец, к 1760 году на холме Каподимонте был закончен новый дворец, ставший домом для коллекции герцогов Фарнезе и одним из самых известных в мире собраний.

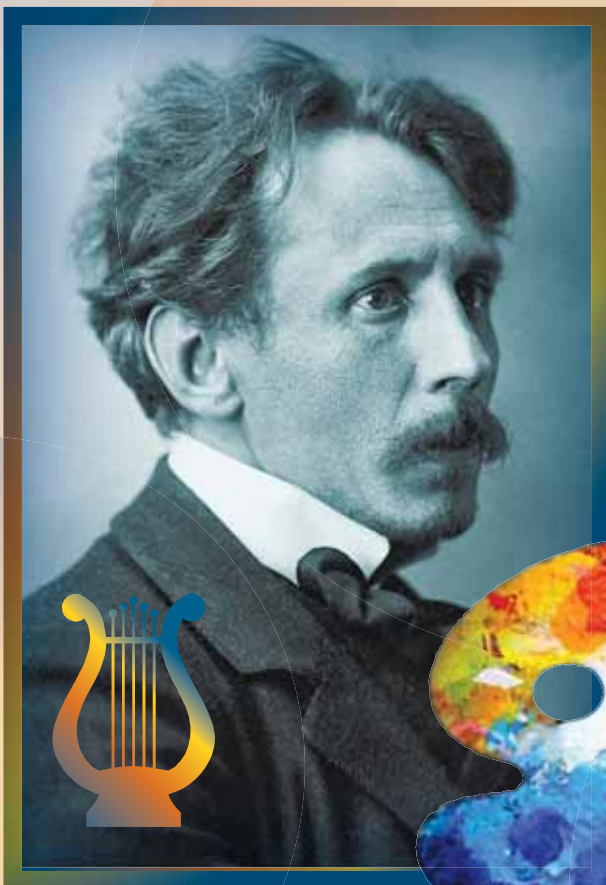
В истории этого музея — и наполеоновские войны, и объединение Италии, и Первая и Вторая мировые войны. К счастью, основные сокровища Фарнезе удалось сохранить, и среди них — две картины Брейгеля. Национальный музей Каподимонте был официально открыт в 1957 году. Сегодня две знаменитые работы нидерландского художника, когда-то купленные Козимо Маса и привезенные в Парму, можно увидеть в зале музея.

Вот они, брейгелевские слепцы, бредут, не зная, что впереди их ждет пропасть. Да и как может быть иначе, когда ведет тебя по жизни такой же, как ты, слепец, почему-то возомнивший себя зрячим... □

Виктор Ом

Я полечу в далекие

миры...

«Вселенная представляется мне большой симфонией; люди как ноты...»

Микалоюс Чюрленис

«ЗВУКОМУЗЫКАЛЬНАЯ» ФАМИЛИЯ

...Чурлянис... Чюрленис...Чурленене... Как зов, ласкательный и властный, похожий на перезвоны колокольчиков!.. И звонкое, магическое «чур- чюр!» — вдруг напомнило имя пращуров — «Бога Рода» — у славян...Переливчатое — будто чистойшей родничковой слезы-водицы... Микалоюс... Константинас... Кустукас!

Загадочная фамилия не тускнеет в памяти от давнего знакомства с нею, с потрясающими творениями ее обладателя... Ведь все, что создавал этот по-детски восторженный человек в звуках и красках, полно неземного очарования, приводящего буквально в оторопь. Дух его взметнулся над бытовизмом и протрубил о чуде самой жизни, неразгаданной красоте мира, о звездных сияниях космических пространств... И — о любви!..

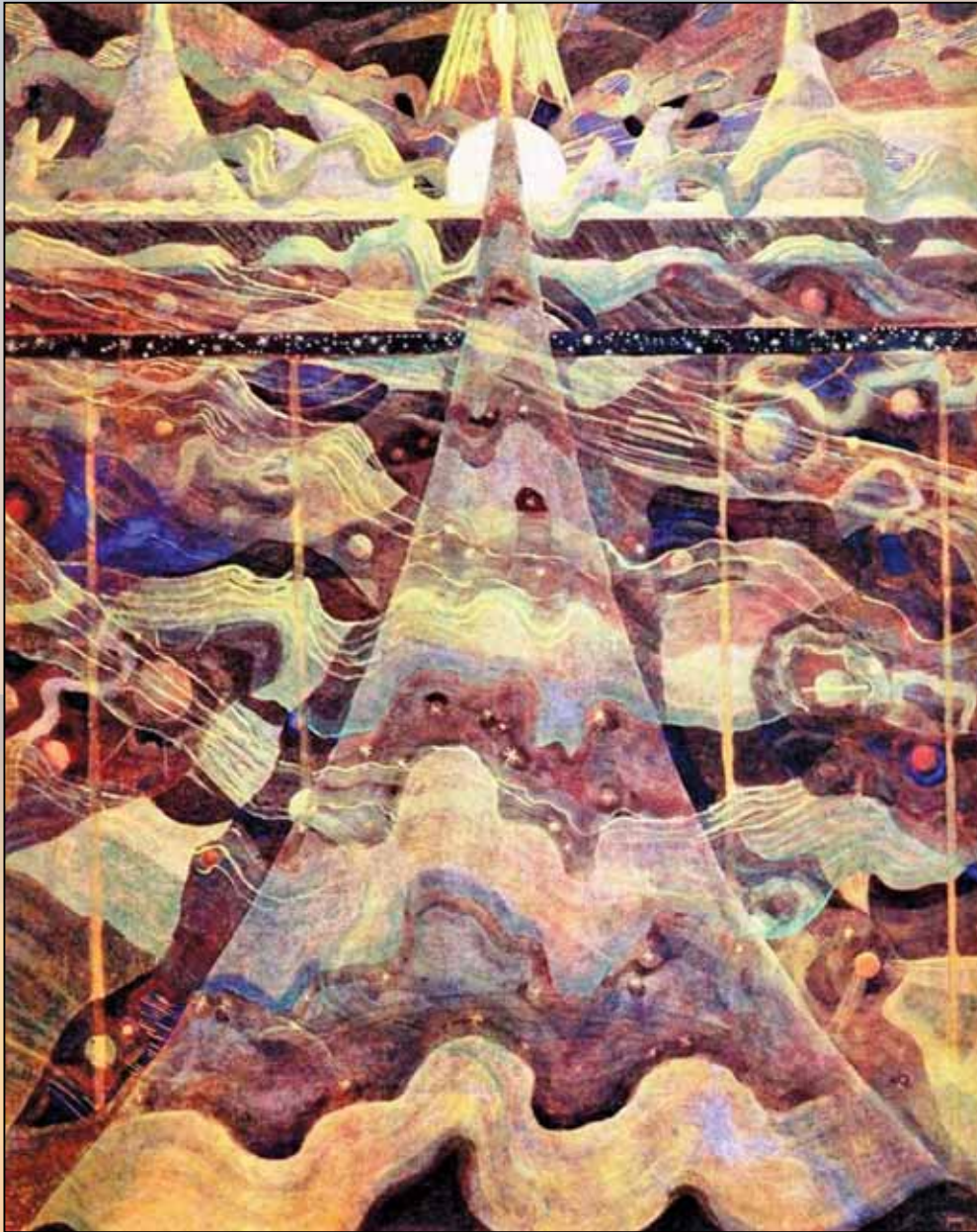
«Жертва»

Я услышал эту причудливую фамилию еще в юности. С изумления началось знакомство с оригинальнейшим художником и осталось до седин...

Мой друг по Художественному училищу Владимир как-то показал мне буклет Музея М. К. Чюрлениса в Каунасе. Я перелистал страницы и вдруг замер... На развороте была цветная репродукция картины, а на ней — Ангел! Он стоял, раскрыв огромные крылья, и с вытянутой

вперед рукой... Вокруг ангела беспредельное пространство, не похожее на земное... Вскинув голову, он смотрел ввысь... Из глубины картины, от невидимого источника огня, поднимались два змеино-клубящихся дыма — белый и черный. Извивающиеся дымы создавали впечатление обостренной тревоги, вызывавая в душе недоброе предчувствие обреченности...

Картину разгадать я так и не смог — почувствовал странное волнение и

«Соната Звезд»

понял, что в этой работе есть загадка. А потом прочел внизу: «Микалоюс Чюрленис — «Жертва». 1907 год».

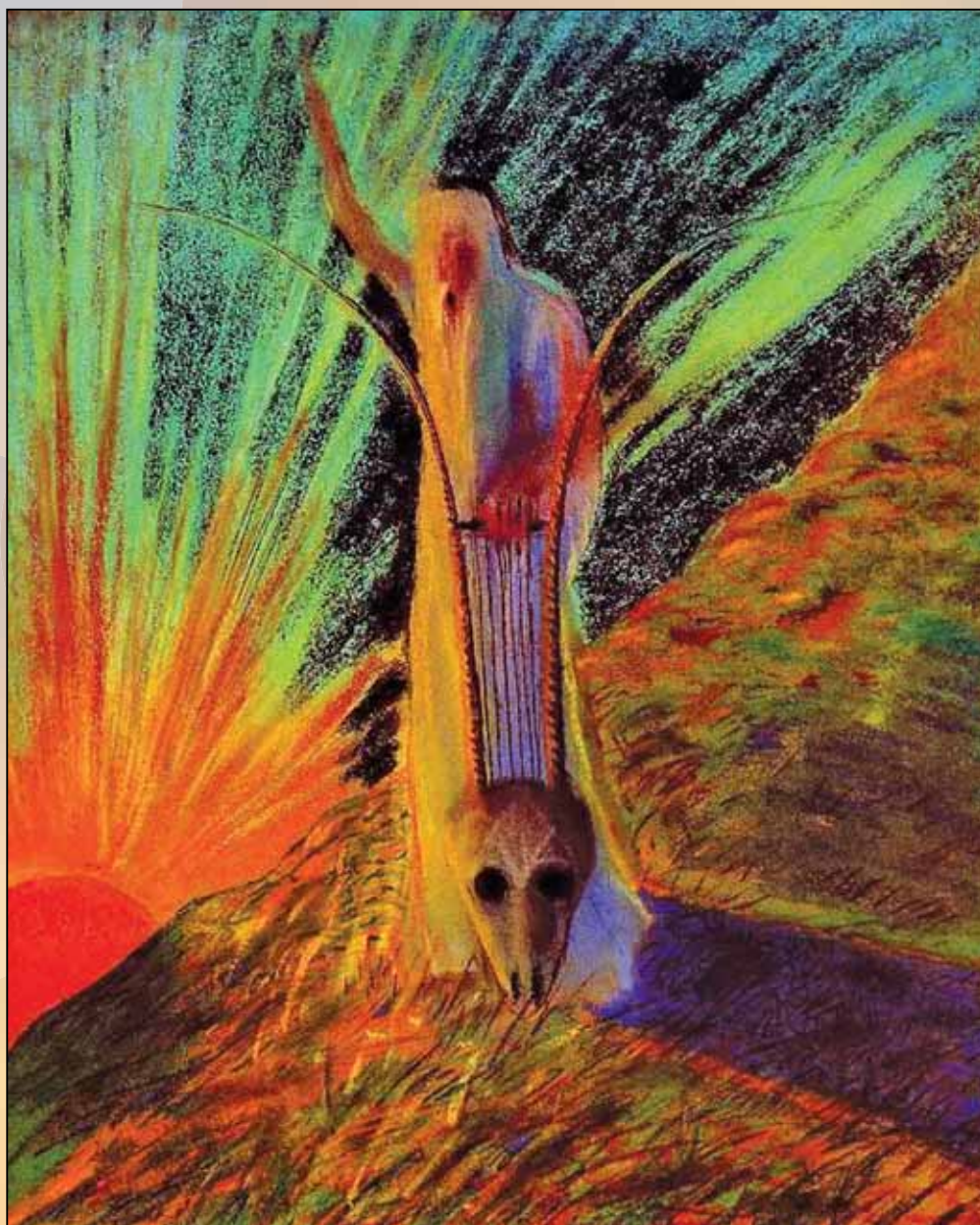
Владимир, почувствовав мое замешательство, спросил:

— Не знаешь Чюрлениса?

Я растерянно кивнул...

— Микалоюс это переживает, ты, к сожалению, в этом не одинок... — Он вдруг звучно выдохнул и заговорил: — Как можно не знать истинно-

го песнопевца живописи?! Он не только «мелодист» в красках и формах — он настоящий музыкант! Профессионально учился в двух консерваториях. Как композитор написал около четырехсот произведений! А как художник — сотни три живописи и графики... Музыку писал не только симфоническую, но и камерную, инструментальную... Он не просто композитор — классик!

«Утро»

Родоначальник литовской национальной музыки...

Я был глубоко потрясен творчеством литовца. Часто не мог уснуть, «тонул» в грезах от фантазий Чюрлениса... придумывал импровизации на темы его картин... Каждый вечер теперь забегал к однокашнику по училищу, чтобы взглянуть еще разок на репродукции работ Чюрлениса, пролистать проспектик...

В общежитии вокруг Владимира собрался круг друзей, поклонников Чюрлениса. Они называли себя «Союзом или Гильдией Чюрленистов». Владимир доставал из-под кровати свой клад — большие цветные репродукции Чюрлениса, развешивал на всех четырех стенах комнаты, даже на шторах, и мы, затаив дыхание, смотрели и... пытались обсуждать. Читали свои стихи,

«Автопортрет»

посвященные художнику, даже рефераты писали и отзывы о работах литовца.

А за окнами нашего училища (Московского художественного училища памяти 1905 года) кружила красавица весна! Насмотревшись на репродукции «Соната Весны» Чюрлениса, я увидел вестницу преобразования природы совсем по-иному. С музыкально-ритмической интонацией, с восторженно-радостным цветовым потоком... Этюды, написанные в ту весну, «дышали» воздушной акварельностью гениального литовца...

Несмотря на то, что творчество Чюрлениса стоит в стороне от всех

известных течений в живописи, неугомонные искусствоведы все же и ему определили местечко — между символизмом и абстракционизмом. Даже с признанием влияния музыки на его живопись. Ну а что до его идеологических позиций — постановили — ближе всего к Ницше и Рудольфу Штейнеру...

Родился мальчик Микалоюс в 1875 году, в первом месяце осени — в сентябре. Его отец — обычный крестьянин с юга Литвы — Дзукии... Но! Крестьянин этот оказался «намертво» захваченным музыкой, и страсть свершила с его жизнью неправдоподобную метамор-

фозу: он стал музыкантом! И — играл на органе...

Мать Микалоюса была немкой. Звали ее Адель. Она из беглых немецких евангелистов, которых преследовали из-за религиозных пристрастий. Микалоюсу было два года, когда семья переселилась в Друскининкай... Ну а дальше, как и должно быть — ранние способности к музыке, идеальный музыкальный слух и очень ранняя талантливость, которую не заметить было невозможно. Отец среагировал мгновенно — стал заниматься с сыном. Подготовил шестилетнего сынишку так, что, случалось, он даже заменял его на службе. К изумлению односельчан, мальчик ничем не уступал отцу в игре на органе.

Вскоре Микалоюса устроили в частный оркестр Плунге. Князь был родственником композитора Огинского, автора знаменитого полонеза «Прощание с родиной». Именно здесь юный Чюрленис, оказавшись в творческой атмосфере, кроме учебы (он учился играть на флейте), сделал первые шаги в собственном сочинительстве. А в 1894 году поступил в Музыкальный институт в Варшаве, который окончил с отличием. Ему сразу предложили должность директора музыкальной школы в Люблине. Но — Чюрленис отказался... Он решил продолжить учебу и в 1902 году уехал в Германию, где стал студентом Лейпцигской консерватории. Именно тогда его по-настоящему захватила безудержная страсть к живописи! Он рисовал понемногу

с раннего детства, но это были детские увлечения... Теперь же его захватила настоящая страсть!

Через год Микалоюс получил диплом и вернулся в Варшаву. Он продолжал писать собственную музыку и занимался преподавательской деятельностью — давал частные уроки. Это был его единственный заработок, и ему катастрофически не хватало средств к существованию. Он едва сводил концы с концами, хотя работал, как писал в одном из писем, не 24 часа в сутки, а все 25!

Однако, несмотря на все эти трудности, Микалоюс каждодневно занимался и изобразительным искусством. В Варшаве он поступил в Школу изящных искусств, где получал уроки академической грамоты. Рисовал натюрморты, гипсовые модели с античных скульптур — словом усваивал «азы» изобразительного искусства и, параллельно, делал наброски композиций своих будущих картин.

Так в его жизни появилась новая стезя — живопись! В 1903 году появился его первый живописный цикл картин «Музыка Леса». Теперь Микалоюс остро почувствовал нехватку знаний не только в области искусства, но и вообще... вспыхнула страсть к познанию мира, и он начал посещать лекции в университете, изучая самые разные направления — астрологию, космогонию, философию, историю и различные направления народных искусств.

В 1905 году из-за невыносимо трудных материальных проблем Чюр-

ленису пришлось уехать из Польши и вернуться в Литву. В том же году, в Вильнюсе, состоялась его первая выставка, а через год в Петербурге, в стенах Академии художеств были представлены работы учащих­ся Варшавской художественной школы, где учился Чюрленис. Тогда и появились первые серьезные отклики в прессе о его творчестве.

Известный критик и журналист Брешко-Брешковский писал: «Говоря об учениках Варшавской школы, нельзя ни в коем случае обойти молчанием длинной серии фантастических пастелей Чюрляниса. Чюрлянис родом литвин. По словам Станбровского, он, кроме того, и музыкант, окончивший две консерватории. Его музыкой и объясняется отчасти мистическое туманное творчество. Видишь сразу перед собой художника, привыкшего грезить звуками. Представляется, что из этого Чюрляниса может выработаться самобытный художник. Даже теперь, на заре своей деятельности, он совершенно самобытен, никому не подражает, прокладывая собственную дорогу...»

Майские лунные ночи не давали спать нам, молодым, и мы всей командой шли гулять в Сокольники. Бродили до рассвета, дурачились, орали песни. А Владимир на этих прогулках продолжал рассказывать мне о Чюрленисе. О том, как трижды ездил в Каунас и Друскининкай. Побывал на родине художника и музыканта, от работ которого сходил с ума...

— Наконец и нашего гения настигла владычица жизни — любовь! — Владимир остановился, запрокинул голову к лазорево-голубым ночным небесам, усеянным мерцающими звездочкам, протяжно выдохнул и тихо процитировал по памяти: — «Знаешь ли ты, кто такая Зося? Догадываешься, наверное, что это моя невеста. Та, о которой я столько мечтал, искал ее на своем пути... сейчас так хорошо у меня на душе, так хочется обнять весь мир. Братец мой, знаешь, как хорошо будет у нас дома — какая-то давняя гармония, которую ничто не в силах нарушить. Все существует, как великолепное сочетание красок, как звучание прекрасного аккорда». Так написал в письме брату о своей избраннице Микалоюс, когда понял, что жить больше без писательницы Софьи Климантайте не сможет... И в 1908 году он женился. Молодожены после свадьбы сразу уехали в Петербург. Чюрленис буквально «воспарил» над землей — так был взбудоражен случившимся...

«Помни, что исполнятся все наши желания, все мечты. Счастье с нами, а если судьба слегка мешает и стесняет, то уж такая у нее привычка... Я вижу, как горят твои светлые глаза, как мысль твоя летит метеором, и, ощущая бескрайнюю радость, свято, твердо верю, что серость, жалкая проза никогда не проникнут в наш Дом. Ты будешь оберегать наш Алтарь, ты чудесная моя Жрица! Вся наша жизнь сгорит на жертвеннике Вечного и Всемо­гучего искусства.

И скажи — разве не мы самые счастливые люди на свете?»

Эти строки, предназначенные жене, полны трепетной влюбленности Микалоюса.

Годы с 1902 по 1911 год — и есть годы всего его творчества.... Девять лет из неполных тридцати шести. Как мало ему было отпущено!

Что ж, он в этом не одинок, таких печальных фактов в истории искусства предостаточно... Но, потому они и гении, что свершали божественные задания и за эти ничтожно короткие сроки. Невероятно! Им хватало просчитанных на пальцах судьбы мизерного количества дней!

Настоящее творчество Чюрлениса началось с «Фуги». Уникальная работа, не имеющая аналогов в мировой живописи... В этой ранней работе он смело и мастерски синтезирует музыку и живопись, словно превращая звуки в живописные пластические формы, делая их утонченно-прозрачными...

Фуга является вершиной полифонической музыки. В ней главная мысль или тема повторяются или переплетаются в разных голосах — сначала сходятся, затем расходятся. Слово «фуга» латинское, оно означает — бегство, погоня... Стало быть — скорости! Такая музыкальная форма, где каждый голос повторяет тему-мелодию, проходящую через всю пьесу.

— Ну, я это выучил, когда судьба свела с Чюрленисом. А как по-

тому, ведь это была его жизнь... — Володя помолчал немного, выдохнул и, взглянув на меня, усмехнулся: — Вот... даже словеса великого Иоганна Себастьяна Баха о фуге. Спрашивается, стал бы я этим заниматься, не узнав Чюрлениса? — И он, чуть прикрыв веки и подняв лицо вверх, стал цитировать Баха: — «Каждый голос в сочинении — это личность, а многоголосое сочинение — беседа между этими личностями, и надо ставить за правило, чтобы каждая из личностей говорила хорошо и вовремя, а если не имеет что сказать, то лучше бы молчала и ждала, пока не дойдет до нее очередь»...

Надо сказать, что музыкальность холстов Чюрлениса всесторонне разнообразна... Добрая половина — циклы с нумерацией работ, с названиями. Сонаты («Соната Солнца», «Соната Моря», «Соната Ужа», «Соната Пирамид»), симфонии, прелюдии с фугами...

Да, Чюрленис феномен! За десяток лет — от 1901 года по год смерти — 1911, он написал немыслимое количество работ, как в музыке, так и живописи. Где-то около 400 музыкальных творений и 300 живописных и графических работ... А еще стихи, прозаические повествования и... дневники... Он реализовал синтез искусства, к которому так стремились символисты. Талантлив был в музыкальной композиции, как и в живописи. К рисованию приступил уже сложившимся музыкантом и сразу же смог так повлиять на все

стилевые искания художественного модернизма, что оказался в ряду самых знаменитых авангардистов-новаторов...

— Не благодарное и глупое это дело, рассуждать о картинах, — снова усмехнулся Владимир. — При чем любого художника, не только нашего Чюрлениса... Картина — такая данность бытия, которую можно воспринимать только визуально. Ведь все заложено в нее ради того, чтобы, смотря, напитываться вложенными эманациями творца... Все остальное — от лукавого! У него была такая жажда жизни и созидательного захвата, что средств выражения не хватало отобразить то, что бурлило в его душе...

Он задумался, и мы продолжали молча идти дальше. Вдруг Володя снова оживился и повернулся ко мне:

— Знаешь, еще... интереснейшая история с твоей любимой «Жертвой»! Тут уж — «чудеса — жуки ловят зайца!» Ну, никак не подумаешь, что даже судьба бывшей жены Сергея Есенина, знаменитой танцовщицы, перехлестнулась с творческой судьбой Чюрлениса и вызвала в ее тонкой музыкальной душе восторженный отклик...

Я знал, что об этом написала в книге воспоминаний о брате Микалоусе (по-домашнему — Кастукас), его младшая сестра Ядвига:

«Это было в Париже, кажется, в 1919 — 1920 годы. Оба брата Моравские, Евгений (он был другом

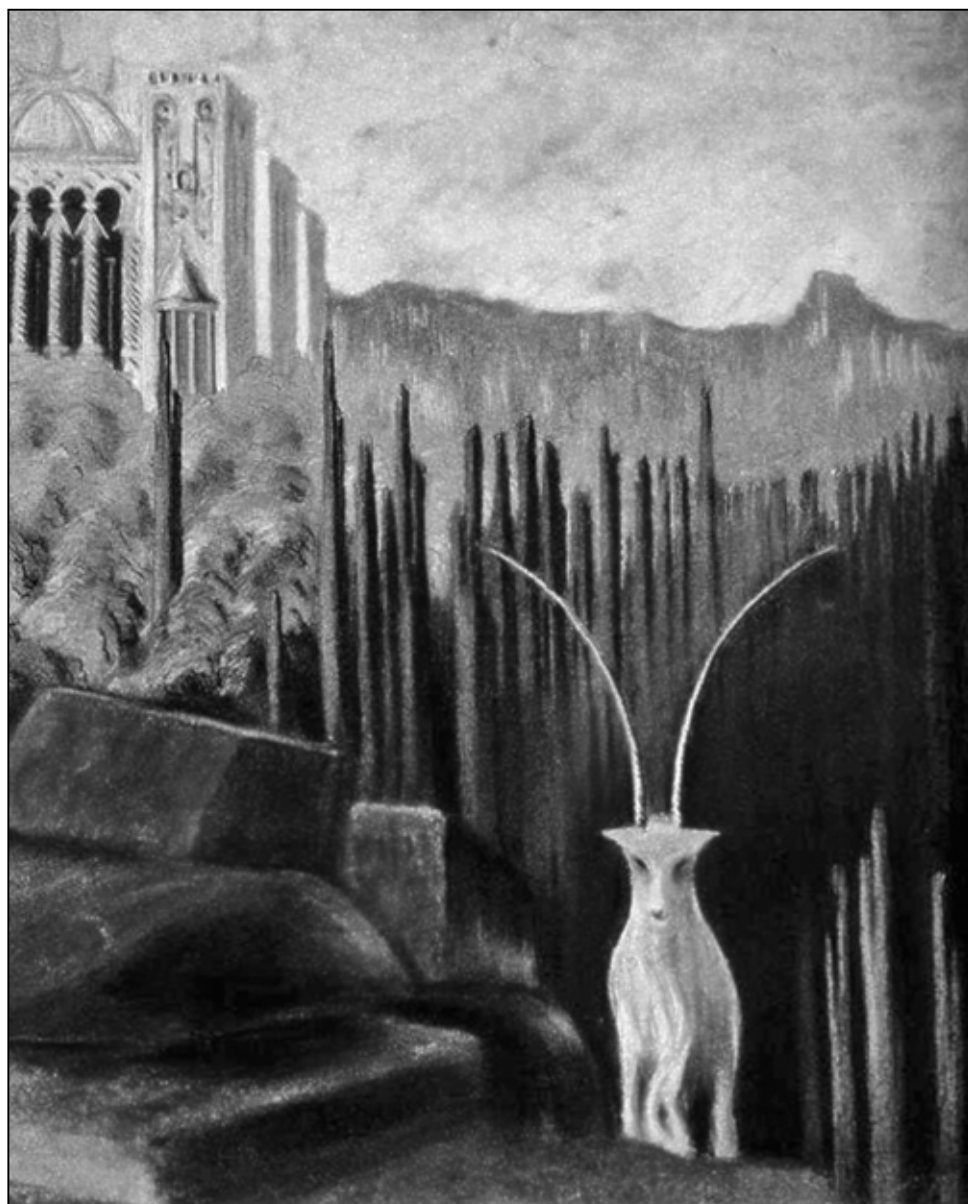
Чюрлениса) и Владзимеж, жили тогда в Париже... В числе их друзей были Айседора Дункан и ее друг, концертирующий пианист Вальтер Румпель, а также выдающийся скульптор Э. Бурдель — учитель Евгения.

Впервые навестив с Румпелем Евгения, Айседора попросила сыграть его симфоническую поэму «Улалуме». И когда оба друга в четыре руки исполняли поэму Моравского, Дункан, удобно устроившись на софе, слушала сосредоточенно, как обычно, вживаясь в музыку. Напротив софы, на стене, висел большой лавровый венок, врученный Евгению на одном из концертов, а над ним копия картины Чюрлениса, которую сделал для друга сам автор.

Взгляд Дункан, слушавшей музыку, беспокойно блуждал, словно искал чего-то. Вдруг он становился на венке и висящей над ним картине. Айседора внезапно вскочила и, подбежав к картине, долго глядела на нее. Потом сняла ее, взяла в руки и не отрывала от нее глаз. Было заметно, что ее волнение и беспокойство нарастают. Когда друзья кончили играть, она, подбежав к Евгению, воскликнула: «Кто он? Где он, этот человек, создавший эту замечательную картину?»

Узнав, что этого человека давно уже нет в живых, она очень расстроилась.

Затем воцарилась долгая тишина. Наконец Айседора произнесла: «Я его найду» — и попросила Румпеля сыграть трагическую сонату Шопена «си бемоль минор» с траурным мар-

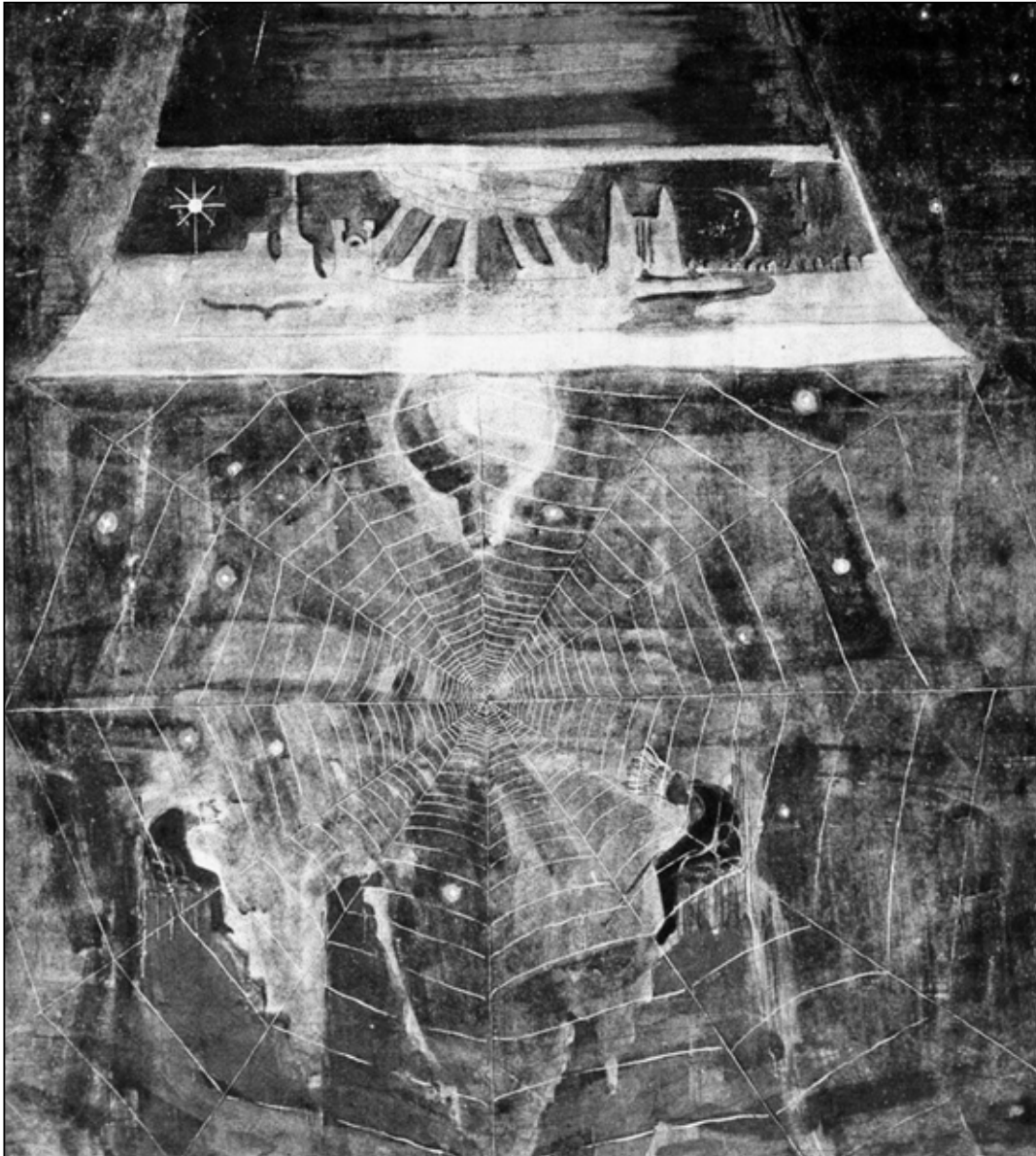
«Козел»

шем. В тот вечер она танцевала, импровизируя эту сонату, а друзьям мерещились «черные крылья смерти».

Об этом эпизоде рассказал Владзимеж Моравский, который в тот вечер видел танец Дункан. По его словам, это был для них настоящий праздник. Она танцевала с таким вдохновением, с каким редко выступала в своих концертах. Кончив танцевать, Айседора стала очень задумчива и вскоре ушла домой.

Евгений, помолчав, сказал: «Она все же, наверное, «нашла» то, что хотела найти».

И еще один отрывок из этой книги: «Однажды летом брат привез из Варшавы стопку фотографий на редкость красивой молодой женщины. Сперва он нам ничего о ней не сказал, просто оставил снимки, словно желая дать нам время разглядеть их...

«Соната Звезд»

Лучше всего помню снимок, где Дункан изображена с греческой прической, голова ее украшена диадемой, на ней греческая туника из легкой ткани.

Удивительно правильные черты лица, ее красила едва заметная легкая улыбка и выразительные лучистые глаза. Я и сейчас вижу ее такой. В ней все просто, естественно и гармонично, словно она сама — образец античной скульптуры.

Тогда я еще не понимала, что так привлекало в ее лице.

Брат рассказывал, что приезд Дункан в Варшаву потряс всю музыкальную общественность. Это явилось крупной сенсацией, и поэтому все, кто мог, бежали смотреть на балерину, танцующую «босиком»... Так как брат ко всем «модам» относился скептически, то и на сей раз весьма холодно встретил предложение Евгения пойти посмотреть эту знаменитость.

Но вот он увидел на афише программу концерта — Дункан танцевала сюиту Баха и «Траурный марш» Шопена. Это было нечто новое; и тогда он решил пойти на концерт.

Впечатление было огромным. Из того, что он рассказывал нам об этом концерте, я поняла, что на свете нет танцовщицы, лучше и серьезней Дункан. И мне, тогда, совсем еще маленькой, было важно то, что Кастукас хвалил Айседору, и что она учила маленьких девочек танцевать...

И только, кажется, в 1924 году, когда я училась в Берлине, мне довелось самой увидеть эту поистине удивительную женщину.

Прочитав объявление о гастрольях Дункан, я очень обрадовалась, что смогу увидеть ее, и волновалась, так как она должна была сказать мне о многом и важном, пережитом, но не понятном мною в детстве.

...Меня больше всего восхитило полное слияние движений Дункан с музыкой. Я никогда не думала, что движением можно так много выразить, и, главное, что в движениях можно раскрыть развитие психологических процессов, таящихся в музыкальных произведениях, не подкрепленных сюжетом или драматургией...

Сдержанность движений действовали как тишина после катастрофы. Эта тишина была сильнее крика боли. Это было рыдание.

Танцовщица, одетая в темно-фиолетовое длинное легкое одея-

ние, с большой внутренней эмоциональной силой передавала душевное горе человека... Не было привычных для классического танца пируэтов и пуант, да и вообще акробатических трюков, а также чуждой человеческой природе имитации «веса бабочки». Она танцевала босиком; в ее движениях не было ни крупницы стремления языком хореографии выразить семантику музыки. В ее симфоническом танце я чувствовала удивительную законченность всего произведения...

Кончив танцевать симфонию, Дункан вышла поблагодарить за аплодисменты. Но вместо банальных реверансов, она встала посередине эстрады, вытянув обе руки вперед и стояла так, немного наклонив голову набок, до тех пор, пока шум не затих.

Ее длинная, до пола, темно-фиолетовая туника, серьезность и вытянутость руки что-то напомнили мне. И сейчас не могу забыть этого впечатления. А напомнило мне это — картину Чюрлениса «Жертва»!..»

— О признании Чюрлениса при его жизни, пожалуй, и говорить не приходится, — тихо, в своей раздумчивой манере, — сказал Владимир. — Конечно, в основном шарахались, нетерпимо высказывались о непонимании. Словом, как и всегда было с явлением чего-то нового в жизни... Но были у Микалоюса и очень страстные поклонники его невиданных миров и гармоничной, красивой

«Зима»

музыки... Они высказывались, как и те, кто ничего не принимал. Словом, с Чюрленисом было так, как было и с другими — Ван-Гогом, Гогеном... Да что об этом говорить?!..

Ну а это уже просто крик души знаменитого француза Ромена Роллана: «Просто невозможно выразить, как я взволнован этим поистине магическим искусством, которое обогатило не только живопись, но и расширило наш кругозор в области полифонии и музыкальной ритмики. Каким плодотворным могло бы

быть развитие этого открытия в живописи больших пространств, в монументальной фреске! Это новый духовный континент, и его Христофором Колумбом, несомненно, остается Чюрленис!»

— Я читал тебе «Псалом» Кастукаса? — неожиданно спросил меня Володя.

— Кажется, нет, — покачал я головой.

— Ну, тогда вслушайся всей силой духа! — И он тихо, но отчетливо-пронзительно выдохнул: — Господи!..

«Соната Моря»

«ПСАЛОМ» ЧЮРЛЕНИСА

«Господи! Молю тебя: озари мой путь, ибо сокрыт он от меня. Возглавил я шествие наше, и знаю, что

другие тоже пойдут за мной — лишь бы не путями окольными.

Темными лесами блуждали мы, миновали долины и поля возделанные, и было шествие наше длиною

в вечность. На берег речной вышли мы, а конец шествия только показался из темного бора.

— Река! — воскликнули мы. И те, кто рядом был, вторили нам: — Река! Река! А кто в поле был, кричали: Поле, поле, поле!

В конце же идущие говорили: в лесу мы, и удивительно нам, что передние кричат: «поле, поле!», «река, река!» «Лесом мы идем», — так говорили они, ибо не знали, что находится в конце шествия.

Ныне же, Господи, все более тяжек путь мой.

Предо мной — высочайшие вершины, голые скалы и бездны. Это красиво. Это бесконечно красиво. Но не знаю дороги, и боязно мне. О нет, не за себя — ведь иду я, а вслед за мной уже идут другие. Господи, они за мной идут, все шествие — длинное, длинное! Один за другим — через долину и долгие речные берега, и через поле большое, возделанное, тихое, а конец этого шествия в лесу скрывается, и шествию конца нет.

Где истина, Господи? Иду, иду.

Ты явил предо мной чудеса свои — на розоватых вершинах гор, на зеленовато-серых скалах, прекрасных, как замки очарованных королевичей.

Те, кто ближе, видят ясно, те же, кто у реки или в поле, — они-то когда узнают эти чудеса Твои? Или же те, кто из лесу еще не вышли? Жаль мне их, Господи! Не скоро они узрят чудеса Твои, что Ты так щедро рассыпаешь вокруг.

Долог ли будет еще наш путь, Господи? Или Ты велишь не вопрошать об этом?

Куда идем мы, Господи? Где конец этому пути?»

— По большому счету, видно, что он не просто возился с красками, вылавливал из хаоса и гармонизировал звуки, очень отрешенно и до самоистязания мыслил, искал то эмоциональное начало, воздействие и влияние его на жизнь людей, а точнее — человечества! И не стоит принижать его уровень притязаний! Он так мыслил и ставил такие задачи в своих поисках — он хотел охватить искусством вселенского масштаба! — продолжал Владимир. — Отсюда и его записи дневниковые звучат порой как поучения древних пророков, где на первый план выходят морально-этические постулаты сообществам людей:

«Человек, живя среди людей, всегда должен вершить добро, и его жизнь никогда не будет прожита зря, даже если в глазах других он — ничто. Согласитесь, что порою доброе, благосклонное слово значит больше, чем воз золота, а теплый искренний взгляд — больше, нежели тома механики»...

И это... так похоже на дневники Толстого или Руссо... своей искренностью и безудержной жадой быть понятым и действовать на стороне правды и добра! — Он помолчал немного, вздохнул и тихо добавил: — Какая все-таки обнаженность души: «Постоянно хочу

*«Соната
Пирамид»*

творить добро, но не знаю, что есть добро. Хочу идти, но не знаю куда. Я слаб, потому что чувствую, что ошибаюсь. Только покажи мне, в какой стране есть эта жизнь, и ты увидишь, сколько во мне найдется энергии»...

В апреле 1911 года Чюрлениса не стало. Строки о его смерти показались написанными для художников с распахнутыми душами к Свету и Искусству, для таких, как Чюрленис! В их сердцах жила несокрушимая вера в будущее! Мысли

эти зарифмовал ученый и поэт, сподвижник космического мечтателя Циолковского, Александр Чижевский:

*Я верю, верю: день грядет,
День величайший, незабвенный, —
Народу клятву даст народ
И соберется всей вселенной
В один торжественный оплот!*

*И все сердца соединятся
В несокрушимый договор,
Падут преграды, и сплотятся
Умы в единый, общий хор,
И в вековечность обратятся!*

Вспомнились и слова Владимира о Чюрленисе. Позже, правда, я узнал, они принадлежали не ему, а Николаю Рериху:

«Трудна была земная стезя Чюрлениса. Он принес новое одухотворенное, истинное творчество... Помню, с каким окаменелым скептицизмом были встречены произведения Чюрлениса. Окаменелые сердца не могли быть тронуты ни торжественностью формы, ни гармонией возвышенных тонов, ни прекрасной мыслью, которая нашептывала каждое произведение художника. Было в нем нечто поистине природно-вдохновенное...»

... Рерих, Добужинский, Браз, Бенуа, узнав о кончине Чюрлениса, послали в Вильнюс телеграмму. Выражали соболезнования, называя художника — гениальным!

Сохранилось письмо Добужинского своему коллеге Бенуа. Он пи-

сал: «Смерть, впрочем, часто как-то что-то «утверждает»; и в этом случае все его искусство делает (для меня, по крайней мере) подлинным и искренним откровением. Все эти грезы о нездешнем становятся страшно значительными... по-моему, много общего у Чюрлениса с Врубелем. Те же видения иных миров и почти одинаковый конец; и тот, и другой одиноки в искусстве»

Подобную схожесть творческих устремлений и земной судьбы заметил Николай Рерих и с судьбой выдающегося композитора Скрябина: «В Скрябине и в Чюрленисе много общего... Необычностью и убедительностью эти художники, каждый в своей области, всколыхнули множество молодых умов».

И еще я крепко запомнил... Владимир, прощаясь со мной тем ранним утром, вдруг повернулся и проговорил пророческие слова Чюрлениса о своей судьбе:

«Ведь я представлял себе счастье таким близким и возможным. Однако решил: счастлив не буду, это столь же верно, как и то, что я «умру». Сие меня как бы утешило несколько...»

Так и есть, счастлив не буду, иначе быть и не может. Слишком легко ранимый, слишком близко все принимаю к сердцу... Деньги меня не привлекают, ожидает меня нужда. Сомневаюсь в своем призвании и таланте, и ничего не достигну...

Перестану мечтать, но запомню мечту своей юности»... □

Евгения Гордиенко

Иоганн Штраус

сын Иоганна Штрауса

Если, пользуясь современными технологиями, начать искать имя Иоганна Штрауса в Интернете, то поисковые системы заботливо подскажут «...младший».

Как и великие Дюма, Штраусы тоже существовали в вариантах «отец» и «сын». Существовали еще и братья, это была весьма одаренная династия. Однако признанным

Справа:
*Генриетта
Халупецкая,
первая жена
Иоганна
Штрауса*

«королем вальсов» был именно сын, Иоганн Штраус-младший.

Отец, знаменитый австрийский композитор Иоганн Штраус-старший, словно предчувствуя будущего конкурента, был категорически против того, чтобы сын учился музыке. Причем под запрет попали как музыкальные инструменты, так и нотная грамота в принципе. Это правило распространялось на всех троих сыновей композитора от его жены Анны Штрайм. И, по иронии судьбы,

все трое впоследствии стали музыкантами.

Мать, разглядев в Иоганне-младшем талант, поддерживала его увлечение скрипкой, на которой мальчик учился играть без ведома отца. Она «прикрывала» ребенка от отца, благо тот часто бывал в разъездах. Остроту делу придавало то, что игре на скрипке мальчик учился у лучшего скрипача отцовского оркестра — Франца Амона, который также скрывал эту «работу» от своего начальника.

Разъезды дирижера не прошли даром, и через некоторое время Анна узнала, что у мужа уже несколько лет есть вторая семья — с поклонницей Эмилией Трамбуш. Супруга подала на развод, стремясь тем самым защитить детей от отцовских запретов и помочь им найти себя в музыке.

Свой первый вальс Иоганн-младший написал в возрасте шести лет, а дирижерский дебют его состоялся, когда ему исполнилось всего пятнадцать. Произошло это в ресторане Доммайера в Хитцинге, и уже тогда стало понятно, что перед публикой — будущий король вальсов.

С

вой первый вальс Иоганн-младший написал в возрасте шести лет, а дирижерский его дебют состоялся, когда ему исполнилось всего пятнадцать. Произошло это в ресторане Доммайера в Хитцинге, и уже тогда стало понятно, что перед публикой — будущий король вальсов

Отец и тут ухитрялся ставить сыну палки в колеса. Он заносил в «черный список» те места, где выступал сын, и отказывался выступать там. Чем он руководствовался — ревностью или завистью, — нам уже не узнать. Однако сын все равно пробивал себе дорогу на музыкальном поприще.

Несмотря на поступление в Высшее коммерческое училище и получение профессии счетовода, в 1844 году, в возрасте 19 лет, Иоганн

Штраус-младший получил лицензию на право дирижировать оркестром. После первого концерта молодого Штрауса в газетах появились весьма благоприятные отзывы, а критик Вист озаглавил статью о дебюте так: «Доброго вечера, Штраус-отец, доброго утра, Штраус-сын!» Отец был в бешенстве.

Популярность молодого композитора набирала обороты так быстро, что через некоторое время ему пришлось привлечь к своей концертной

деятельности братьев Йозефа и Эдуарда. Иоганн считал братьев не менее талантливыми, просто ему, по его мысли, досталось больше популярности. В Австрии он со временем получил, словно бы в наследство, все придворные полномочия отца. После смерти Иоганна Штрауса-старшего артисты его оркестра в полном составе явились к сыну, чтобы торжественно вручить дирижерскую палочку отца и присоединиться к новому — молодому — оркестру...

Незадолго до смерти Штрауса-старшего между отцом и сыном разгорелся еще один конфликт, как ни странно, политический.

В 1848 году Иоганн-младший горячо откликнулся на революционные события. Все его симпатии были на стороне народа. Он написал «Марш революции», звучащий как

призыв к борьбе. Вскоре этот марш стал самым популярным, и восставшие гордо называли его «Венской Марсельезой». Однако венское восстание было подавлено, и новая власть помнила о поведении Иоганна Штрауса-младшего во время революции 1848 года. В течение долгого времени его не приглашали ко двору, и его вальсы не исполнялись на императорских балах. В государственных архивах сохранились доносы о «якобинских» настроениях. А Штраус-старший оказался в то время по другую сторону баррикад.

Он очень тяжело переживал потерю популярности, а вскоре заболел скарлатиной и скончался 25 сентября 1849 года. Умер в одиночестве, в большой пустой квартире, а вот похороны его были грандиозны.

Штраус-младший был необыкновенно одарен мелодически. По его собственным словам, музыка «лилась, как вода из крана». Если первые вальсы Штрауса напоминали творчество его отца периода расцвета, то вскоре ему стало тесно в форме старого венского вальса, и все свои силы он отдал созданию музыки нового типа, стремясь к тому, чтобы музыкальная тема не сворачивалась тотчас же после возникновения, а развивалась в широко льющуюся мелодию. Штраус смело сломал привычную до того форму танца, удвоив его объем. Там, где раньше встречались построения в 8 и 16 тактов, он сконструировал соответственно 16 и 32, этим самым

Слева:

*Анжелика
Дитрих,
вторая жена*

словно бы «ускорив время», добавляя своей музыке жизни и радости.

Это имело огромный успех у публики. Гастроли оркестра Штрауса следовали одни за другими — Германия, Румыния, Польша, Чехия и даже далекая и холодная, по мнению венцев, Россия.

В 1856 году Штраус получил приглашение приехать в Россию и ди-

рижировать концертами и балами в здании Павловского вокзала. Восторг публики был столь велик, что последующие десять лет его летние выступления стали традиционными. Здесь же, в России, Иоганн впервые серьезно влюбился — в молодую девушку Ольгу Смирнитскую. Он даже просил ее руки, но родители барышни согласия не дали — брак

*Отец —
Иоганн
Штраус-
старший*

с иностранцем тогда был не в чести. Своей русской музе Штраус посвятил вальс «Прощание с Петербургом».

Оправиться от этой травмы ему помогла оперная певица Генриетта Халупецкая. К моменту знакомства со Штраусом она имела семерых (!) детей от разных мужчин, хотя ни разу не была замужем. Однако Генриетта, вопреки слухам, стала Иоганну верной и заботливой женой, которая не только полностью вела быт, но и поддерживала мужа в его карьерных и профессиональных устремлениях.

После десяти сезонов в Павловске композитор был вынужден разорвать контракт с Царскосельскими железными дорогами ради грандиозного концерта в США, где он поставил мировой рекорд, дирижируя оркестром из тысячи музыкантов. Впоследствии он, правда, отказался от подобных рекордов, какие бы гонорары ни сулили импресарио.

Организовывать работу оркестра, подыскивать ангажементы, планировать работу и при этом сочинять — все это требовало организа-

торского таланта, который у Штрауса, несомненно, был.

При этом он находился в бесконечном творческом поиске, который однажды вылился — не без помощи и советов жены — в написание оперетты.

Первую оперетту композитора — «Индиго и сорок разбойников» — публика приняла «на ура». А третьей стала «Летучая мышь», которая

ужасно, но усердно. Юбиляр сердечно поблагодарил капельмейстера. Тот просиял: *«Я вам очень признателен, маэстро, за вашу лестную оценку. Ведь написать вальс — дело нехитрое, а вот сыграть с блеском может далеко не каждый...»*

Обязанности придворного композитора отнимали у Штрауса слишком много времени, и он не успевал заниматься собственно творчеством.

Штраус получил приглашение приехать в Россию, чтобы дирижировать концертами и балами в здании Павловского вокзала. Восторг публики был настолько велик, что последующие десять лет его летние выступления стали традиционными. Здесь же, в России, он серьезно влюбился в Ольгу Смирнитскую, но родители не дали согласия на их брак. Своей русской музой Иоганн посвятил вальс «Прощание с Петербургом»

с тех самых пор является образцом оперетты.

Но интенсивная работа не могла не подорвать здоровье музыканта. Постепенно он передавал бразды правления своей музыкальной «империей» братьям. В газетах порой можно было увидеть шуточные «объявления»: «Фирма Штраус. Торговцы музыкой оптом и в розницу».

Смешной случай произошел на праздновании 60-летия композитора. Небольшой любительский оркестр сыграл для маэстро один из его вальсов. Музыканты играли

Чтобы освободить время для написания оперетт, в 1870 году он передал эти обязанности брату Эдуарду.

Это был непростой период — сначала умерла любимая мать, а затем — спустя полгода — младший брат Йозеф. В довершение этих несчастий скончалась и супруга Генриетта. Но Иоганн горевал недолго, вскоре, с едва приличествующей поспешностью...он женился вновь. И опять на певице — Анжелике Дитрих. Чем был продиктован этот поспешный брак — внезапной страстью или страхом одиночества, —

теперь уже не узнать. Однако закончился он разводом, произошедшим всего через пять лет.

В третий и последний раз композитор женился в возрасте 62 лет — на богатой еврейке Адели Дойч, вдове банкира, воспитывавшей дочь Алису. Ради этой женитьбы Штраус сменил гражданство и вероисповедание — перешел из католичества в протестантизм.

Своих детей ни в одном из трех браков у него не было, однако он с большим теплом относился как к детям первой жены Генриетты, так и к Алисе.

Несмотря на то, что отец никогда не поддерживал его в занятиях музыкой, Иоганн Штраус-младший всегда чтит его память, считая, что именно благодаря ему венская танцевальная музыка распространилась по миру.

В 1889 году он издал произведения отца в семи томах. А собственный талант Штрауса запечатлен почти в 500 произведениях. Среди них — вальсы, польки, оперетты, даже одна комическая опера «Рыцарь Пасман», а вальс «Голубой Дунай» стал неофициальным гимном Австрии.

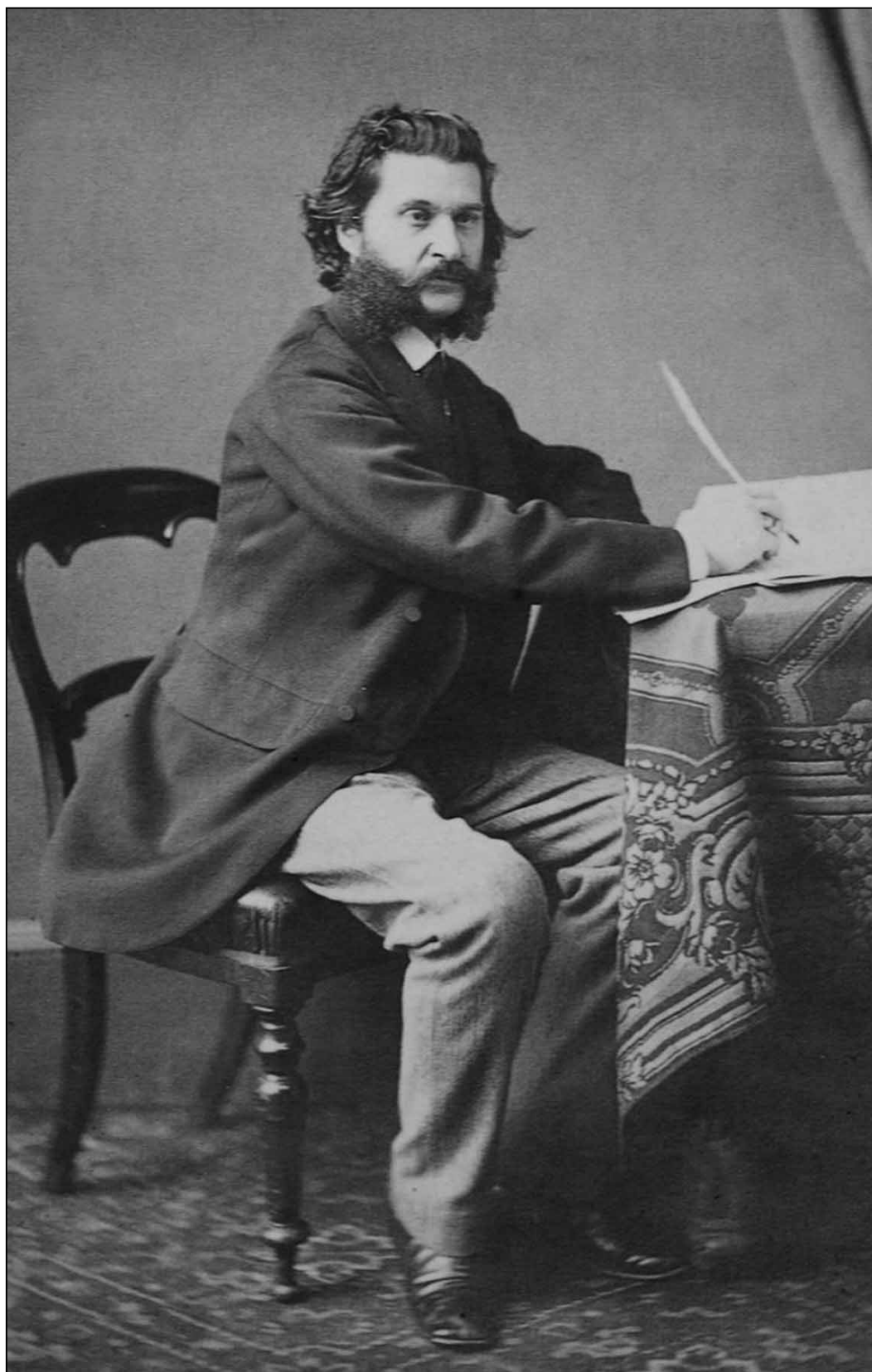
Именно Штраусу мы должны быть благодарны за то, что танцевальная музыка, «музыка для ног», больше не считалась «низким» жанром, а стала популярной и интересной для слушателей. Это уже была не просто музыка для танцев, а самостоятельные произведения, обладающие огромной художественной ценностью.

Умер «король вальсов» в возрасте 73 лет от пневмонии, которую подхватил, возвращаясь с празднования 25-летия выхода одной из самых знаменитых своих оперетт — «Летучая мышь». В этот вечер маэстро в последний раз стоял за дирижерским пультом. 3 июня 1889 года его не стало. Как и отцу, Вена устроила композитору грандиозные похороны.

После смерти мужа Адели посвятила жизнь увековечиванию его памяти. В квартире, где они жили, вдова создала музей Штрауса, со-

Слева:

*С третьей
женой —
Адели
Дойч*

хранив обстановку, музыкальные инструменты, а также личные вещи композитора.

Могила Штрауса расположена на центральной кладбище Вены рядом с захоронениями Брамса и Шуберта. □

Дмитрий Воронин

*«Я всегда знал,
что моя профес-
сия будет
творческой»*

Дмитрий Воро-
нин — молодой,
яркий, хариз-
матичный актер
театра и кино,
выпускник
Щепкинского
училища.
С 2011 года
он служит
в «Театре Луны»
и задействован
во многих спек-
таклях театра.
Это: «Бал
неспящих»
А.Толстого,
«Орфей
и Эвридика»,
«Жаворонок»
Жана Ануя,
«Ящерица»
А. Володина,

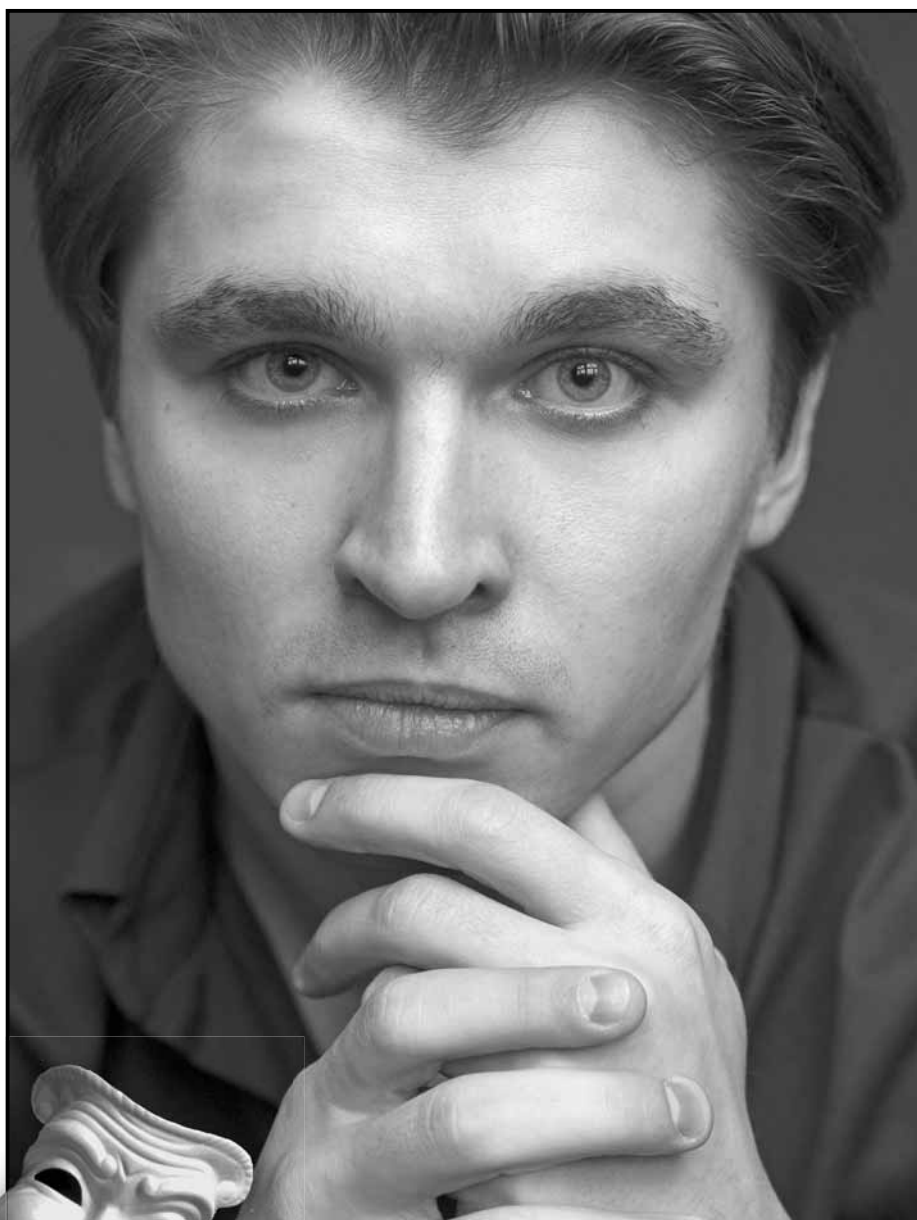

Фото
из личного
архива

«Антигона» Софокла, «Шанте-
клер» Э. Ростана и другие.
Телезрители знают Дмитрия
по сериалам: «Горе от ума»,
«Тихая охота», «Семейные

обстоятельства», «Орлова и Александров», «След», «Деффчонки». А еще он работает в дубляже, это Дмитрий озвучил Аладдина для русскоязычного зрителя в музыкальном фильме Гая Риччи «Волшебная лампа Аладдина».

— Дмитрий, когда вы решили стать артистом, еще в детстве?

— В пять лет я впервые вышел на сцену в Доме культуры моего родного города Кимры Тверской обла-

сти: два мальчика и две девочки пели задорные частушки. Окончил музыкальную школу по классу баяна, и всегда знал, что моя будущая профессия должна быть творческой.

*«Дориан
Грей»*

Справа:
*«Сальвадор
Дали»*

В семнадцать лет поехал в Москву, показывался во все театральные вузы и поступил в Щепкинское училище на бюджетное отделение. Взяли меня на курс Ольги Николаевны и Юрия Мефодиевича Соломиных.

В Щепкинском училище мне повезло постигать профессию у таких мастеров как Соломины, они учились искусству у Веры Николаевны Па-

шенной. Пашенная — ученица выдающегося актера и театрального деятеля Александра Павловича Ленского, а он — ученик Михаила Семеновича Щепкина! Щепкин — основоположник реализма в сценическом искусстве русского театра.

— Интересно, что начало автобиографии Щепкину написал

Пушкин, а свои первые постановки пьес Щепкин репетировал вместе с их авторами — Гоголем и Грибоедовым ...

— Преемственность и связь поколений в Малом театре никогда не прерывалась, и это бесценно. С благоговением, с почетом артисты из поколения в поколение проносят свою любовь к педагогам. Учителем Константина Сергеевича Станиславского и Александры Александровны Яблочкиной была актриса Малого театра Гликерия Николаевна Федотова. Именно она передала им свой богатый сценический опыт.

— Дмитрий, а что вы можете вспомнить из напутствий Юрия Мефодиевича актерам?

— Мне запомнились слова Юрия Мефодиевича Соломина, как долж-

но служить искусству: «Нужно всегда оставлять кусочек своего сердца на сцене»... Конечно, нужно пытаться достичь этого, как иначе.

— Вы служите в «Театре Луны» под руководством Сергея Борисовича Проханова. Как вы пришли в этот театр?

— Показывался в «Театр Луны», еще будучи студентом, они искали главного героя на роль братьев-близнецов в спектакль по произведению Александра Дюма «Нельская башня». Я был отобран и с удовольствием работал в этом интересном историческом спектакле в постановке Дарьи Поповой. Спектакль был яркий, живой, музыкальный, костюмный, с танцами, с боями. Полное погружение во Францию 12 века...

*«Ромео
и Джульетта»*

— В каких спектаклях вы играли в этом сезоне?

— В спектакле Гульнары Галавинской «Дориан Грей» у меня главная роль, эта постановка — оригинальная версия романа «Портрет Дориана Грея» и письма-исповеди Оскара Уайлда «De profundis» («Тюремная исповедь»). Это исповедальная история, невероятная история страдания души. Интересная пьеса, сильные по воздействию тексты, физически сложный спектакль, требующий больших энергетических затрат. Гульнара очень требовательный режиссер в работе с актерами — на сцене все должно быть искренне и убедительно. Я считаю, что эта пьеса — сакральная...

В «Ромео и Джульетте» — алхимия любви болгарского режиссера Лили Абаджиевой — у меня роль Кормилицы, вообще в спектакле семь ролей, и все их играют мужчи-

ны, как во времена Шекспира, в традициях театра «Глобус». Постановка интересна тем, что артисты меняются ролями по очереди, в стиле европейского театра.

В спектакле «Дали и испанская королева из Казани» я играю молодого Сальвадора Дали, а уже Короля сюрреализма играет Евгений Аркадьевич Герчаков. Спектакль необычный, захватывающий, с элементами фантазии. Автор пьесы и постановки — Сергей Борисович Проханов. Видеоинсталляции и декорации — художника Никаса Сафронова. Будучи в Испании, я даже съездил в старинный каталонский город Фигерас, на родину знаменитого живописца, чтобы лучше погрузиться в роль.

В мюзикле «Маяковский» играю влюбленного в Эльзу Триоле, сестру Лилии Брик, Каменского, это очень красивый спектакль.

— Что у вас нового в кино за последнее время?

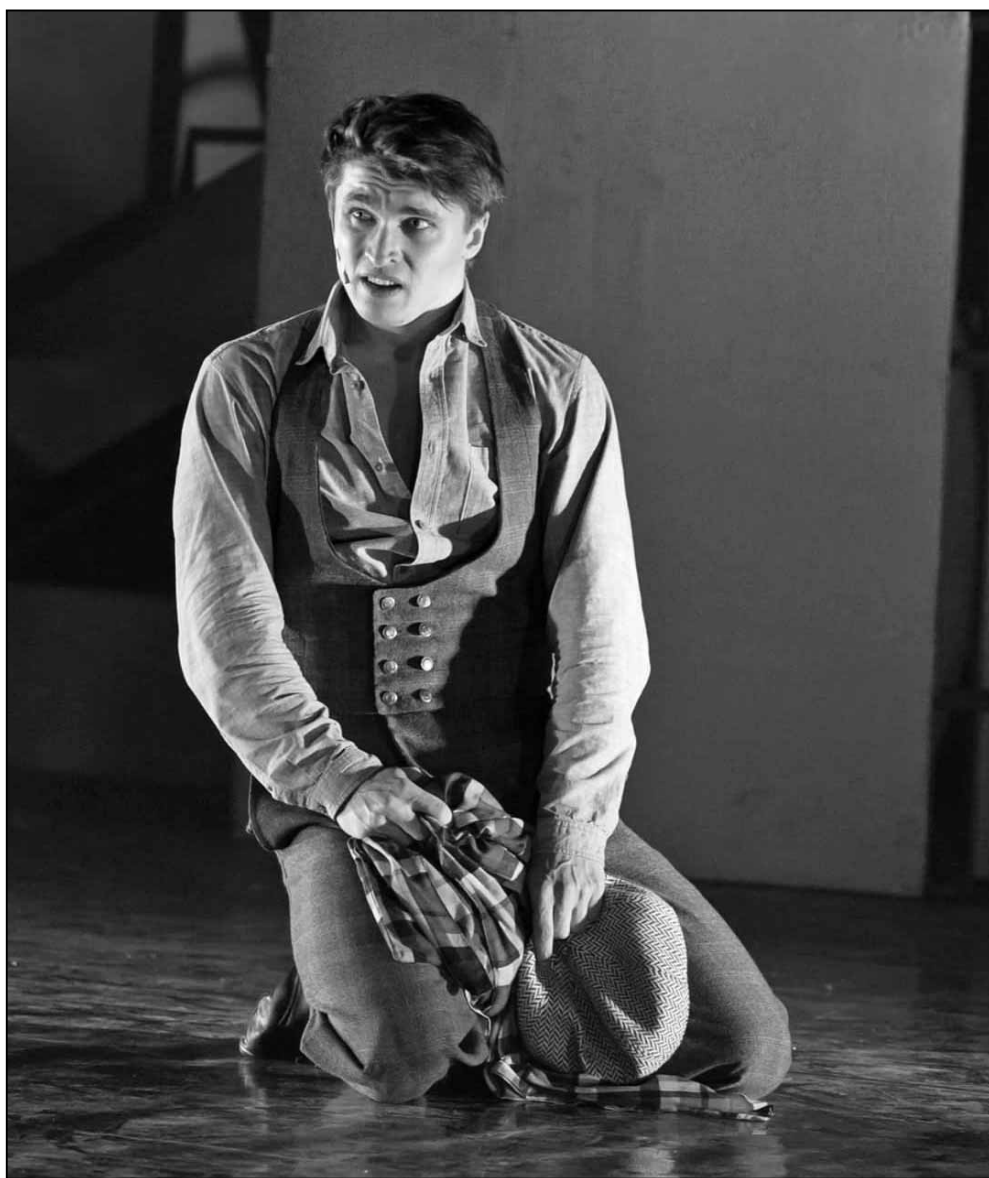
— До карантина были пробы, но, сейчас все замерло. В ноябре прошлого года вышел сериал «Горе от ума» Д. Гарипова, такая адаптация на современный манер классики. Артхаузное произведение получилось. Павел Прилучный играет Чацкого, Софью — Маша Кожевникова, я в роли Молчалина — эдакого клерка, офисного сотрудника газовой компании, владельцем которо-

го является Фамусов. Молчалин — отрицательный персонаж, тем мне он и интересен. Мне вообще хочется в кино играть таких отрицательных персонажей — ты убедительнее выглядишь.

В «Горе от ума» восемь серий — такой детектив в стиле нуар, адаптированный для молодежи, чтобы молодежь читала и смотрела классику.

Должны были выйти еще сериалы по классике, но снятые в совре-

«Маяковский»

менных обстоятельствах — «Герой нашего времени» и «Отцы и дети» ...

— Как вы пережили время карантина?

— Смотрел много передач, исторических, про древних людей, политические передачи, фильмы, читал книги. Перед началом карантина я увлекся стоянием на гвоздях, на доске Садху. Это не так страшно, как может показаться. Первый раз простоял полчаса.

— Доска Садху — это инструмент для раскрытия творческого потенциала?

— Каждое вставание на гвозди — это реальный путь, такая аскеза, я считаю, что это полезно актерам для развития концентрации. Духовная нагрузка — энергия, ум и тело соединяются воедино. Конечно, больно, но эту боль ты интегрируешь в свое тело, в энергию. Болевой порог у всех разный, я сам не ожидал, что смогу встать на гвозди. Это аскеза для самураев, которые перед боем стояли на доске с гвоздями и не боялись ничего, можно сказать, харакири без крови.

— Вы любите путешествовать? И куда хотелось бы еще раз вернуться?

— Я начал гастролировать еще в детстве, когда учился в музыкальной школе, мы ездили с концертами по Европе. Франция, Бельгия, Германия, Голландия — мы много путешествовали. С юности у меня любовь

к гастролям, к перемене мест и обстоятельств.

В Италию хочется возвращаться всегда. Однажды с женой побывали в Тоскане, в местах Тарковского, где он снимал «Ностальгию», и я понял, почему он снимал фильм именно в Тоскане — ночной воздух и ночные звуки там точно такие же, как и в нашей русской деревне.

В Португалии я впервые увидел океан, и он ошеломил меня. В Праге особые впечатления — от города, от природы...

— Какого зрителя вам хотелось бы видеть в театре?

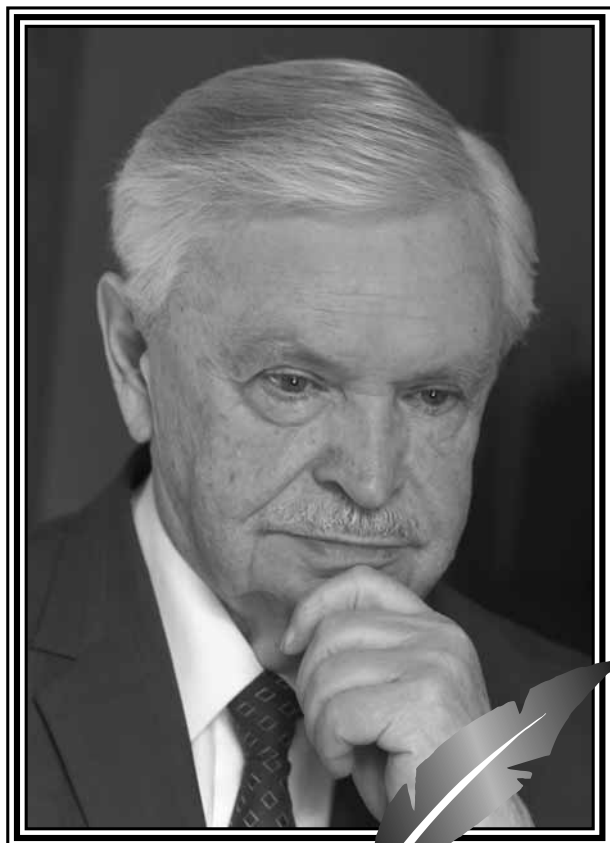
— Сейчас хочется видеть любого зрителя: и шуршащих пакетиками, и смеющихся, и выкрикивающих что-то... У нас есть спектакль, где актеры обращаются в зал, а публика отвечает: «Вы это нам?» Реагируют, значит, есть контакт. Некоторые зрители не стесняются своих эмоций и открыто их выражают — это круто. Очень важно, каким зритель выходит из зала, главное, чтобы зал был полон, тогда есть энергия, есть магия. Надеемся, что постепенно театры заполнятся до отказа, все вернется на круги своя, и возобновится связь актера с залом. Зритель придет жадным до эмоций, и артисты будут жадными до зрителя. Такого опыта и в военное время не было. Ждем зрителя с нетерпением!

С надеждой на скорую встречу! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Татьяна Федяева

*К 85-летию
Альберта Анатольевича Лиханова*

 **ЖИТЬ —
ДЕТСТВУ
СЛУЖИТЬ**

Фото
из личного
архива

Есть эпохи, когда люди, точно знающие, что такое хорошо и что такое плохо, умеющие отличить добро от зла, единичны. К их голосу прислушиваются: они понимают, как по путеводным звездам выйти к свету и не потеряться навеки во мгле. Таков писатель, общественный деятель, ученый, педагог Альберт Анатольевич Лиханов.

Когда начинаешь писать о нем, то возникает чувство, что стоишь у подножия огромной горы — так велики и значимы его жизнь и творчество. Это ощущение объяснил Владимир Карпович Железников, автор знаменитого «Чучела», в послании к А.А. Лиханову: «Альберт Лиханов, может быть, последний из могикан. Бескорыстен своим милосердием».

Наверное, имя А. Лиханова и нужно ставить в ряд детских писателей, но его творчество все же трудно уместить в рамки детской литературы. Уже тогда, в СССР, он отменил в своем творчестве привычный всем «идеализм» детского текста и этим выпал из общего благостного течения детской литературы, писал преимущественно о драмах и трагедиях детства. «Сердце мудрых — в доме печали» — как верно подметил главный герой его новой повести «Незабытые игрушки». Создавая свои «мальчишечьи» повести, занимаясь проблемами детства, Лиханов возводил их к бытийным, философским темам. По сути, он всегда, как любимые наши писатели, думал и писал о русской духовности, преломленной в детском вопросе. Поэтому при анализе его творчества выстраиваются соответствия, выходящие за пределы детской литературы. (Для сравнения напрашиваются иные имена — В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин.)

В постперестроечной реальности, в пору великого смятения, Лиханов, как и вышеназванные классики, писал и пишет о новой России «с высоким трагическим чувством необратимости, но без растерянности и смятения, как пишут мерный эпос великие художники, знающие безжалостную власть времени и при этом не уступающие ей». (В. Курбатов. «Долги наши»). Но Лиханов не только пишет, он совмещает писательскую работу с огромным трудом

по переделке жизни на правильный лад. В этом качестве, объединяющем в одной личности творца жизни и творца литературы, ему, пожалуй, нет равных среди наших классиков.

Владимир Железников назвал главный источник очень редкой не только нынешним временам целостности биографии и творчества писателя — милосердие. Милосердие Альберта Анатольевича активно — оно воплощается и в слове, и в делах. В недавно опубликованной сразу в трех журналах: «Смена» (№ 5), «Наш современник» (№5) и «Путеводная звезда» (№ 4) за 2020 год повести А. Лиханова «Незабытые игрушки» поднята тема, намеченная еще Достоевским в «Братьях Карамазовых» — детских «воспоминаний... во спасение». Автор возвращается в свое раннее детство, вспоминает подаренные ему родителями и бабушкой игрушки. Но камерность и лиризм этого повествования восходят к более широким проблемам — пониманию важности светлого опыта детской жизни, который потом хранит человека всю жизнь, страшному предчувствию войны и беды, но еще и великому, совсем не детскому предощущению народного единства, а, значит, неявленной пока победы.

Для того чтобы такие воспоминания были у каждого ребенка в нашей стране, по инициативе Лиханова был создан Советский, а затем Российский детский фонд. Кроме того, им учреждены журналы для детского

и семейного чтения, построены детские дома и реабилитационные центры, сделаны тысячи многообразных операций, снижена младенческая смертность целых регионов страны — одним словом, свершены тысячи явных и незримых добрых дел. Творчество А. Лиханова перешагнуло границы литературы и стало существовать по закону, который Н.А. Бердяев в «Самопознании» описал в качестве главного устремления классической русской литературы, когда от сочинения произведений писатель переходит к творчеству жизни.

Виктор Петрович Астафьев дал исчерпывающую характеристику деятельности А. Лиханова-гражданина: «Гражданином в наше время быть трудно, да необходимо, чтобы характер был, а без характера нет писателя, как нет и общественного деятеля. Лиханов — хороший гражданин, повяtsky трудолюбив, по-русски стоек. И я предвижу и предчувствую, что он много и достойно еще поработает на ниве нашего отечества, на подзапущенных его полях и поможет упасть сорняку и созреть злаку».

Писатель давно нашел критерий, как никакой другой разделяющий правое от неправого, справедливое от несправедливого, нравственное от безнравственного, — отношение к детям. Детская тема высвечивает корни многих, если не всех наших бед и горестей, сомнений, тревог, заблуждений, причин выпадения из традиционных норм морали, поис-

ков истины и выхода из лабиринтов и тупиков времени.

Когда-то К.Г. Паустовский в «Книге о жизни» признался, что главная причина всех его жизненных конфликтов — в несовершенстве человеческих отношений, их вечном несоответствии представлениям о том, какими они должны быть. Каждый писатель по-разному переживает это столкновение мечты об идеальном и реальной жизни. Альберт Анатольевич, не сглаживая кошмары жизни высокими и прекрасными грезами о реальности, без страха вошел в стихию детского горя и бед. Добрая половина его книг — от первой повести «Звезды в сентябре» (1967) до романа в повестях «Русские мальчики» (1980-е — начало 2000-х) — об убитых войной детстве, отрочестве, юношестве.

Безусловно, драма несовершенства жизни и неосуществимости идеального ее устройства лежит в основе всех его произведений. В одном из интервью писатель сказал: «Когда я, став взрослым, понял, что ощущать горестность бытия предстоит всю оставшуюся жизнь, я решил посвятить свои усилия слабым. Слабые — дети и старики. Они равны своим бессилием. Но это слишком тяжкая беда и непосильная ноша. Я выбрал детей. Мне ближе их непонимание зла. Их беззащитность».

Защита внерационального, органичного только для детства непонимания зла, безотчетной веры детей в добро и красоту мира, в котором

им предстоит жить, — есть философская и мировоззренческая подоплека его творчества. По сути, он заставляет взрослых читателей его книг вспомнить, что дети — реальный прообраз того, какими нас всех задумал Бог, что их бессилие перед злом и злым человеком требуют от взрослых постоянных усилий по сохранению детской чистоты, простоты, любви к миру, данной ребенку от рождения. Поэтому произведения А. Лиханова вне возрастных координат, они всегда «многоадресны», в равной степени обращены и к ребенку, и к взрослому.

Не случайно взрослый роман «Паводок» был напечатан в журнале «Юность» (1972), вызвав целую волну отзывов подростков на не детскую ситуацию, описанную в романе. Старшеклассников, по наблюдениям критика, анализировавшего их сочинения о романе, больше всего волновали вопросы нравственности, поставленные писателем.

Читая эти давние уже отзывы школьников 70-х годов XX века, удивляешься глубине их замечаний и точному пониманию сложной ситуации, описанной в романе. Вызывает удивление и язык, и сам стиль высказываний, выдающий уже сформировавшуюся и искреннюю гражданскую позицию юного человека. Особо эмоциональную реакцию вызвал образ одного из главных героев романа Кирьянова — начальника геологической партии, по халатности которого погибли люди.

Вот несколько выдержек из сочинений:

«Можно сказать, — писала Лена Т., — что эта повесть о печальных поступках человека, не имеющего, не чувствующего доброты к людям. Чем выше стоит человек на служебной лестнице, тем большую ответственность, и моральную и юридическую, он должен нести, так как тем шире круг не только его прав, но и его обязанностей». «Безнаказанность породила в Кирьянове, сильном и умном человеке, подлеца», — резюмирует свои выводы Ирина Б. Александр Б. задается вопросами: *«Почему Кирьянов не поинтересовался, как оснащена партия? Почему не придал значения радиограммам? Почему он передоверил все другим? Разве он не знал, что Храбриков — жулик, а Цветкова — слабая и бездарная?»* И отвечает: *«Потому что он презирал людей! Он был равнодушен, а это, может быть, самое тяжкое, хотя и неподсудное преступление».*

Давно написанный и не переиздававшийся роман с названием, отражающим суть происходящего сейчас в нашем обществе, актуален в наши дни, как никогда. Кирьяновы и Храбриковы вновь у руля жизни, жертв их равнодушия не счесть. Они описаны в повестях писателя 2000-х годов. Еще одна трагедия, высвеченная приведенными выше выдержками из сочинений советских школьников, заключается в том, что наше общество перестало

целенаправленно воспитывать у детей активную гражданскую позицию. Эта мысль — одна из главных и Лиханова-публициста и Лиханова-писателя.

У Альберта Анатольевича есть повесть о военном детстве с запоминающимся названием — «Последние холода». Посвящение к ней написано высоким слогом, передающим сокровенные чувства писателя, вложенные в замысел книги: *«Посвящаю детям минувшей войны, их лишениям и вовсе не детским страданиям. Посвящаю нынешним взрослым, кто не разучился поверять свою жизнь истинами военного детства. Да светят всегда и не истают в нашей памяти те высокие правила и неумирающие примеры — ведь взрослые всего лишь бывшие дети»*.

К сожалению, время «Последних холодов» не прошло с окончанием войны, оно вернулось к нам в перестройку и длится до сих пор. Наивными и старомодными стали такие понятия как совесть, традиции, честь, патриотизм — все то, что нашей постмодернистской эпохой вытеснено на периферию жизни. Из нашей рациональной реальности вытесняется область высокого чувства — сострадания и милосердия, доброго участия в жизни другого человека.

Именно об этом болит душа писателя: достаточно прочесть интервью Альберта Анатольевича последних лет, заголовками к которым служат его высказывания: «Эра потерянного милосердия», «Сердеч-

ные ресурсы», «Сердце мудрых — в доме печали», «Сопrotивление злу», «Ребенок имеет право на немедленное счастье», «Жить — детству служить», «Доброе сердце дороже денег». Это не просто декларации и красивые слова — А. Лиханов принял вызовы времени, часто кажущиеся безысходными в своей неразрешимости. Если в советскую эпоху его книги занимались преимущественно нравственным возрастом маленького человека, то теперь к этой задаче прибавилась идея спасения и сбережения детей — через авторское слово и через дело.

Служение детству требует многообразных знаний, стойкости воина и мудрости политика. Педагог и социолог, автор книги «Драматические ситуации» (1983), за которую он был удостоен Международной премии им. Януша Корчака (1987), Альберт Анатольевич невероятно много сделал для конкретной помощи конкретным, а не виртуальным детям. Список того, что организовано, воплощено в жизнь, изменило жизнь больных детей, инвалидов, сирот, детей, подвергшихся насилию, огромен. Писателя, руководителя Российского детского фонда и многих других проектов, связанных с защитой детства, называют «жестким гуманистом»: он не только вникает в тяжелейшие проблемы детей, попавших в трудные и невыносимые условия, но и исправляет кризисные ситуации. Он знает, к примеру, что

«прием сироты в семью сейчас воспринимается как способ заработать», что «лучшее проявление демократии — реальная помощь тому, кому плохо», что надо «помогать помалу, но конкретно», что «органам опеки пора перестать быть церберами», и так далее, и так далее...

Альберт Анатольевич, главный адвокат детства в нашей стране, первым брался за многие тяжелые, чудовищные в своей некрасивости темы — такие, как сексуальное насилие над детьми (повести «Сломанная кукла» и «Девочка, которой все равно»), описал Дантовы круги ада, которые дети проходят в детских домах (повести «Мальчик, которому не больно», «Никто»), детский суицид (повесть «Высшая мера», статья «Они эмигрируют в небеса»).

Эти темы освоены в европейской литературе, которая лет за тридцать до отечественной перестала быть хранительницей аксиологической вертикали, стала терять свой классический консерватизм, отменять традиционные для детского сознания табу. Пресловутая наша отсталость от Запада обернулась спасением: до сих пор, несмотря на настигший и отечественную литературу ценностный хаос в аспектах, связанных с детством, наши детские писатели сохраняют систему этических координат, сверяют повествование для детей и о детях с нравственным законом. Сохранение этой традиции всегда входило в целевые установки А. Лиханова. Отражая се-

годняшнюю реальность, часто враждебную морали и всему духовному, он в общеевропейском русле показывает своему читателю мир как каталог экстремальных ситуаций, но в отличие от западных авторов, которые лишь знакомят с ними ребенка, не давая им никакой авторской характеристики, всегда выносит твердую нравственную оценку изображенному в книгах, оценку, которой так не хватает сегодняшним детям с их жадой ясных и определенных представлений о нормах морали как системы универсальных кодов в понимании мира.

На первый взгляд кажется, что два периода творчества писателя — советский и постсоветский — не похожи друг на друга, как не похоже советское прошлое на российское настоящее. Однако их объединяет главное — принцип «действенного добра», неизменно вот уже шестьдесят лет находящий воплощение в книгах и в жизни Альберта Анатольевича. Две разных жизни — положительная советская и энтропийная сегодняшняя — полны детских слез, обид, горя, катастроф, и в этом они равны. В своих произведениях писатель не мифологизирует прошлое как идеальный мир, противопоставленный настоящему: слишком много изъянов было увидено и отображено и в той, и в другой эпохе. Но апокалиптические, закатные черты настоящего заставляют его окликать прошлое, в котором люди еще доверяли друг другу, в котором по-

нения дружбы и любви были священные.

Последний из написанных роман «Оглянись на повороте» (2016) — воспоминание о своей молодости, пришедшейся на 50-е годы XX века. Он пронизан ностальгией не столько по ушедшей молодости, сколько по утраченной мировоз-

зренческой цельности, по тому типу личности, которая осознавала себя частью целого — коллектива, общества, страны. Думается, однако, что этот роман-завещание не был бы написан, если бы писатель не жил надеждой на позитивную историческую перспективу развития России. □

Коллектив «Смены»
вместе со своими читателями
от всей души поздравляет

Альберта Анатольевича Лиханова

с юбилеем и желает ему здоровья,
творческих успехов,
а главное — еще на долгие годы сохранить в душе
любовь и сопереживание детям,
своими делами и книгами
помогая им находить ответы на, казалось бы,
неразрешимые вопросы и правильно
ориентироваться в нашем сложном
современном мире

Дмитрий Зелов

Битва за Ухань

Еще задолго до того, как китайский Ухань «прославился» на весь мир из-за эпидемии коронавируса, в небе над этим городом произошло ожесточенное сражение между эскадрильями советских и японских летчиков. А случился сей жаркий и кровопролитный бой в далеком 1938 году, в канун изменившей весь ход мировой истории Второй мировой войны.

Японо-китайская война (7 июля 1939 — 9 сентября 1945 гг.)

Вспыхнувшая еще до начала Второй мировой войны и завершивша-

яся после ее окончания война между Китайской республикой и Японской империей отличалась особой ожесточенностью со стороны потомков самураев из Страны восхо-

дящего солнца. Точное количество жертв японской агрессии со стороны Поднебесной до сих пор не известно, но счет идет на миллионы. Прямые потери только в боевых действиях китайской армии составили свыше 3,2 миллиона бойцов. Всего же китайская армия, включая число умерших от ран и не перенесших тяготы плена, не досчиталась 7,7 миллионов своих солдат и офицеров против 700 тысяч у японцев. А число потерь мирного гражданского населения Китайской республики в результате вторжения Японии за годы войны достигло жуткой цифры — 17,5 миллионов. Мир до сих пор содрогается от учиненной японскими милитаристами в китайском Нанкине в конце 1937 — начале 1938 годов страшной резни, жертвами которой стали до полумиллиона мирного гражданского населения.

Бой с тенью

Кульминация сражения за небо Ухана произошла 29 апреля, в день рождения императора Хирохито. Тогда на город обрушились 18 японских бомбардировщиков под прикрытием 27 истребителей. Для отражения нападения защитники города задействовали все имевшиеся у них в наличии 64 истребителя И-15 и И-16, причем пилотируемые не только советскими, но и китайскими летчиками. Тот получасовой бой стал самым крупным и ожесточенным сражением за все годы Японо-китайской

войны. В результате своего налета японцы не досчитались 11 истребителей и 10 бомбардировщиков; потери защитников уханьского неба составили 12 истребителей.

Боевые действия Страны восходящего солнца против Поднебесной империи начались за год до описываемых событий и продолжались вплоть до разгрома Японии в 1945 году. В самом начале войны Островная империя попыталась с наскока захватить Китай и даже развила вначале значительный успех в этом направлении, захватив столичный Пекин и крупнейший город страны Шанхай. Тогда вождь Поднебесной, судьба которой стала висеть буквально на волоске, Чан Кайши вновь вспомнил о своем северном соседе и обратился за помощью к Москве. Ради сохранения своей страны от вражеской оккупации китайский лидер даже развернулся на 180 градусов к своим местным коммунистам, легализовав компартию Китая, и свернул боевые действия против Красной армии. В Кремле такой порыв оценили, и в августе 1937 года Советский Союз и гоминьдановский Китай заключили пакт о ненападении. И уже в следующем месяце в Поднебесную прибыли первые партии советской техники и группы военных специалистов.

Благодаря внушительной советской военной помощи и уникальным специалистам японский план по полному подчинению себе ресурсов Китая потерпел фиаско. Продвижение потомков самураев в глубь страны

застопорилось и стало серьезно буксовать. В содействии Китаю со стороны Страны Советов была существенная особенность: дабы не злить тихоокеанского тигра, советская помощь оказывалась Поднебесной неофициально. И хотя для всех это был своеобразный секрет Полишинеля, но в виду крайне сложной международной обстановки мировая общественность предпочитала не вмешиваться в локальный военный конфликт.

в Нанкин японцы учинили в городе жуткую резню, жертвами которой стали до 300 тысяч пленных и мирных жителей. Отметим, что именно в Ухань эвакуировалось из Нанкина правительство Чан Кайши: японцы рассчитывали, что захват ими Уханя приведет к падению власти гоминьдановцев в Китае и окончательной капитуляции страны. Накануне же нового 1938 года советская авиагруппировка в Ухане пополнилась

Ухань — китайский Сталинград

Но как же советские летчики оказались в Ухане? В этот китайский город советские воздушные асы прибыли в конце 1937 года, и во многом вынужденно, по сути, вовремя эвакуировав свои авиаподразделения из Нанкина. Незадолго до этих событий вошедшие в середине декабря

свежими силами, общее командование которой было возложено на Алексея Благовещенского.

В Китае он воевал на самолете И-16, прославившемся еще во время Гражданской войны в Испании и получившем от наших воздушных асов ласковое прозвище «ишачок», тогда как фашисты окрестили его далеко не благозвучным именем «крыса». Боевой счет Благовещенского в не-

бе над Уханем — 7 личных побед и 16 в группе — превосходит даже показатели лучших советских летчиков-добровольцев, сражавшихся несколькими годами ранее за республиканскую Испанию. Впрочем, лучшими из лучших в воздушной битве за Ухань, прозванный впоследствии за интенсивность и ожесточенность боев китайским Сталинградом, оказались результаты, продемонстрированные бомбардиров-

анхэ. А к 20-летию создания Красной армии (23 февраля 1938 г.) 28 скоростных фронтовых бомбардировщиков СБ под началом Фынь По решили атаковать крупную японскую авиабазу Мацуюма. Правда, находилась она от Уханя на значительном расстоянии — на острове Формоза.

Тайвань, или на европейский манер Формоза, был захвачен японцами еще в конце XIX века, в 1895 году. На этой авиабазе (расстояние от

щиками под командованием Федора Польшина.

Фынь По — китайский сокол товарища Сталина

В середине февраля 1938 года авиагруппы Федора Польшина, получившего в Китае прозвище Фынь По, бомбили железную дорогу Тяньцзин — Пуксу и переправы через Ху-

острова только до материковой части Китая составляет более 150 км) японцы чувствовали себя на редкость вольготно. Однако Фынь По не смутил ни длительный 8-ми часовой перелет, ни отсутствие кислородных масок при предельной высоте в 5–5,5 тысяч метров.

При подлете к Мацуюме советские летчики выполнили маневр для дезориентации противника, который,

впрочем, оказался излишним: не ожидавшие никакого налета противника японцы вели на своей базе обычные ремонтные работы. На врага с неба Фын По с товарищами обрушили 280 бомб, уничтожив на месте до 40 самолетов японцев. Потерь у нападавших при этом не было. Внезапный разгром японской авиабазы Мацуюма стоил должности губерна-

Ослепительная красавица Сун Мэйлин поднимала тосты за здоровье советских товарищей. Кстати, эта удивительная женщина, младшая из трех «сестер Сун», подобно двум своим старшим сестрам, была женой крупного политического деятеля и сыграла исключительную роль в истории Китая в XX столетии. Она прожила... 106 лет и ушла в мир

тору Тайваня, а комендант аэродрома совершил сэппуку (ритуальное самоубийство, не путать с более известным и распространенным в Японии харакири).

В честь такого ошеломительного успеха руководство Гоминьдана устроило роскошный банкет. На нем товарищ Фын По (Федор Полынин) сидел рядом с женой Чан Кайши, курировавшей военную авиацию.

иной уже в начале нынешнего столетия, в 2003 году.

Удивительно, но та история имела неожиданное продолжение. В то же время в Ухане базировался отряд американских летчиков-добровольцев под началом Винсента Шмидта. И, в отличие от советских воздушных асов, янки из своего пребывания в Китае никакой тайны не делали. Склонный к саморекламе, после

очередного банкета Винсент Шмидт стал давать направо и налево интервью о том, что Тайвань на самом-то деле бомбила его авиагруппа. И пока действовавшие в том бою неофициально советские, а заодно с ними и китайские товарищи были вынуждены молча взирать на разглаговольствования не в меру разошедшегося американца, тот распался все

расположенный на расстоянии примерно в тысячу километров от Уханя. Но поскольку все возраставшая активность группы товарища Фынь По в китайском небе стала привлекать все больше внимания, Федор Польшин вскоре был отозван в СССР. В Москве, в обстановке строжайшей секретности (в полном соответствии с духом и традициями той эпохи) 14 ноября

больше и больше. Похоже, вскоре уже он и сам начал верить в эту историю. Впрочем, как ни странно, справедливость внесли японцы, заявив, что разгром их авиабазы Мацзяма — дело рук советских бомбардировщиков, а американцы к сему факту совсем не причастны.

В конце марта 1938 года группа Польшина разбомбила стратегический железнодорожный мост через Хуанхэ,

1938 года лучшим советским летчиком — полковнику Федору Петровичу Польшину и Алексею Сергеевичу Благовещенскому — было присвоено звание Героя Советского Союза.

Китайский опыт героев Великой Отечественной

После знаменитого боя 29 апреля 1938 года японцы более месяца не

рисковали даже приближаться к Уханю. Но затем боевые действия вновь активизировались, и в конце октября советско-китайским силам (несмотря на то, что Чан Кайши задействовал против японцев свыше 1 миллиона бойцов) все же пришлось оставить город. Однако японцы просчитались: Чан Кайши не сдался и продолжил сопротивление агрессору.

Свои жизни в боях за Ухань отдали свыше 100 советских пилотов. Однако общий итог противостояния был

таково стало ключевым для нашей страны в критические дни конца осени-начала зимы 1941 года, когда оперативно переброшенные с Дальнего Востока и Сибири свежие дивизии буквально с колес вступили в бой против фашистов в битве за Москву.

Китайский опыт советских летчиков из Уханя оказался бесценным в ходе дальнейших воздушных сражений Страны Советов с различными врагами. Кстати, основные жизненные вехи лучших из них — Федора

таков, что Япония в обозримой перспективе уже и не помышляла о скором разгроме Китая, увязнув в Поднебесной всерьез и надолго. А вскоре после того, как рискнувшие вступить в прямое противостояние с СССР потомки самураев дважды, у озера Хасан и на реке Халкин-Гол, потерпели от Красной армии полный разгром, Страна восходящего солнца отказалась от планов полномасштабной войны с Советским Союзом в грядущей мировой войне. Именно это обстоя-

тельство стало ключевым для нашей страны в критические дни конца осени-начала зимы 1941 года, когда оперативно переброшенные с Дальнего Востока и Сибири свежие дивизии буквально с колес вступили в бой против фашистов в битве за Москву.

Так, ас Федор Полынин в ходе начавшейся всего лишь через год после его возвращения на родину советско-финской войны стал командующим ВВС 13-й армии, а потом руководил общим авиационным обеспечением Красной армии в войне с армией страны Суоми. По окончании Зимней войны Полынину было присвоено звание генерал-майора авиации (1940 г.).

Вместе с Польшинным такого же звания был удостоен и воевавший с Финляндией командир 60-й истребительной авиационной бригады Алексей Благовещенский, ставший в начале 1941 года заместителем командующего ВВС Дальневосточного фронта.

На фронтах Великой Отечественной Федор Польшин находился буквально с первых дней войны, участвовал во многих стратегических операциях на тяжелейшем Западном направлении. Дослужившийся в 1943 году до генерал-лейтенанта авиации, он уже в следующем году возглавил ВВС фактически заново созданного Войска Польского. На этой должности Федор Польшин оставался вплоть до 1949 года. На различных командных должностях в авиации бывший уханьский ас оставался вплоть до 1971 года, активно делаясь своим бесценным опытом и знаниями с молодой сменой.

Подобно своему боевому товарищу из Уханя, Алексей Благовещенский также прошел многие воздушные сражения и битвы Великой Отечественной войны, совершив 48 боевых вылетов для оценки воздушной обстановки, участвовал в трех воздушных боях. В мирные послевоенные годы, вплоть до начала 60-х годов прошлого столетия, Благовещенский продолжил летную стезю, лично испытывая новейшие на тот момент образцы военной техники. В 1945–1947 годах он был начальником Высшей офицерской школы воздушно-боя (дислоцировалась в Люберцах), а затем, в 1949–1952 годах —

начальником Управления испытаний самолетов Государственного Краснознаменного НИИ ВВС. Вышедший в 1960 году в отставку генерал-полковник авиации Алексей Благовещенский еще четверть века продолжал активно трудиться на благо Отечества в различных летных проектно-конструкторских бюро.

Федор Польшин

... Что еще можно добавить о городе, который сегодня знают все жители нашей планеты? Только одно: в канун Второй мировой и Великой Отечественной войн китайский Ухань оказался тем самым крепким орешком, о который обломали зубы грезившие о полной экспансии в азиатско-тихоокеанском регионе японские милитаристы. □

Ясным утром сентября...

**Сентябрь — первый месяц осени.
В древнерусском календаре он зачастую именовался
хмурень или зоревник. А еще — вересень,
ибо наступало время цветения вереска.**

В самом начале сентября, 2-го числа, наши далекие предки отмечали день памяти вещего князя Олега (879–912). Да-да, того самого, что прибил свой щит к воротам Царьграда и умер, как и предсказали ему кудесники волхвы, «от своего коня», будучи укушенным выползшей из его черепа змеей. Эта стародавняя история красочно и поэтично описана в одноименной песне у Александра Сергеевича Пушкина.

За год до своей трагической и нелепой гибели князь Олег совершил невероятно удачный поход на Византию и ее столицу Константинополь (Царьград в русской традиции). Итогом похода древних руссов стал

колоссальный выкуп, который были вынуждены заплатить ромеи, и торговый договор, согласно которому русские купцы могли беспрепятственно торговать на бескрайних просторах Восточной Римской империи без обязательной на тот момент для всех иностранных негодников пошлины. Добавим, что главной заслугой правления князя Олега стало объединение разрозненных и порой враждующих друг с другом восточнославянских племен в единое и могучее государство, которому историки позже дали название Древняя Русь. Вспоминая вещего Олега, наши далекие предки собирались на ка-

Всеволод Иванов

пищах и творили тризну, отдавая дань памяти не только князю, но погибшим вдали от родного дома дружинникам. Жрецы общины проводили поминальные обряды и просили богов о милости к членам рода, после чего все жители деревни или села отправлялись на поминальный обед. Во время трапезы на столе в обязательном порядке присутствовали блюда из мяса, горячий хлеб и горящая свеча, ибо души умерших приходят на свет и тепло, в то время как мир мертвых, мир Нави, — мрачный и холодный. Поздним вечером старейшина рода возжигал поминальный костер, вокруг которого

собиралась преимущественно молодежь — им наиболее почитаемые и уважаемые члены общины повествовали о жизни и подвигах князя Олега и его дружины. Так на Руси из поколения в поколение, из рода в род творилась устная история.

На исходе первой осенней декады, 8–9 сентября, славяне отмечали праздник Рода и Рожаницы. К этому времени, как правило, уже завершился сбор урожая, заканчивались все обязательные и наиболее трудоемкие сельские и земледельческие работы на полях, которые обеспечивали сытую и привольную жизнь для древнеславянских общин в течение

Всеволод Иванов

долгого зимнего периода. И если Род был символом единства семьи, нерушимости и святости ее уз, то Рожаницы держали в своих руках нити людских судеб. Именно они отвечали за судьбу новорожденного ребенка, ведя его на дорогах Жизни по линиям предначертанной ему Судьбы. Отметим, что праздник Рода и Рожаницы был в значительной мере женским, ибо женщины были ответственны, в прямом и переносном смысле, за тепло домашнего очага и продолжение рода.

14 сентября славяне отмечали День Огненного Волха. Согласно мифологии, то был воинствующий бог, охраняющий священный Ирийский сад (славянский аналог Рая) и супруг богини весны, любви и добра Лели. Первоначально Огненный Волх счи-

тался одним из самых сильных богов пантеона темных сил, стремившихся захватить власть не только в небесном царстве, но и во всей Вселенной. Но встреча в Ирийском саду с Лелей и ее любовь к нему преобразила грозное и коварное божество: он забыл о своих злокозненных планах и темных стремлениях, став небесным стражем райского сада. В этот день древние русичи ранним утром приходили общиной на капище, где возносили богам свои дары: цветы, мед и свежеевыпеченный хлеб. Наши предки верили, что эти подношения смогут задобрить богов, и они будут охранять их семьи от различных невзгод, бед и напастей.

Другим не менее значимым праздником этого же дня было Закрытие Сварги или Ирий. Ирий — это небесный аналог Рая с его вратами. Само же Небесное Царство богов или Сварга, согласно представлениям ве-

дической культуры, находилось далеко за облаками или же на берегу синего моря, где всегда спокойно, безмятежно и тепло. По древним преданиям, именно в Ириэ находятся души умерших людей, но лишь тех, кто своей праведной жизнью заслужил место в этом райском месте. Сюда же прилетают птицы, чтоб переждать зимние холода. При помощи птиц можно было пообщаться с перешедшими в мир иной близкими людьми.

Считалось, что 14 сентября небесные врата Сварги закрывались, и богиня Жива, олицетворяющая молодость, цветение и плодородие почвы и всего самого лучшего на планете, покидала Землю, отправляясь в небесный Ирий до следующей весны. Празднуя закрытие Сварги, славяне ближе к вечеру закатывали грандиозные пиры, сопровождавшиеся песнями и плясками, хороводами, продолжавшимися всю ночь напролет. Неизменно сопровождавшие праздник гигантские костры освещали и освящали ритуальное действие его участников. Согласно представлениям того времени, члены общины полагали, что такое разудалое застолье и веселье поможет богине успешно добраться до Небесного Царства, где она переждет зиму и вернется вновь на землю к людям в день открытия Сварги (25 марта).

Под конец первого месяца осени, 27 сентября, славяне отмечали Радогощь (Световит) или день осеннего равноденствия. Это был один из четырех основных славянских праздников (наряду с Колядой, Мас-

леницей и Купалой). Считалось, что с этого времени Светлые боги покидали мир Яви до будущей весны, передавая бразды правления богу Морозу. В этот день все жители общины собирались на капищах и вместе с жрецами устраивали прощание со Светлыми богами. При этом сжигали чучело соломенной птицы, что символизировало отлет с земли богов в свои небесные чертоги. Вечером все члены рода проходили очистительный обряд, прыгая через костер, а волхвы в это время ходили по раскаленным углям, молясь о грядущей зиме, о благополучии жителей общины. В домах в этот день зажигался новый огонь, дабы очистить свое жилище от негативного воздействия темных сил. Существовало поверье, что рябина защищает дом от темных сил, поэтому в праздник Радогощь ветка этого дерева с красными терпкими ягодами вешалась на оконные рамы для охраны на всю зиму. Осеннее равноденствие для наших далеких предков было временем вознесения благодарностей Родным Богам за урожай и достаток, а также и воздаяния почестей сродникам, перешедшим в мир иной.

Мир славянских праздников огромен и безграничен. Пока мы очень кратко рассказали лишь о самых основных из них, относящихся к первому осеннему месяцу. А в следующих номерах вас ждет рассказ о том, какие необычные, загадочные и удивительные праздники древние славяне отмечали в середине и в конце осени. □

ГЛАВА 20

Сморкаясь и сплевывая злуду, я выплыл на поверхность, посмотрел на небо, будто надеялся еще увидеть парящий там дельтаплан, и, ударив кулаком по воде, закричал:

— Вот это полетали! Мягкая посадочка!

Волны качали меня в ста метрах от берега, который выглядел пустынным и необитаемым, а рядом со мной медленно дрейфовало оранжевое крыло с торчащими вверх дюралевыми кронштейнами. Мотор, пропеллер и люльку с сиденьями оторвало при ударе о воду, и несчастный летательный аппарат, превратившись в доску для виндсерфинга, плыл за мной, как обласканная бродячая собака.

Я ухватился руками за каркасную трубку, подтянулся, выполз на поверхность крыла и, сидя на нем, как на спасательном плоту, осмотрел берег. Слева громоздилась серая туша горы Алчак, справа узкой ящерицей вонзался в море мыс Меганом. Берег представлял собой каменный завал с небольшими песчаными бухтами. Прямо напротив меня по обрыву проходила глубокая промоина с пологим спуском, и по ней, поднимая белую известковую пыль, медленно скатывался «лексус».

Интересно, кто кого преследует, подумал я, сиганул с крыла вниз головой и поплыл к берегу. В намокших кроссовках и джинсах это было не легко, и я изрядно вымотался, пока подплыл к черным скользким камням, которые угрюмыми монументами нависали над водой. Выбравшись на берег, стащил с себя мокрую одежду, выжал ее и, чтобы она быстрее просохла, майку накинул на плечи, а джинсы повязал на манер набедренной повязки.

Окончание. Начало в №8, 2020.

Начиналось самое интересное. «Лексус», спускаясь по промоине к морю, остановился где-то недалеко от меня, за полосой циклопического каменного мусора. Я протиснулся сквозь узкую щель в сумрачный грот, лег в каменной нише у небольшого отверстия и, осторожно приподняв голову, выглянул наружу.

Внизу, на песке маленькой бухты, сидели люди — трое мужчин в шортах, кепках, темных очках и девушка, завернутая в простыню. Рядом с ними покачивался на легком ветру тент, под которым лежали сумки, чемоданы, профессиональная видеокамера, две портативные камеры, тренога, футляр для подводной съемки. В кругу, как лев в клетке, ходил взад-вперед Черновский. Позже я заметил Ингу, стоявшую в тени камня.

— А как вы пробовали? — нервно говорил Черновский.

— По-всякому, — отвечал ему крепкий мужчина с тонкой бородкой, сидящий верхом на баллонах акваланга. Он смотрел себе под ноги, пересыпая песок с ладони на ладонь.

— И что?

— Трудно.

— Конечно, трудно! — вспыхнул Черновский. — Деньги всегда трудно зарабатывать. Особенно большие деньги! — Он вскинул руку, посмотрел на часы. — Все! Все разговоры оставляем на потом! В шесть у меня самолет в Москву. Еще два часа у нас есть. Фильм должен быть доснят!

— А как-нибудь без акваланга можно? — спросила девушка в простыне. Голос у нее был низкий и хриплый.

— Никак не можно! — отрезал Черновский. — Если заказали в аквалангах, будем снимать в аквалангах!

— Когда они начинают работать, — спокойно объяснил мужчина с бородкой, — их сразу разворачивает вниз головой. А пузыри вообще закрывают весь кадр. Ничего не видно, и создается впечатление, что они просто топят друг друга!

— А сзади пробовали?

— И сзади пробовали, — устало сказал бородатый. — Так еще хуже. Он вообще не достает. Упирается грудью в ее акваланг, ногами молотит, песок со дна поднимает.

— Ну не мне же показывать, как это делается! Смешно об этом говорить! Найдите место поглубже, чтобы не поднимать со дна песок! — раздраженно ответил Черновский. — Все! Не желаю слушать этот лепет! Будем снимать. Как получится, так получится! Если акваланги мешают, то пусть снимут их и положат на дно! Загубники в рот — и работать! Парни настроились?

— Настроились! — промычал кто-то из-за камня.

Черновский обернулся и взглянул на Ингу.

— Готовься. Времени в обрез!

Девушка с низким голосом встала, сбросила с себя простыню, оказавшись в чем мать родила. Рослый парень в плавках для бодибилдинга выволок на середину круга два акваланга. Мужчина с бородкой взвалил на плечо видеокамеру. Его помощник протянул телескопический шест с микрофоном.

Инга, сняв туфли, бродила вокруг аквалангов, глядя, как ее ноги зарываются по щиколотку в песок.

— Что за настроение, Инга? — спросил Черновский.

Она не ответила. Продюсер повернулся к рослому парню.

— Кто будет под водой, решили?

— Вован, — ответил парень и кивком показал куда-то в сторону моря.

— Значит, ты работаешь с ней! — кивнул на Ингу Черновский.

Бородатый, глядя в окуляр камеры, передвигался с места на место, выбирая лучшую позицию, и, наконец, громко скомандовал:

— Все по своим местам! Проверим звук. Инга, скажи что-нибудь!

Помощник оператора опустил шест, и микрофон повис над головой Инги.

— Ку-ка-ре-ку! — крикнула она.

— Нормально! На счет «три» работаем!.. Раз! Два! Три!

«Бодибилдинг» вышел из воды и, приглаживая волосы, подошел к девушкам.

— Отличная водичка! Ты не хочешь искупаться? — обратился он к Инге.

— Нет, — ответила она.

Парень склонился, притянул ее к себе со словами:

— Сегодня ужасная жара! Тебе, наверное, жарко? Давай я помогу тебе раздеться! — и, коснувшись мокрыми ладонями ног Инги, стал медленно задирает край ее платья. — О, какая прелесть!..

Кажется, дальше пошло не по сценарию. Инга вдруг с силой оттолкнула его, круто повернулась и широкими шагами, раскидывая во все стороны песок, пошла в тень скалы.

— Стоп! — закричал Черновский и, догнав ее, схватил за руку: — Я не понял, что это значит?! Что за фокусы?

Она вырвалась из его цепкой хватки и процедила:

— Отстань от меня! Мне все это надоело, понимаешь?! Я не хочу больше сниматься в этом поганом фильме! Меня уже тошнит от него!

— А большие деньги получать тебя не тошнит?! — яростно закричал Черновский. — Прекрати истерику! Девочку из себя корчит! Тошнит ее! А ты думала, что все в жизни бесплатно достается?

— Я актриса, понимаешь! — со слезами в голосе выкрикнула Инга. — Я трачу свой талант на порно! Я закапываю в этот песок свое будущее! Все! Кончено! Ищи проститутку на мою роль!

— Да, ты актриса, — спокойно произнес Черновский. — Но насчет песка и будущего... Ты что-нибудь другое умеешь делать? Разве ты умеешь зарабатывать деньги другим способом? Ты хоть копейку...

Инга неожиданно подбежала к нему и с коротким взмахом вlepила пощечину. Белая шляпа свалилась с головы продюсера, и мне показалось, что он сейчас ударит Ингу, но Черновский наклонился, поднял шляпу, водрузил ее на голову и, как ни в чем не бывало, объявил:

— Так! Начинаем все сначала! Только подводные съемки! Ты, — показал он пальцем на расстроенного «бодибилдинга», — Вован и Роза! Все под воду! Сколько у нас заправленных аквалангов?

— Как раз четыре, — ответил бородатый.

Я привстал, стараясь не упустить Ингу. Она быстро удалялась, поднимаясь по сыпучему склону вверх. Ее красное платье горело на склоне запрещающим сигналом светофора.

ГЛАВА 21

На обрыв я взбирался бегом, хватаясь руками за корни сосен. Ингу обогнал на середине подъема, сел верхом на валун, торчащий из земли, как коготь дьявола, и стал смотреть, как она медленно бредет наверх. Она не видела меня до тех пор, пока я не кинул ей в голову шишку.

Девушку настолько измотали крутой подъем, жара и порочный продюсер, что она лишь негромко ойкнула, села в песок и, швырнув в меня туфелькой, безразличным тоном произнесла:

— Все-таки выследил? Ты на машине?

— Нет, на дельтаплане, — ответил я. — Правда, он неудачно сел на воду и затонул... А ты, оказывается, бунтовщица!

— А ты шпион. Ну, как? Все видел? Все понял?

— Нет, — ответил я, — не все.

— Забудь об этом! Ничего подобного больше никогда не будет. Давай лучше помолчим.

Но молчать я не собирался и задумчиво проговорил:

— Значит, Черновский таким способом зарабатывает деньги, чтобы закончить съемку «Часа волка»?

— Да.

— И есть покупатели этих подводных съемок?

— Это не покупатели, — угрюмо ответила Инга. Ей было неприятно говорить на эту тему. — Это один покупатель. Фильм эксклюзивный, в одном экземпляре и снят по сценарию заказчика.

— То есть какой-то эротоман предлагает Черновскому свой сценарий...

— Сценарий — это громко сказано. У богатых свои причуды, они по-разному с ума сходят.

— И много за подобные фильмы платят?

— Много, — кивнула Инга. — Черновский говорит, что достаточно снять пять-шесть фильмов, по полчаса каждый, и «Час волка» можно будет закончить, растиражировать, пустить в прокат, и еще на рекламу останется.

— Что ж ты бросила Черновского в такое трудное время? — спросил я. — Ты должна быть больше всех заинтересована, чтобы «Час волка» досняли.

Инга мельком взглянула на меня, потупила взгляд и низким, грудным голосом ответила:

— Не все, Кирилл, продается. Даже «Час волка» не стоит того, чтобы продавать остатки своей души и совести... В конце концов Черновский обойдется без меня. За такие деньги, которые он обещает, желающих сняться будет больше, чем надо. Очередь выстроится!

Вдруг неподалеку от нас, за зеленой стеной леса, раздались отрывистые выкрики, глухие звуки ударов и молящий крик:

— Да я клянусь вам, ребята!.. Он в море упал! Вон крыло видно! Может, он ранен, ему помочь надо...

И снова глухой удар. Затем сдавленный кашель и снова мольба:

— Что ж вы... Я же вам ничего не сделал...

— Это Ник! — крикнул я, хватая Ингу за руку.

— Какой Ник?

— Мой пилот!

Я огромными прыжками взбирался по сыпучему склону к густым зарослям терновника и сосен. Инга едва поспевала за мной.

— Там наши охранники! — кричала она мне. — Не лезь к ним, я сама с ними поговорю!.. Ты слышишь? Они тебя убьют!

С треском ломая кусты, я выскочил на круглую полянку, посреди которой красовался старый, как мамонт, вишневый «мерседес». Рядом с ним, стоя на коленях, молился сухой траве Ник. С разбитыми кровоточащими губами, в рваных трусах, подпоясанных каким-то шнурком, с потухшим взглядом, он напоминал раба, приговоренного римлянами к распятию. Рядом с ним стояли двое коренастых мужланов в черных майках и солнцезащитных очках, причем один из них поставил ногу в пыльном ботинке Нику на голову.

Увидев меня, охранники переглянулись, и один из них произнес:

— А это еще кто такой?

— Привет! — сказал мне Ник и вытянул разбитые губы, изображая улыбку. — Хорошо, что ты цел.

— Не радуйся, это не надолго, — блеснул остроумием мужлан и, почесывая вздувшийся бицепс, двинулся ко мне.

Я сразу понял, что о чем-либо говорить с этими вышибалами бесполезно, ни для чего иного, кроме драки, они не были предназначены. Когда он подошел, я уже не воспринимал его как человека, а видел перед собой боксерскую «грушу», обтянутую тугой коричневой кожей, хорошо знакомую мне «грушу», которой так много раз доставалось от меня.

В первый удар я вложил всю мощь, на какую был способен, только по той причине, что второго уже могло не быть. Громила, отдаю ему должное, каким-то чудом успел увернуться от прямого попадания в подбородок, и кулак пошел выше, проутюжив его нос и правую бровь. «Груша» сразу опустилась на полметра ниже, и я достал ее левой — апперкотом — и сразу же отскочил в сторону, так как знал, что после двух первых ударов такие вышибалы с чемоданами вместо лиц приходят в бешенство.

Ему удалось обмануть меня: как только я ушел в сторону, то сразу напал на его пудовый кулак. Удар был настолько сильным, что я отчетливо услышал хруст; мне показалось, что в моей голове сработала фотовспышка; земля ушла из-под ног, и, хватаясь руками за воздух, ломая спиной кусты, я стал падать... И тут перед моими глазами мелькнуло красное пятно, изящная женская ножка в туфельке вонзилась моему обидчику в район ширинки. Раздался мучительный стон. Уже грохнувшись на землю, я увидел, как громила корчится от боли, а Инга красным пламенем несется через полянку к «мерседесу».

Я вскочил на ноги. Меня шатало, но было достаточно сил для того, чтобы сделать несколько прыжков и вцепиться в горло второму охраннику. Мы свалились в траву. Пронзительно завыл двигатель машины. Охранник, оскалив зубы, пытался укусить меня за руку.

— Голову убери! — крикнул мне Ник.

Сухая палка в руку толщиной ударила о лоб охранника и переломилась. Я оттолкнул его от себя и поднялся на ноги.

«Мерседес», откидывая в кусты комья глины, сорвался с места и, ударяясь с барабанным гулом днищем о кочки, прыгнул с поляны в заросли.

— Сюда! Сюда! — заорал Ник и, схватив меня за ремень, потащил к машине.

Я упал на заднее сиденье. «Мерседес» тотчас сорвался с места и, тараня кусты, помчался на лесную дорогу.

ГЛАВА 22

Да простит меня Гера за такое сравнение, но он так напоминал крома-
ньонца, увлеченного наскальной живописью, что мне захотелось пода-
рить ему каменный топор.

— Это ты? — спросил он, поворачиваясь ко мне. — Почему так поздно?
Потеть будешь? Я новый снаряд выписал. Когда соберу — укачаешься! На
все группы мышц.

— В кино сниматься хочешь? — спросил я.

— И в кино сниматься, и в космос слетать.

— Я серьезно.

— И я серьезно...

— У меня в гостинице поселился кинорежиссер, — начал я объяс-
нять. — Так вот, ему для небольшого эпизода понадобился мускулистый
парень. А кто у нас в городе более мускулистый, чем ты?

Гера не сдержался, и его губы растянулись в улыбке против его воли.

— Ладно тебе! — махнул он рукой, но моим предложением заинтересо-
вался: — Так что там ты про режиссера говорил?

Я не люблю повторять одно и то же по нескольку раз. Проблема в прин-
ципе была решена.

— В десять вечера я за тобой заеду, — сказал я, хлопнув Геру по плечу.

— А почему так поздно?

— Съёмки ночные, — бросил я и вышел из зала.

Сегодня стемнело рано — солнце, не успев закатиться за горизонт, спря-
талось за широкой черной полосой туч, надвигающихся с моря. Усиливался
теплый влажный ветер. Оживший парк издавал терпкий запах хвои. Я взгля-
нул на часы: до девяти оставалось всего несколько минут. Он, конечно, бу-
дет ждать меня и час, и два, и больше, но меня гнала к месту встречи не
столько пунктуальность, сколько желание узнать важные новости.

Доехав до конца набережной, я взлетел по крутому склону к отвесной
стене, заканчивающейся зубчатым силуэтом Консульского замка. Оста-
новившись у зарослей горного боярышника, заглушил мотор, вышел из
машины и, слившись с темнотой, пошел вдоль стены туда, где призрачны-
ми пятнами светились туристские палатки.

Мой бригадир Роман сидел на большом камне, обняв колени и глядя на
плывущие по черному полотну моря огни. Увидев меня, вскочил, протянул
руку и сказал:

— Давай отойдем подальше. Здесь нас могут увидеть.

Мы отошли подальше от палаток и присели на землю.

— Ну, давай рассказывай, что конкретно видел, — заговорил я.

— В общем, так! — посмотрел на меня Роман. — Отбрасываем все сомнения: это он.

— С чего ты сделал такой вывод?

— Его поведение! Стоит тебе уехать, как он начинает елозить, как уж на сковородке. Отсюда торцевые окна видны хорошо, так он мелькал и на втором этаже, и на третьем.

— С кем-нибудь встречался, разговаривал?

— Нет, этого не заметил, врать не буду.

— А где он ночует?

— В будке сторожа у котельной пансионата. И там я за ним следил — никто к нему не приходил, ни с кем он не разговаривал.

— Плохо, — сказал я. — Он — пешка, вошь! Мне надо знать, на кого он работает!

— А ты уверен, что на кого-то работает?

— Ну, вспомни его еще раз и скажи, мог ли он написать грамотное письмо, да еще откатать его на принтере?

— Нет, не мог.

— И я так думаю. А днем он на улице показывается? Выходит куда-нибудь?

— Два раза в день — до магазина и обратно. Возьмет молока, батон, сядет во дворе под навесом и жует... Ну, ты чего надумал? Может, не будем тянуть, припрем его к стене? Я ему разок дам под дых, так он сразу во всем сознается.

— Не надо, — ответил я. — Ни в чем он не сознается, потому как ничего криминального не совершил. Подождем, когда монеты придут. Ты на завод звонил?

— Звонил. Заказ готов, выслали. Со дня на день должны прийти на почту.

— Держи это под контролем. — Я встал, стряхнул с джинсов хвойные иголки и добавил: — Возможно, меня не будет до утра, и потому тебе придется еще поработать.

— Какой разговор! — охотно согласился Роман. — Надо, значит, надо!

— Справишься сам, если что случится?

— А что случится? Ну, начнут два барбоса бродить по двору с металлоискателем, а потом копать яму. Одному под дых, другому по рогам...

— А у барбосов может оказаться оружие.

— И у меня может оказаться. Подумаешь, невидаль какая.

Мы с Романом попрощались, и я вернулся к машине, думая на ходу: «Не подставить бы парня под пулю. Горячий, рубаху на груди рвет, ради меня

сутками готов в засаде сидеть. Правильно говорят, что самые верные друзья остаются с детства, со школьных времен. А мы с Романом шесть лет за одной партой просидели».

ГЛАВА 23

Инга ждала меня у калитки. Когда я остановился рядом с ней, она быстро села в машину и приказала:

— Гони! Браз два часа назад на площадку уехал. Он просил, чтобы я напомнила тебе о твоём обещании. Мускулистые парни!

— Две штуки?

— Да!

— Только одна штука есть, — покачал я головой. — Но зато очень мускулистая штука! Сейчас покажу.

Мы поехали к «Персею», и я посигналил. Гера не заставил себя долго ждать. Двери раскрылись, и судакский Шварценеггер вышел на улицу. Тренер по бодибилдингу выглядел так, словно уже собрался на вручение «Оскара» за лучшую мужскую роль. Он был гладко выбрит, причесан, но что меня поразило больше всего, так это его одежда — Гера надел строгий костюм и галстук. Он деревянной походкой приблизился к машине и открыл дверь.

— Ты что?! — возмутился я. — Как ты оделся? Разве я тебе не говорил, что фильм исторический?

— Нет. А какая разница?

— Да где ты видел, чтобы в средние века такие костюмы с галстуками носили?

— Поменьше слушайте этого болтуна! — успокоила парня Инга. — Там вам и костюм дадут, и грим наложат.

Когда мы въехали в Новый Свет, а оттуда по грунтовке покатали через лес к каменному мосту, где раскинулись палатки киношников, я притормозил у шлагбаума и спросил у Инги:

— Теперь куда?

— Оставь машину здесь, — ответила она и вышла наружу.

Мы с Герой тоже вышли и сразу очутились в другом веке. Мимо нас по дороге шли турецкие воины с короткими гнутыми мечами, круглыми кожаными щитами, в звенящих доспехах и с факелами, поднятыми над головами. Все было, как ожившая картинка из учебника истории: топот, хруст гравия под ногами, пыль, поднимающаяся над строем, ржание лошадей, крики сотников и конвоиров, ведущих вслед за войском связанных одной цепью пленных и рабов. Войско дружно поднялось на склон,

рассыпалось по нему на свои позиции, и вскоре там стали заниматься бивачные костры.

К Инге подскочила растрепанная худая женщина, покачала головой, схватила девушку за руку и увела к большому навесу из рубероида. А я отправился искать Браза, Гера с унылым видом плелся за мной. Наконец мы увидели Браза рядом с кинокамерой, установленной на треноге. Он был в бейсболке, под которой чудесным образом уместилась вся его лошадиная грива, в безрукавке «камуфляж» с многочисленными карманами, надетой поверх бежевой футболки с короткими рукавами.

— Очень хорошо, что вы пришли! — повернулся он к нам и, протягивая руку Гере, представился: — Касьян! — Затем, внимательно оглядев его, оценил: — Прекрасные данные! А где же второй?

— Второго нет, — развел я руками. — Мускулистые и здоровые нынче в дефиците.

В углу, за ширмой, было оборудовано что-то вроде парикмахерской или косметического кабинета: большое зеркало с подсветкой; столик, заставленный банками, расческами, ножницами, красками, коробками с накладными ресницами, на рогатой вешалке висели парики. В кресле перед зеркалом сидела Инга, а над ней с беличьей кисточкой в руке нависала уже знакомая нам растрепанная женщина.

— Вот, Танюша, еще двое, — сказал Браз, хлопая меня и Геру по спине.

— Кто такие? — жизнерадостно спросила гример.

— Это Рыцарь, — представил Браз Геру. — А это, — повернулся он ко мне, — Монах.

— Это я монах? — возмутился я. — Нет, вы ошиблись. Сниматься не буду. Не умею и не хочу.

— Я один тоже не буду сниматься, — поспешил присоединиться ко мне Гера.

— Кирилл, у меня безвыходное положение. Помогите, пожалуйста, это всего лишь на несколько минут. Вы наденете монашескую рясу, на лицо опустите капюшон... Пленный монах. Ваши руки свободны, и вы сжимаете в них тяжелый стальной крест. На ваших глазах солдаты надругаются над пленной графиней... Ваш герой лишь безучастно отворачивается, бормоча под нос прошение Богу наказать насильников на своем праведном суде... Вот и все!

— А я что буду делать? — спросил Гера.

— Вам все объяснит мой помощник, — улыбнулся Браз. — Извините, я должен заниматься подготовкой сцены. Пройдите сначала к костюмеру, а потом сюда, к Танюше.

Мы протиснулись между ширмой и ящиками и попали в большую армейскую палатку, которая служила киношникам столовой и складом костюмов.

Костюмер, молчаливый и недовольный, швырнул мне в лицо пропахшую плесенью коричневую рясу и пеньковую веревку, а Гере указал на холщовый мешок, в каких обычно хранят картофель, что-то записал в тетради и буркнул:

— Роспись, дата, число!

Я сразу накинул на себя рясу, покрыл голову капюшоном так, что из-под него высовывался только мой нос, и взял в руки бутафорный крест, покрытый краской-серебрянкой. Гера вывалил содержимое мешка на пол, сел рядом и стал перебирать кожаный нагрудник, жестяные наплечники, кольчатую рубашку с короткими рукавами, попробовал пальцем на остроту четырехгранный клинок и стрелы из картонного колчана, а потом я помог ему надеть через голову тяжелую рубаху и затянуть на груди кожаный жилет.

Гера преображался прямо на глазах. Когда мы зашли в гримерную, Инга, тоже ставшая неузнаваемой из-за высокой прически, неимоверно напудренного лица и крупной родинки-«мушки» на щеке, издала вопль восхищения.

— Ка-а-кой красавец!

Чтобы не стоять над душой друга, я вышел из палатки. Браз, вооружившись мегафоном, громко вещал на склон:

— Запасайтесь хворостом! Костров должно быть много!.. Внимание! Всем! Готовность номер один! Войскам рассредоточиться по склону! Крекс — на исходную позицию!.. Вскрывать бутылки и обнажать мечи при появлении Крекса! И все дружно кричим!

— Кирилл! — вдруг услышал я за своей спиной, обернулся и увидел, что помреж, безостановочно снимая и надевая очки, морщит лоб и покусывает губы. — Идите сюда! — кивнул он и исчез за ширмой.

Следом за ним и я зашел в гримерную.

Изменившийся до неузнаваемости Гера меня потряс, и я издал возглас восторга. С длинными серебристыми волосами, опускающимися на плечи, в кольчуге с короткими рукавами, подчеркивающими мощь его бицепсов, в белой накидке, закрепленной на плече бронзовой брошью, он действительно напоминал благородного рыцаря.

— Узнал? — спросил меня Гера.

Помреж стоял между нами и продолжал покусывать губы. Я проследил за его взглядом, пытаюсь догадаться, что его так обеспокоило. Он смотрел на левый бицепс Геры с большой синей татуировкой, изображающей

орла с «калашниковым» в когтях и контур карты Афганистана, опоясанный широкой надписью: «СПЕЦНАЗ. КАНДАГАР. 1986». Затем повернул Геру другим боком. На правой руке красовалась большая черная роза, овитая колючей проволокой.

— Черт возьми! — выругался помреж. — Что ж делать? — Затем окинул меня быстрым взглядом и сказал: — А ну-ка снимите рясу!

— Да я уже в роль вошел! — нерешительно схватился я за веревку, которой был подпоясан.

— Как вошли, так и выйдете!

Пришлось подчиниться. Он рассмотрел меня с ног до головы, пощупал бицепс, постучал по груди и повернулся к Танюше:

— И чего мы голову ломаем? Вот вам готовый Рыцарь! Быстренько разукрась его — и ко мне! А вам, — бросил он взгляд на Геру, — придется сыграть Монаха. Не возражаете?

— Как скажете, — согласился Гера. Облачившись в рясу, он вышел и медленной походкой направился к склону, где продолжал кричать в мегафон Браз:

— ...Первый ряд правого фланга! — Голос Браза, усиленный мегафоном, покатился по склону. — Вы теряетесь в тени! Не надо стесняться, сделайте десять шагов вперед!.. Приветствуйте полководца!.. Поднимите пики и щиты вверх! Вы должны ликовать, восторгаться своим военачальником, который ведет вас от победы к победе!..! Крекс привез вино, молодых рабынь! Крекс, вы готовы? — вещал мегафон. — На исходную!.. Приготовились!

Когда я с помощью Танюши полностью перевоплотился в Рыцаря, в палатку снова ворвался помреж.

— Рыцарь! — крикнул он. — Где же вы?! Мы уже обыскали весь склон! Идемте скорее на горку, я покажу вам, что вы должны делать.

Мы добрались до скальной ступени и сели на пружинистый ковер из можжевельных иголок. Теперь все события, связанные со встречей полководца, происходили под нами.

— Что такое?! — вдруг озабоченно произнес помреж, вставая на ноги.

Я тоже встал, но ничего особенного не увидел, если не считать особенным саму баталию, происходящую на склоне горы.

— Стоп! Остановите мотор! — раздался голос Браза, долетевший до меня неровным накатом. — Константин Григорьевич! Немедленно подойдите ко мне!.. Всем внимание! Немедленно пришлите врача и носилки к правому флангу войск!.. Дайте свет на правый фланг!.. — Вацура Кирилл Андреевич! Срочно спуститесь к съемочной группе!

ГЛАВА 24

Мне пришлось сорвать с плеча накидку, скомкать ее и нести в руке, иначе я обязательно наступил бы на нее и позорно грохнулся во всем своем рыцарском снаряжении на камни. Потом я побежал, так как предчувствие какой-то большой беды стало невыносимым.

Браз, художник, Инга, оператор с помощником и еще с десяток незнакомых мне людей обступили световой круг от прожектора, в середине которого копошились два человека в белых халатах. Какое-то ужасное, но в то же время завораживающее действие происходило в световом круге, словно на театральной сцене. Люди в белом перекатывали темный предмет с земли на носилки.

— Кому-то плохо стало? — шепотом спросил я у Инги.

— Нет, — едва слышно произнесла она. — Твой друг... Гера...

Я оттолкнул Ингу, оператора, ворвался в световой круг, не сводя взгляда с коричневой монашеской рясы, полы которой схлестнулись и туго стянули ноги Геры. Он лежал на носилках ничком, капюшон покрывал его бритый затылок. Оголенная по локоть рука судорожно сжимала горсть земли.

— Гера! — позвал я, падая на колени перед носилками, и осторожно взялся за его голову, пытаюсь повернуть ее лицом к себе, чтобы Гера смог меня увидеть. Потом перевернул его на спину, распахнул рясу и окаменел: белая рубашка была залита кровью. Я поднял голову, посмотрел на хмурые лица и заорал: — Чего вы стоите?! Дайте бинт! Почему его до сих пор не перевязали?!

— Молодой человек, — негромко сказал врач. — Он мертв.

— Что?! Как?.. Кто?! Почему?!

Я вскочил на ноги, схватил врачей за белые воротники, притянул их к себе и, едва не отрывая их от земли, процедил:

— В мою машину его! Быстро!

Они подошли к носилкам, не без усилия оторвали их от земли. Круг разомкнулся.

— Кирилл, никто не виноват, — поймал меня за руку Браз. — Это несчастный случай. Он сам упал на кинжал...

— Да пошел ты! — оттолкнул я режиссера. — Из-за твоего дерьмового кино...

На заднее сиденье джипа мы переносили Геру втроем: врачи держали за ноги, а я под мышками. Мне казалось, что он тихо стонет от боли и скрипит зубами. Я подsunул ему под голову свою джинсовую куртку и накрыл

ноги рясой. Врачи, не поднимая глаз, захлопнули двери и стали бесшумно удаляться в темноту.

— Куда?! — рявкнул я.

Они мгновенно остановились и повернулись ко мне.

— Ты! — показал я пальцем на того, который сказал, что Гера мертв. — Поедешь со мной!

Я врубил фары, ударил по педали акселератора, и мы снарядом понеслись вперед, светом фар прожигая темень ночи. Врач вцепился обеими руками в сиденье под собой и не отпускал его до тех пор, пока мы не остановились у входа в приемное отделение больницы. Он выскочил из машины, исчез за дверями отделения всего на несколько секунд и выбежал оттуда с целой реанимационной бригадой.

Моя миссия была закончена. Чтобы не путаться под ногами врачей, я стоял в стороне и курил, чего давно уже не делал.

— Это вы привезли его?

Я обернулся. Передо мной, сунув руки в карманы халата, стоял круглолицый, с большой залысиной врач. По его долгому молчанию я понял, что все кончено, и моя суета была напрасной.

— Видите ли, — произнес он, рассматривая кольчугу, — у него проникающее ранение сердца, и умер он мгновенно. Но дело вот в чем... Вы привезли его со съемочной площадки, так ведь?.. Ваш фельдшер утверждает, что это несчастный случай, что артист якобы упал на кинжал. Должен вам сказать, что это заблуждение. Если бы он действительно упал, кинжал остался бы в его груди... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю, — кивнул я. — Его убили по ошибке. Костюм монаха стал для Геры мишенью. Если бы мы не поменялись с ним ролями, то привезли бы меня.

— Надеюсь, что вы разберетесь в своих проблемах, — хмуро глядя на меня, проговорил врач.

— Вы сообщите в полицию?

— Обязательно.

— Вы могли бы позвонить через час?

— Я обязан позвонить немедленно.

— Тогда все пропало! Полиция спугнет его, понимаете? А пока убийца спокоен, потому что на съемочной площадке все восприняли случившееся как несчастный случай. Только мы с вами знаем, что это не так. Его можно найти! Гера был моим другом. Я косвенно виноват в том, что случилось. Это мои проблемы, а не полиции.

— Ладно, — буркнул он. — Оставьте свои данные и уезжайте.

Я открыл дверь машины, достал из «бардачка» визитную карточку и сунул ее в отвислый карман врача.

— Через час! — напомнил я ему, подняв указательный палец вверх, и погнал в Новый Свет.

ГЛАВА 25

Шел мелкий тихий дождь. Я брел по скользкой дороге в рыцарских сапогах, которые намокли и чавкали под пяткой. Длинные пряди парика мокрой шваброй налипли на плечи. Ветки низкорослых кустов мелодично цокали по металлическим поножам, прикрепленным ремнями к моим голеням.

Неприятно яркий свет заливал вытопанную площадку перед навесом. Я увидел Ингу. В мокром, выпачканном в глине платье, она сидела под навесом, по-мужски широко расставив ноги, и часто затягивалась сигаретой.

Браз стоял под зонтиком и выглядел более несчастным, чем я. Он остановил съемку, ожидая меня и надеясь на чудо. Увы, чуда не произошло.

— Почему не снимаете кино? — спросил я у него. — Почему войска не встречают Крекса, не ликуют, не пьют вино?

Он бросил на меня короткий взгляд и, повернувшись к войску, сказал в мегафон:

— Всем внимание! Прошу всех замолчать и выслушать меня...

— Подождите! Ничего пока не объявляйте! — выхватил я мегафон из его рук.

— Почему? — вздернул брови Браз.

— Делайте то, что я вам говорю, и не задавайте вопросов, — бросил я через плечо и пошел к камере, покрытой большим полиэтиленовым мешком.

Оператор то ли дремал на маленьком рыбацком стульчике, то ли думал, уставившись в одну точку. Когда я приблизился к нему, он поднял кудрявую голову, привстал, сунул в карман маленькую плоскую фляжку и спросил:

— Ну?

Я отрицательно покачал головой.

— Какое несчастье! — пробормотал он. — В моей практике это первый случай. Ноги каскадеры ломали, руки ломали, головы разбивали, а вот чтобы так...

— Вы не заметили, как он упал?

— Нет, — ответил оператор. — Я в этот момент снимал левый фланг. Вы подойдите к Кочкину, это мой помощник. Он дублировал на видео обшую панораму и мог что-нибудь заметить.

Помощника оператора я нашел в палатке, где он в обществе гримера Танюши, хамоватого костюмера, фельдшера и двух незнакомых мне женщин пил кофе.

— Выйдите к оператору, — склонившись к его уху, сказал я.

— Что ему надо? — спросил Кочкин, продолжая сидеть.

— Он не сказал, — сквозь зубы процедил я.

Кочкин, рисуясь перед женщинами, махнул рукой:

— Подождет!

— Он сказал, чтобы вы срочно подошли к нему! — из последних сил сдерживая себя, произнес я.

Кочкин не донес чашку до рта. Рука его замерла.

— Это кто такой? — спросил он свое окружение.

— Наш новый актер, — ответила Танюша. — Он будет играть Странствующего рыцаря.

— Понятно, — хмыкнул Кочкин и отпил из чашки. — А ведет себя как исполнитель главной роли... Так на чем я остановился?

Я не выдержал, схватил его за уши, поднимая вверх вместе со стулом, развернул к себе и посадил на стол. Раздался грохот. Чашка упала на мягкий пол и тотчас попала мне под ногу. Хрустнул фарфор. Танюша негромко вскрикнула. Хамоватый костюмер вскочил, словно тоже захотел получить по физиономии.

— Он сказал — срочно! — напомнил я помощнику.

Кочкин попытался спасти положение и стукнул меня по скуле. От моего ответного удара он рухнул на костюмера, сбивая того с ног, и оба они упали. Сам не зная зачем, я еще опрокинул на них стол.

— Ты сумасшедший! — испуганно говорил Кочкин, часто шмыгая носом, из которого текла кровь. — Кто тебя взял на съемки? Ты же больной! Тебя же в психушку надо отправить!

— Извини, — сказал я, протягивая ему руку. — Сам не знаю, что на меня нашло. Помутнение рассудка.

— Это заметно, — проворчал Кочкин и, не подав мне руки, быстро вышел из палатки.

Я остановил его рядом с захлебывающимся генератором, от которого тянулись провода для освещения палатки, и спросил:

— Где кассета?

— Какая кассета? — недоуменно переспросил Кочкин, хотя прекрасно понял, о чем речь.

— На которую ты отснял последнюю сцену.

— А в чем дело?

— Вот что, Кочкин. У меня очень мало времени. Если ты будешь тянуть, задавать ненужные вопросы, мне снова придется обращаться с тобой грубо.

— Но это же инвентарь строгой отчетности! — стал оправдываться помощник. — На кассету распространяется закон об охране авторских прав! Директор мне оторвет голову, если узнает...

— Мы напрасно теряем время, — сказал я и смял воротник его рубашки.

— Она там, — кивнул он на операторский микроавтобус.

Мы подошли к машине. Кочкин открыл дверь салона и показал на сиденье, где лежала камера.

— Как ее просмотреть? — спросил я.

— А что конкретно ты хочешь просмотреть?

— Последний эпизод.

Кочкин вздохнул, взял камеру, поднял видеоискатель, включил питание и режим перемотки. Тихо заработал мотор, засвистела лента.

— Прошу! — сказал он, включая воспроизведение.

Я посмотрел в видеоискатель. Сначала замелькал голубой «снег», затем побежали продольные полосы. Потом кадр определился, и поплыла панорама. Изображение было маленьким и нечетким, но, тем не менее, можно было рассмотреть колышущийся строй, десятки копий, взметнувшихся над головами, горящие глаза воинов, высокомерный взгляд полководца... Камера пошла вправо. Я затаил дыхание, боясь пропустить самое главное. Строй. Головы. Копья и мечи... Пошел наплыв. Чей-то кричащий рот крупным планом. Струя вина из бутылки. Смуглое плечо с крупными каплями пота... Откат. Снова общий план. Строй становится все более редким. Чем дальше от объекта съемки, тем слабее игра. Воины занимаются, кто чем хочет... Вот он!

Я отчетливо увидел Геру. Он стоял на камне, глядя поверх голов на полководца и скользящую по рельсам тележку с камерой. Руки на затылке сцепил в «замок». Крест — под ногами в траве. Рядом никого.

Камера пошла влево. Снова строй, головы, копья, вино... Чье-то бронзовое лицо, серьга в ухе, спина, перетянутая кожаными ремнями. Вправо, вправо, еще...

Камень, на котором минуту назад стоял Гера, был пуст. Сверкнул серебрянкой крест в траве. Смутное движение. Кусты. Тени...

— Назад! — крикнул я.

Кочкин стал отматывать назад. Я убрал его руку с кнопки и, напрягая зрение, до боли вжался в резиновое кольцо. Пустой камень. Куст. Лицо человека, мелькнувшего в углу кадра...

— Стоп! Назад! Как остановить кадр? Покажи кнопку, я сам!

— Ты мне камеру сейчас заперешь... Вот сюда нажимай. Только не сильно!

Я должен был остановить в кадре лицо того человека. Он появлялся всего на мгновение, но я обязательно должен был его зацепить!

Медленно поплыл строй. Я затаил дыхание и слегка надавил на кнопку остановки кадра. Вот пустой камень. Вот крест. Куст. Смазанная тень. Лицо!

Я вдавил кнопку, едва не крикнув от азарта. Поймал! Лицо замерло в углу кадра, и я смог его рассмотреть. Конусовидный шлем на голове, черная кучерявая борода, торчащие в стороны усы, как стрелки часов, показывающие четверть десятого... Я его узнал. Это был тот самый «турок» с охапкой хвороста, которого я перед съемкой нечаянно толкнул.

— Все? — спросил Кочкин.

Я ничего не ответил, вышел из машины и быстро пошел по склону вверх, где уставшая от безделья массовка пила вино, курила и играла в карты. Пройдя больше половины строя, я вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Прикрывая глаза от яркого пламени костра, огляделся и увидел быстро удаляющуюся в темноту фигуру «турка». Перепрыгнув через костер, я кинулся следом за ним.

«Турок» оказался хорошим атлетом. Расстояние между нами уменьшалось не так быстро, как мне того хотелось. Часто перебирая своими короткими ногами, он ловко прыгал с камня на камень, стремительно приближаясь к зарослям терновника на краю обрыва. Мне стало ясно, что, если он добежит до кустов раньше меня, я его потеряю.

— Стой, дурак! — задыхаясь, крикнул я. Нас разделяло меньше двух метров, развязка была близка.

Я сжался пружиной, готовясь к прыжку, как вдруг раздался треск, грохот падающих камней и короткий крик «турка». Плотные заросли неожиданно расступились, и мне в глаза брызнул тусклый свет серебристой дорожки, поделившей море пополам.

Схватившись за покрытый шипами ствол, я остановился на краю обрыва, свесился вниз, но луна, изредка появляющаяся из-за туч, была слабым фонарем, и я ничего не разглядел, кроме отблеска воды.

— Эй! — позвал я, прислушался и осторожно надавил ногой на камень, ступенью выступающий над обрывом. Камень с легкостью выскочил из своего гнезда и, увлекая за собой гравий и песок, покатился вниз.

Вряд ли «турок» перехитрил меня и спрятался где-то под козырьком обрыва. Зацепиться на этом «живом» склоне, где камни держались в шлаковой крошке на честном слове, да еще в темноте, было невозможно. Вероятно, убийца, не заметив обрыва, сразу спикировал вниз.

Только сейчас я почувствовал, что мое лицо, исцарапанное терновником, было мокрым от крови. Щадя себя, я медленно пошел вниз вдоль обрыва, аккуратно отводя кровожадные ветки в стороны. Кто этот человек? — думал я. Тот самый, кто толкнул Лебединскую под колеса, кто писал мне письма, кто называл себя Лембитом Лехтине? Значит, он актер, участвовавший в массовке, и, не придумав ничего лучшего, выбрал фамилию главной героини — Марты Лехтине?

Обходной путь вдоль обрыва был слишком долгий. Мне надоело пытаться себя терновыми иглами, и, увидев относительно пологий песчаный язык, похожий на аварийный трап, я встал на него и полетел вниз. Благополучно приземлившись, двинулся к морю, внимательно всматриваясь себе под ноги, под которыми пронзительно шуршала галька, и, наконец, увидел его. «Турок» лежал на склоне, головой вниз, раскинув руки и ноги в стороны. Тело его было наполовину присыпано шлаковым песком и мелкими камнями. Длинный подол камзола, изорванный колючими кустами, напоминал тростниковую набедренную повязку.

Он был мертв. Я стащил его вниз и положил на большой плоский камень у самой воды. Похоже, что при падении он поломал себе все, что можно было поломать, в том числе и основание черепа.

Преодолевая отвращение, я склонился над трупом и посветил огнем зажигалки. Полуприкрытые, присыпанные песком глаза смотрели на меня. Правый край длинных усов свесился к подбородку. «У вас ус отклеился», — мысленно сказал я покойнику и двумя пальцами потянул за жесткую щетинку, похожую на кисточку. Верхняя губа мертвеца легко рассталась с усами. Я кинул их в воду и смелее схватился за бороду. Борода отрывалась хуже, медицинский клей «БФ» сопротивлялся. Несколько секунд — и борода осталась в моих пальцах. Я брезгливо швырнул ее под камень и склонился над телом. Лицо «турка» медленно превращалось в лицо...

Я схватил его за волосы, сжал в кулаке жесткую синтетику парика и сорвал «скальп» с головы. Окунул парик в воду, провел им, как мочалкой, по безжизненному лицу и, не веря своим глазам, увидел, как легко сошли и темный загар, и глубокие морщины, и тяжелые надбровные дуги.

«Турок» превратился в Виктора.

ГЛАВА 26

Я вскочил, отошел на шаг от трупа инструктора, испытывая непреодолимое желание отмыться. Мысли путались, я никак не мог увязать все последние события, после которых я забыл о спокойном сне, с гибелью своего соседа. Завершение логической цепочки выглядело совершенно нелепо.

История с Лембитом закончена, думал я, все еще пяясь назад. Надо сообщить полиции об этом несчастном случае. Я умываю руки. Все надоело! Пусть они разбираются...

Меня кто-то окликнул, и я, стремительно повернувшись, не сразу заметил белое пятно на темном фоне стены обрыва.

— Кирилл, это я, — раздался жалобный голос Инги.

Белое пятно приближалось. Я слышал, как шуршит галька под ногами.

— Ты откуда здесь?! — зло выкрикнул я, хотя не было никаких причин грубо разговаривать с девушкой.

Инга приблизилась, взяла меня за руку. Ее лицо в свете луны казалось мертвенно-бледным.

— Я испугалась за тебя, — произнесла она, пытливо заглядывая мне в глаза. — Он... сам?

— Да!

— Приехала полиция.

— Я знаю. Что еще?

— Ничего. Я узнала все, что хотела.

Нет, не все, мстительно подумал я. Сейчас я скажу тебе, чей труп лежит у воды, тогда посмотрим, как вытянется твое лицо.

Это был момент истины. Если Инга была замешана в делах Виктора, то известие о его гибели она не смогла бы воспринять спокойно, каким бы актерским даром ни обладала.

— Пойдем, — взял я ее за руку.

— Зачем?

— Посмотришь.

— Не хочу, — ответила она и выдернула руку. — Уже насмотрелась.

— Ты знаешь, кто это? — недоверчиво спросил я.

— Знаю, — ответила Инга. — Виктор.

— Откуда ты знаешь, что это Виктор?

— Да я его сама отводила в примерную!

— Зачем?

— Он попросил у Браза разрешение участвовать в массовке, и тот ему разрешил.

— А почему ты не рассказала мне об этом?

— Я многого еще не рассказала тебе, — вызывающе ответила Инга и отвернулась.

Я ввел в дело тяжелую артиллерию и дал первый залп:

— Виктор толкнул Лебединскую под колеса? Да?

— Нет, не он. Ее вообще никто не толкал.

— Та-ак! — всплеснул я руками, и кольчуга на плечах захрустела звеньями. — Прекрасно! Как же она, интересно, попала под колеса?

— Я ее сбила. Нечаянно.

— А высокий, темноволосый...

— Не было там ни высокого, ни темноволосого. Был только Виктор... — Инга повернулась и медленно пошла по берегу. — Зря ты затеял эту игру с подменой инструктора, — продолжала она негромким голосом. — Виктор, когда я первый раз с ним встретилась, вцепился в меня как собственник и без всякого стыда стал тащить меня в постель. Я в шутку отвечала, что у нас непременно будет большая и страстная любовь, только я сначала должна научиться водить машину... Мы бы расстались с ним мирно и тихо, если бы не влез ты. Даже не представляешь, как он меня приревновал к тебе! Это было что-то ужасное! После того как мы с тобой откатались первый раз, он встретил меня и устроил прямо-таки семейную сцену: «Ты спала с ним! Ты мне изменила!»

— А ты ему не сказала, чтобы он заткнул свой рот и убежал к жене? — поинтересовался я.

— В тот страшный день я выехала в Вишневы проезд и вдруг увидела его. Он махнул мне рукой, я выжала сцепление, притормозила у края тротуара, но переключать рычаг в нейтральное положение не стала. Держала ногу на сцеплении и разговаривала с ним через опущенное стекло. Он рассердился, увидев, что я веду машину одна, а я еще соврала, что ты сам разрешил мне часик покататься...

Я слушал и только молча качал головой. Слов не было.

— Потом Виктор сказал, что не простит тебе этого никогда, и стал требовать, чтобы я заглушила машину и освободила место водителя. Я ему довольно грубо ответила, что обойдусь без сопливых. Он попытался открыть двери, но я успела заблокировать замки и поднять стекло. Тогда он стал стучать по капоту кулаком, что-то кричать. Встал перед машиной и не пускает меня. Я давай сигналить. Он стоит, усмехается. Я тоже разозлилась и немного отпустила сцепление... В общем, — уже тише произнесла она, — я его толкнула. Не больно, а так... Он, матерясь, отскочил в сторону, а я как дала газу, сцепление сбросила и вылетела на пешеходный переход. А там как раз эта женщина шла. Я даже затормозить не успела и еще метров десять тащила ее волоком. Потом остановилась. Ничего не соображаю. Руки дрожат... Этот подонок подбегает, лицо белое, как молоко. Я его прошу: «Садись быстрее, гони отсюда куда-нибудь далеко!» А он, наконец, пришел в себя и кукиш мне под нос сует: «Теперь сама расхлебывай!» Я обернулась, смотрю, а женщина уже никакая, в больницу нет смысла везти. Мне слезы глаза залили, я ничего не вижу, умоляю его: «За что ж ты

меня топишь?!» А он так гнусно усмехнулся, поднял с асфальта колпак от колеса и ответил: «Пока еще не топлю. Но если скажешь своему кобелю, что я был здесь, — сразу сдам тебя в прокуратуру». Махнул рукой и убежал в подворотню...

— И ты придумала историю про высокого bruneta. Какая же ты дура! Да я бы из него кишки вытряхнул, если б знал, что это он меня шантажирует. Я бы его по стене размазал! С навозом смешал! И ничего бы он тебе не сделал, понимаешь?! Если бы я захотел, он бы свой дом продал, чтобы со мной рассчитаться! А ты этой плесени дала возможность отыграться на мне! Вот отвел он душу! Вот поизгалялся! Надо же — письма писал, на принтере печатал, надеялся, урод, что я поделюсь с ним золотом. Ха-ха-ха!

— Каким золотом? — удивленно спросила Инга, поднимая голову.

— Антикварным, лапочка! Девятьсот пятьдесят восьмой пробы. А ты думала, почему он не хотел, чтобы я знал, кто колпак от колеса унес?.. Лембит Лехтине! Таинственный господин N! Маскарад закончился, пора смывать грим.

— А откуда он узнал, что у тебя есть золото?

— Лебединская выболтала! — с ходу ответил я, потому как это была самая правдоподобная версия.

— Та самая женщина... — с сомнением произнесла Инга.

— Та самая! По доброте душевной я как-то отсыпал ей горсть монет для музея. Виктору они очень понравились, и Лебединская призналась ему, что у меня этого золота — куры не клюют.

— У тебя, в самом деле, его много?

— Битком набитый «дипломат»! — признался я. — Почти восемь кило. Он ходил и облизывался, как бездомный пес у пищеблока. А тут ты ему дала редчайший шанс заработать.

— Прости, — прошептала Инга. — Я не знала, что так сильно подставила тебя.

— Да ладно тебе! — примирительно махнул я рукой. — Все в прошлом. Судьба его наказала.

ГЛАВА 27

Я уже забыл, когда спал положенные мне семь часов в сутки. Уже светало, когда я принял душ и упал в постель. Но едва закрыл глаза, как раздался стук в дверь. Накинув на себя простыню, я подошел к двери и открыл ее. На пороге стоял Браз. Наверное, мое лицо настолько красноречиво передавало мое настроение, что режиссер отшатнулся на шаг и, прижав руки к груди, стал поспешно извиняться:

— Я вас умоляю, Кирилл, не сердитесь на меня, бога ради! Но на меня свалилось столько бед! Я не знаю, что делать!

— Зайдите! — невнятно пробормотал я, и, показав ему на кресло, спросил: — Вы завтракали?

— Да какой тут завтрак! — махнул он рукой. — Разве что чашечку кофе выпил бы.

Я варил кофе на горячем песке и слушал торопливый рассказ Браз:

— В час ночи приехала полиция. Три машины! Начали всех допрашивать: как, при каких обстоятельствах погиб ваш друг, кто где находился в момент съемки. Изъяли бобину с отснятой пленкой, кинжал, на который он упал, взяли на экспертизу частицы крови с камней... Они считают, что это преднамеренное убийство! Я до хрипоты спорил со следователем: кому, говорю, он здесь мешал? Кто его тут мог знать? Парень первый раз в жизни пришел на съемки!..

— Они правы, — перебил я его, медной лопаткой загребая горячий песок и глубже закапывая в него кофеварку. — Он действительно был убит.

— И вы туда же! — с укором покачал головой Браз. — Но это еще не все. Через час выяснилось, что пропал мой водитель Виктор. Я разрешил ему участвовать в массовке, и он в костюме турка должен был находиться вместе с войском. Начали искать — нет его. Ужас! Подходит ко мне Инга и говорит: «Я видела, как Виктор пошел в заросли терновника к обрыву». Стали его искать в зарослях. Я всю массовку заставил метр за метром прочесать склон. И что вы думаете? Мы нашли его. Он упал с обрыва на прибрежные камни. Разбился насмерть! Его тело кувыркалось в прибое, как чучело. А рядом с ним — усы, борода, парик... Нет, это в голове не укладывается! Ну и ночка!

— И что было дальше? — спросил я, с хрустом надкусывая тост.

— Что дальше? — переспросил Браз. — Вызвали полицию. Приехала та же бригада. Даже закаленные оперативники за голову схватились. Вы что, говорят, фильм ужасов здесь снимаете? Два трупа за одну ночь! А у меня сердце упало. Я вспомнил, что вас давно не видел. К счастью, Инга успокоила, сказала, что вы уехали на своей машине домой. Мне и оператору велели прийти сегодня к следователю и дать свидетельские показания, — унылым голосом продолжал он. — Пленку обещали вернуть после проявки. Вы представляете, с каким качеством ее проявит полиция?! Неделя съемок — все коту под хвост!.. Черновский звонил из Москвы, сказал, что с деньгами большие проблемы... Все рухнет, Кирилл! Я намерен разорвать контракт!

— Не торопитесь, — посоветовал я. — Может, все образуется. Полиция будет заниматься криминалом, продюсер искать деньги, а вы — создавать шедевры киноискусства.

— Не издевайтесь! — с горечью протянул Браз. — Шедевры! Я уже говорил вам, какие это шедевры.

Мне показалось, что разговор исчерпан. Взял со стола сверток из плотной бумаги и протянул его Бразу:

— Это кольчуга, нагрудник, поножи, сапоги — в общем, шмотки, за которые Гера расписывался. Все в целости и сохранности.

Он махнул рукой и кинул сверток под ноги.

— Это все мелочи! У нас на каждой съемке пропадают костюмы, к этому мы уже привыкли. Тут проблема в другом, из-за чего, собственно, я к вам и зашел... Черновский по доверенности получил на киностудии пистолет «Макарова» и восемь холостых патронов к нему. Это нам нужно для эпизода со стрельбой. Пистолет, естественно, он отдал мне... Я все время хранил его в «дипломате», вместе с договорами и прочими бумагами. Никто не знал, что пистолет находится именно там. И вот сегодня утром я открываю «дипломат» и вижу — его там нет!..

— Вы все обыскали? — перебил я его. — Под матрасом? В шкафах? В карманах?

— Да, — кивнул Браз. — История достаточно неприятная, и все же, мне кажется, не надо ее излишне драматизировать. Патроны как-никак холостые, и большой беды...

— Какой же вы все-таки наивный, Касьян! — возмутился я, вставая с кресла. — Вы же режиссер, человек, который должен хорошо разбираться в тонкостях жизни! А послушаешь вас — логика подростка! Неужели вы не знаете, как легко можно заменить холостой патрон на боевой?

Браз молча проглотил пилюлю и жалобно посмотрел на меня:

— В полицию сообщать?

— Да погодите вы со своей полицией! Она уже устала расхлебывать ваши проблемы. Я попробую сам найти пистолет.

— Вы думаете, это возможно?

— Деньги, к примеру, найти намного труднее, потому что их крадут всегда и для того, чтобы потратить. А пистолеты обычно берут во временное пользование.

— Что значит — во временное пользование? — нахмурился Браз.

— Это значит, что его взяли для того, чтобы кого-нибудь убить. А потом, вполне возможно, пистолет вам вернут.

ГЛАВА 28

Как ни странно, общество с ограниченной ответственностью «RODEO-MOTORS» было зарегистрировано в бизнес-справочнике, имело контактный телефон и даже номер факса. На мой звонок ответила секретарь.

— Фирма «Rodeo-motors»: техническое обслуживание, гарантийный ремонт автомобилей, установка сигнализации, продажа аксессуаров. Добрый день! Меня зовут Яна. Я буду рада помочь вам.

— Девушка, что случилось с вашей мастерской недалеко от Морского? — спросил я.

— Там был пожар, — неохотно ответила она. — А что вы хотели?

— Жаль, — уклонился я от прямого ответа. — Там работал хороший мастер, имени его, правда, не знаю.

— Володя или Сергей? — подсказала девушка.

— Я же вам говорю, что не знаю имени.

— Высокий или низкий?

— Кучерявый.

— Это Володя, — уверенно сказала девушка. — Перед развилкой на Щетовку знаете автосервис?

— Знаю.

— Он там сейчас работает.

Полчаса спустя я подъехал к кирпичному сооружению, похожему на будку стрелочника, только без крыши. Ее заменял неровный кусок волнистого пластика, разрисованный пальмами, чайками и буквами «АФЕ». Я притормозил напротив входа, посигналил и «моргнул» фарами. Дорогая машина заставляет людей считаться с ее водителем. Прошло несколько секунд, и из черного зева выскочил мужчина, одетый в комбинезон на лямках на голый торс. Я опустил стекло и высунул голову:

— Володьку позови!

Мужчина, кивнув, исчез в будке. Володька спешить не любил и вышел на свет после того, как я посигналил еще раз. С дымящимся окурком в губах, выпачканный в смазке до черноты, он медленно пошаркал ботинками по пыли, лениво глядя на незнакомый ему «ниссан» с затемненными стеклами. Я подъехал вплотную к двери, закрыв на всякий случай выход ненужным свидетелям и помощникам. Подождал, когда Володька приблизится к окну машины, и, как только его кудрявая голова показалась в проеме, высунул руку, крепко схватил его за чуб, втянул голову в салон и поднял стекло настолько, чтобы слесарь мог дышать, но не мог вырваться из ловушки.

Он здорово испугался. Машинально схватился грязными руками за край стекла, опасаясь, что я подниму его еще выше.

— Напрасно дергаешься, — усмехнулся я. — У стеклоподъемника двигатель мощностью семь киловатт легко режет листовое железо. Так что пожалей хотя бы пальцы, если голова уже обречена.

Володька тяжело сопел, глядя на меня бегающими глазками.

— Я знал, что ты придешь, — прохрипел он.

— Какой сообразительный! — похвалил я. — «Шестерка» где?

— Отпусти! Все расскажу! — багровея, попросил слесарь.

Я нажал кнопку стеклоподъемника и, открывая дверь, бросил:

— Садись!

Слесарь без особого желания сел рядом со мной, оставив дверь слегка приоткрытой. Все еще потирая шею, он негромко сказал:

— Я сразу понял, что твоя тачка «грязная». Но клянусь, я все хотел сделать по совести, как договорились. Не знаю, кто на тебя ментам настучал.

— К тебе приходили менты?

— Да вечером того же дня!

— И что сказали?

— Он был один. Старший лейтенант. С ходу наехал: «Нам известно, что ты занимаешься укрывательством преступления, тебе днем пригнали битую машину!» Номер ее назвал, даже номер кузова! Ну, чем я мог крыть?

— Как он выглядел? — спросил я.

— Невысокий, широкоплечий. Лицо дурное. Усы в разные стороны, как у Буденного.

— Что значит — дурное лицо? — уточнил я.

— Как тебе сказать? Одутловатое, распухшее, как будто человек с бо-дуна. Лоб такой, как у быка. Глаз не видно.

— Понятно, — кивнул я. — Что он еще сказал?

— Сказал, чтобы я дня на два закрыл мастерскую и носа в ней не показывал, пока, значит, они будут оперативно-розыскные мероприятия проводить. Сел в «шестерку» и уехал.

— Подставил ты меня, парень, — покачал я головой.

— И ты меня тоже, — ответил слесарь. — На хрена мастерскую спалил?

— Нашел бы меня, рассказал, что случилось, — цела осталась бы твоя мастерская.

— Да я понимаю. Но как это ты «браткам» объяснишь? В мастерской они кое-какие вещички хранили, теперь, значит, ищут того, кто поджег.

— А ты не боишься мне об этом говорить? — спросил я и подмигнул. — Кроме тебя, никто не знает, что это я поджег. А зачем ты мне такой умный нужен?

— А чего мне бояться? Я уже свое отбоялся.

— Напрасно! — покачал я головой. — А я-то голову ломал, никак не мог понять, почему дым такой сладковатый был.

Слесарь нервно скривился и с вызовом ответил:

— Да, я хранил в мастерской наркоту. Но ты мне ничего не сделаешь, потому что, во-первых, менты сидят у тебя на хвосте, а во-вторых, разыскивают «братки», и достаточно одного моего слова...

Я наотмашь ударил его по лицу, схватил за горло и прижал к подголовнику. Володька замахал руками, вяло сопротивляясь. Мне мешал руль, я вылез из-под него и всем телом навалился на тщедушное тело. Володька попытался закричать, но я закрыл его рот своим плечом, затем вытащил из «бардачка» адаптер с проводом и, заведя руки слесаря за спинку сиденья, туго связал их.

Он стал кусаться и плевать, и мне пришлось затолкать ему в рот тряпку, которой я протирал стекла. Он успокоился, короткая борьба утомила его. Задним ходом я отъехал от мастерской, круто развернулся и на большой скорости помчался в Судак. Влетев в городок, по бездорожью, чтобы не попасться на глаза гаишникам, скатился в ложбину между двух выгоревших холмов и, прыгая по камням, подъехал к дому Виктора с тыльной стороны.

— Пойдем, свинья, — сказал я Володе, останавливаясь у ворот, ведущих в сад. — Я тебе открою маленькую тайну, — и, вытащив его из машины, подтолкнул к калитке. — Это дом моего сослуживца, старшего лейтенанта Куценко. Он погиб вчера при исполнении служебного долга. Его убил кто-то из твоих «братков». Теперь, урод, я буду искать убийцу и мстить за него всем, кто с этим убийцей был связан.

Я втолкнул слесаря в сад, прислонил его к стволу яблони и пошел к веранде, из которой выходила не по годам полная жена Виктора. Она была в черном платке, но в ее профессионально лживых глазах базарной бабы особого горя я не заметил.

— Примите мои соболезнования, — громко сказал я и, подойдя к женщине вплотную, взял ее за плечи и тише добавил: — Меня прислали из автошколы. Я должен забрать машину.

Женщина кивнула и для порядка взвыла:

— Ой, горе какое! Горе-е-е! Не стало кормильца моего-о-о!

— Будьте мужественны, — сказал я, испытывая ни с чем не сравнимое чувство гадливости, повернулся и быстро подошел к слесарю. Глаза его были широко раскрыты, подбородок мелко дрожал. Я затолкал тряпку поглубже ему в рот, взял под локоть и повел к гаражу напрямик, по картофельной ботве.

Гаражные ворота не были заперты. Я открыл одну створку, втолкнул слесаря внутрь и, сжав в кулаке его кучерявые волосы, показал на «шестерку»:

— Узнаешь, свинья, машину? Проглотил наживку? Раскололся? Теперь я представляю: капитан Вацура, уголовный розыск! Сейчас, мразь, я отвезу тебя к следователю, и ты расскажешь ему все, что тебе известно про наркотики и про свои связи с «братками». Потом пару лет будешь гнить

в переполненном следственном изоляторе, ожидая суда. Тебе дадут срок, лет семь, не меньше, и без надежды на амнистию ты будешь его отмаывать где-нибудь в николаевских степях. И выйдешь оттуда полным дебилом.

Я толкнул Володьку в машину, захлопнул дверь, сел за руль и, заводя мотор, выдернул из его рта тряпку. Слесарь облизал губы и, вздрагивая, произнес:

— Слышишь, ничего я с этих наркотиков не имел... Я вообще никакого к ним отношения не имел. Они приносили и уносили... Слышишь? Мне двадцать один год всего. Ни бабы, ни родителей. Один, как собака бездомная... Вся жизнь наперекосяк! Сердце у тебя есть?

— Вот! — нравоучительно произнес я. — Как за горло схватили, так сразу про сердце вспомнил.

— Ну, не губи! — выкрикнул слесарь. — Что ты на мне, на пацане, отыгрываешься? Может, договоримся?

Я притормозил. До отделения полиции оставалось метров пятьдесят.

— Давай договоримся. Ты мне поможешь найти убийцу и взять «братков» с поличным.

Слесарь помрачнел и опустил голову.

— Тогда мне лучше сразу пойти и утопиться.

— Зачем же топиться?

— Потому что это все равно, что под поезд кидаться.

— Ну, допустим, кидаться будешь не ты, а я.

— А я что должен делать?

— Как принесут тебе порошок — сразу звонишь в отделение и просишь передать информацию для следователя Маркова. Или же мне, вот телефон. Понял?

— «Стучать», значит? — угрюмо заметил Володька.

— Не хочешь «стучать» — будешь давать показания. Что тебе больше нравится?

Он недолго боролся со своей совестью и, не поднимая головы, буркнул:

— Ладно.

— Пока работаешь на меня — гуляешь на свободе. Все понял?

Володька кивнул. Я развязал ему руки.

— Я могу идти? — спросил он и нерешительно взялся за ручку двери.

— Конечно!

Я тотчас развернулся и погнал по Новосветскому шоссе. Недалеко от того места, где дорога выгибалась крутой петлей над обрывистым берегом, остановился, затянул рычаг ручного тормоза и вышел.

Слева от меня колыхался голубой шифон моря, справа — нависала громада горы Сокол. Я обошел вокруг машины, провел рукой по ее горя-

чему капоту, затем открыл дверь, протянул руку и отпустил ручной тормоз. Машина медленно тронулась с места и, набирая скорость, покатила к повороту. Сбив ограничительный столбик, она ухнула с обрыва вниз, пропахала колесами несколько метров, подпрыгнула, перевернулась и, вспыхнув, огненным болидом полетела к морю.

ГЛАВА 29

Вернувшись в гостиницу, я быстро поднялся на третий этаж и, затаив дыхание, подошел к двери резервации. Вздох облегчения вырвался из моей груди, когда я увидел за ручкой свернутый в трубочку конверт. Произошло то, что я предполагал, значит, мысли мои двигались в нужном направлении. Зайдя в кабинет, я аккуратно расклеил конверт и вынул лист. Письмо на этот раз было коротким и жестким:

«Мое условие остается прежним. О своей готовности к встрече вы должны известить сигналом: красное полотенце на подоконнике вашего кабинета не позднее 18.00. Любое ваше отклонение от поставленных мною условий немедленно повлечет радикальные меры, которые доставят вам крайне большие неприятности. N».

Все, подумал я, сладко потягиваясь в кресле. Он выдохся. Опытный шантажист в последнем напоминании обязательно выложил бы главный козырь, о существовании которого я даже не догадывался бы. К примеру, фотоснимки, видеопленку с доказательствами или еще что-либо покруче. У N ничего не осталось в запасе, кроме колпака и «шестерки», причем машину я уже выбил из его рук, и он пока об этом не знает. В ход пошли пустые угрозы и намеки: «радикальные меры», «большие неприятности». Дешевый блеф!

Я вложил письмо в конверт, клеевым карандашом заклеил его и вышел в спальню. В бельеовом шкафу царил спартанский аскетизм. Чисто красного полотенца у меня не оказалось, но для сигнала вполне могло сгодиться белое с большими красными тюльпанами. Я заблаговременно разложил его на подоконнике, а чтобы его не снесло ветром, закрепил большой разборной гантелью. Потом передумал, убрал полотенце в шкаф и вернулся в кабинет.

Сев за компьютер, выбрал в текстовом редакторе шаблон типового договора, вписал в пробелы свои фамилию, имя, отчество и данные Бразы, которые были мне известны, а те, что не были известны, придумал. Над размером суммы, которую, согласно договору, спонсор передавал директору фильма, я долго не думал и списал ее с предпоследнего письма господина N: триста тысяч долларов США. Опасаясь показаться слишком

наглым, определил свою долю от кассового сбора фильма в размере пяти процентов. Готовый договор вывел на лазерный принтер, поставил на листе свою размашистую подпись и, сложив его вчетверо, спрятал в нагрудный карман.

Прихватив с собой длинный столовый нож, я вышел из кабинета, запер дверь на ключ и воткнул конверт с письмом от N на прежнее место, за дверную ручку.

Браз сидел во дворе за столом под зонтиком, ковырял авторучкой режиссерский сценарий и был так увлечен этим, что не заметил меня. Я пробрался в середину клумбы, срезал несколько самых свежих роз и с букетом направился к пожарной лестнице. Окно на втором этаже было открыто настежь, и я, сунув букет под мышку, полез вверх по пожарной лестнице. Достигнув уровня второго этажа, ступил на узкий карниз, ухватился за подоконник и осторожно сдвинул тюль в сторону.

Инга лежала на постели спиной ко мне и читала любовный роман. Я замахнулся и кинул букет на кровать, но не совсем рассчитал силу, и розы, оцетинившиеся шипами, упали девушке на бедро. Она взвигнула, а потом, увидев меня, сердито проговорила:

— Сумасшедший! Ты меня заикой так сделаешь!

— Извини, — сказал я. — У тебя дверь была заперта, а в замочную скважину цветы не пролезли.

Инга быстро оттаивала. Она собрала раскиданные по постели розы, поднесла тугие бутоны к лицу и глубоко вздохнула.

— Какое чудо!.. Ну, заходи, Карлсон.

Я влез в окно и сходу произнес:

— У меня к тебе деловое предложение.

— Ну? Предлагай, я слушаю.

— Отвлекись на минутку и прочти вот это, — сказал я, придвигая ей договор.

— Что это? — Инга взяла лист, поднесла его к глазам и бегло прочитала: — «Вацура... м-м-м... именуемый в дальнейшем «спонсор», и Браз Касьян Иванович...» Он, между прочим, не Иванович, а Светозарович.

— Это всего лишь проект, — объяснил я.

— «...заключили настоящий договор в том, что... м-м-м... передает, а режиссер принимает триста тысяч долларов США в любом эквиваленте...»

Голос ее становился все тише. Наконец она замолчала, медленно опустила договор и, взглянув на меня бессмысленным взглядом, прошептала:

— Это что?

— Там же по-русски написано. Я решил стать спонсором вашего фильма.

Мне показалось, что Инге сейчас станет плохо. С ее лицом происходило что-то трудно передаваемое. Казалось, девушка собирается плакать, кричать, смеяться одновременно.

— Ты? Спонсором? Но почему ты? Миленский, почему?

— Договор, конечно, я буду подписывать с Бразом, — сказал я, выждав многозначительную паузу. Но, прежде чем показать эту бумагу ему, я решил посоветоваться с тобой.

Инга кивнула, мол, правильно, очень верное решение.

— Прошлым летом в Закарпатье я нашел клад — ящик золотых монет, — продолжал я. — Но мое счастье было не полным. Найти золото — это еще полдела. Его надо легализовать или, как теперь говорят, отмыть. Я долго думал, как это сделать. Когда увидел, каким способом тебе приходится добывать деньги, чтобы продолжить съемку фильма, я решил стать спонсором... Продам золото антикварам, а доллары переведу на счет фильма. Мой процент с кассового сбора будет уже легальным источником дохода, к которому не прицепится ни одна прокуратура. Мне хорошо, и вам неплохо. Правильно?

Инга кивнула. Слеза сорвалась с ресницы и разбилась вдребезги о поверхность столика.

— Я бы сделал это раньше, — вдохновенно продолжал я, — но дело в том... дело в том, что мне мешал Виктор. Ты ведь еще многого не знаешь! Эта сволочь меня шантажировала! Он требовал деньги в обмен на молчание! Знаешь что, давай сейчас поднимемся ко мне, позавтракаем и на спокойную голову обсудим все детали договора. А уже после этого я буду говорить с Бразом.

Мы вышли на лестницу.

— Ты еще не был у себя? — спросила Инга и притворно зевнула.

— Нет, только приехал, — ответил я. — Был в сервисе, тормозные колодки менял.

Мы поднялись на третий этаж. Я нарочно шел следом за Ингой, хотя она еле передвигала ноги, надеясь, что я ее обгоню. Наконец она остановилась, повернулась ко мне и сказала:

— Я чувствую твой взгляд. Мне неприятно.

— А там, в твоем номере, ты говорила, что тебе приятно, когда я тебя рассматриваю, — тотчас нашел я отговорку, предоставляя ей возможность первой увидеть письмо в двери, а значит, первой отреагировать на него.

— Тебе почта, — сказала Инга нарочито безразличным голосом, подходя к двери, и прислонилась плечом к косяку.

Пришел мой черед вступать в игру.

— Черт возьми! — выругался я и, оттолкнув Ингу, выдернул конверт из-за ручки. — Так и знал! Опять двадцать пять!

— От кого это? — заморгала она глазами.

— Теперь уже не знаю, — ответил я, отпирая дверь. Зашел, на ходу разрывая конверт, встал у стола, прочел уже знакомый текст и со сдавленным стоном смял письмо в кулаке.

— Что?! — испуганно вскрикнула Инга.

— Кажется, я поторопился.

Она подошла ко мне, разжала пальцы и, выдернув из кулака письмо, стала его читать.

— Как это понять? — спросила она, подняв на меня взгляд.

— А понимать это надо так, что в одиннадцать вечера я должен буду отвезти все свое золото этому таинственному господину N.

— Кто он? Ты знаешь, кто этот человек?

— Теперь уже нет. А был уверен, что письма мне писал Виктор. Значит, я ошибался.

Инга села в кресло и закрыла лицо ладонями. Я нервно ходил из угла в угол.

— И что ты думаешь делать? — спросила она, не отрывая рук от лица.

— Ехать.

— А если послать этого N к черту? Пусть шлет свои писульки, пока у него бумага или чернила в принтере не закончатся.

— Я бы так и сделал. Но дело в том, что N грозитя перегнать в полицию машину. — Я поднял голову и выразительно уточнил: — Ту самую машину, которую ты побила.

— Может, блефует?

— Может быть, — согласился я. — Но у меня нет ни одного доказательства, что это блеф. А действительно, где машина?

— Как где? Мы же сдали ее в ремонт! — удивленно посмотрела на меня Инга.

— Сдать-то мы ее сдали. А вот забрать я ее не смог. Машину кто-то угнал из мастерской. Собственно, теперь понятно, кто это сделал.

— Не надо, — низким голосом произнесла она..

— Что — не надо? — не понял я.

— Не надо ехать на встречу.

— Ты хочешь сесть в тюрьму?

— Он блефует, я чувствую.

— Это все разговоры! — отмахнулся я и направился в спальню. — Разговор закончен! Я вывешиваю полотенце!

Инга, покусывая губы, встала в дверях, глядя, как я расправляю на подоконнике белое, в красных тюльпанах, полотенце и придавливаю его гантелью.

— В котором часу ты собираешься ехать?

— В половине одиннадцатого. Не позже.

— Я поеду с тобой. Если уж ты решил перевести деньги на счет фильма, то сам Бог велел мне побороться за них.

— Это очень опасно. Когда человек намерен получить треть миллиона долларов, он способен на многое.

— Я тоже намереваюсь получить эти деньги и тоже на многое способна. Ты еще меня не знаешь.

— Немножко уже знаю, — возразил я.

— Тогда не перечь.

— Договорились, — согласился я. — Поедешь со мной. Но будешь меня слушаться! Обещаешь?

Инга молча кивнула и спрятала лицо у меня на груди. Она, конечно, обещала, но думала совсем о другом.

ГЛАВА 30

За что я любил Романа, так это за его принципиальную пунктуальность. Договорились встретиться во дворе военкомата ровно в два — стоит, как Спасская башня, будто всю жизнь здесь стоял. Он сам выбрал для встречи этот уютный дворик, где два раза в год призывники прощались со своим детством. Вероятность того, что кто-нибудь из киношников увидит нас здесь, была равна нулю.

Я затормозил в тени акации. Роман открыл дверь, сначала поставил на сиденье ящик, напоминающий посылочный, а затем влез сам.

— Как у тебя здесь прохладно! — сказал он, блаженно помахивая перед лицом газетой.

— Все в порядке? Не тяни, показывай! — покосился я на ящик.

Роман поставил его на колени и сдвинул крышку в сторону. Зашелестела пергаментная бумага. Он опустил ладонь внутрь и выгреб горсть горящих солнцем монет.

— Ну? Что скажешь?

Я взял одну монету, рассмотрел ее, подкинул на ладони и кивнул:

— Годится. Не отличишь от настоящей. Сколько здесь?

— Полторы тысячи штук. Почти четыре кило. Не мало?

— Хватит! Поставь на заднее сиденье.

Я отсчитал несколько стодолларовых купюр и протянул Роману:

— Возьми за труды. Купишь что-нибудь жене и дочке.

Он взглянул на меня так, что мне стало не по себе.

— Не надо, Кирилл. У нас с тобой не те отношения, чтобы ты платил за мою верность тебе. Другьям не платят.

— Другья тоже есть хотят. И верные, и неверные, — возразил я и сунул деньги в карман его рубашки.

Роману стало неловко. Он помолчал, опустив голову, словно я его унизил.

— Да брось ты! Не комплексуй, — сказал я каким-то поганым бодреньким голоском, обхватил его затылок ладонью и притянул к себе. Мы боднулись головами.

— Где он еще не искал? — вернулся к нашему делу Роман.

Я раскрыл блокнот на чистой странице и нарисовал на нем схему гостиницы и прилегающей к ней территории.

— Смотри сюда: гараж он обследовал — вычеркиваем. Двор кафе забетонирован — вычеркиваем. Вот этот оазис с сиренью добросовестно перепахал в ту ночь, когда я был на съемках. Что у нас осталось? Два цветника при входе в бар.

— Там же чугунная калитка на замке! Как он туда пройдет?

— А я сегодня «забуду» ее запереть.

— Побойтся ковыряться в цветниках. Незаметно это сделать невозможно. Открытая площадка, твои окна сверху, — с сомнением покачал головой Роман.

— Он сможет! Хитрый, гад, саперную практику стал использовать. Знаешь, какую штуковину я нашел в его инструментах? Щуп! Это такой стальной штырь на палочке, мы что-то похожее в Афгане на разминировании использовали. Вгоняешь его в грунт, и, если на полметра ушел, значит — чисто, а если во что-то уперся — копай лопатой.

— Ты думаешь, там? — с некоторым скептицизмом спросил Роман и тотчас согласился: — Что ж, давай попробуем там.

— Сможешь все аккуратно сделать?

— Мне нужен как минимум час.

— С четырех до пяти. Мы поедем заказывать кафель для бассейна. Вот ключи от моего кабинета. В выдвижном ящике возьмешь ключ от калитки. Перед уходом не забудь все запереть! И, пожалуйста, сделай так, чтобы тебя никто не видел.

— Не беспокойся, — сказал Роман, пряча ключи в карман.

— В половине одиннадцатого я уеду вместе с девчонкой. Ты в это время уже должен сидеть с прибором ночного видения на Консульском замке и смотреть в оба!

— В оба не получится, — ответил Роман. — У прибора только один окуляр.

Походкой делового человека, у которого есть все, кроме свободного времени, я вышел из гаража через тыльную дверь и, стряхнув с плеча крошки щебня, поднялся на цокольный этаж. Доходяга, сидя на корточках, намазывал на ракушечный блок густой раствор. Я похлопал рабочего по спине и сказал:

— Зайди ко мне через минуту.

В кабинете он появился сразу же, как только я сел за стол. Переступил порог, низко пригнувшись, словно опасался задеть косяк, и стянул с головы белую от цементной пыли кепку.

— Я хочу спросить твоего совета, — сказал я, подпирая подбородок кулаком.

Рабочий переступил с ноги на ногу и кашлянул, прочищая горло для ответа.

— Я подыскал новую бригаду из двенадцати человек. Парни все крымские, дружные, работать умеют. Но вот бригадира я решил оставить прежнего — Романа. Что ты по этому поводу думаешь?

— Простите, хозяин, — после долгой паузы выдавил из себя Доходяга, — я не в порядке доноса, а так... ради совета.

— Я тебя ради совета и позвал.

— Ну... Я хотел сказать, что Роман — дурной человек.

— Почему же он дурной?

— Потому что зла вам желает. Оттого, что вы его со строительства прогнали, может вам сделать гадость.

— Так ведь не сделал же! Да и поздно уже. Я снова беру его на работу.

— А он злопамятный. Мстительный. А вдруг украдет у вас что? И тогда на всех рабочих тень упадет!

— Понятно, — ответил я и встал из-за стола. — Спасибо, что предупредил. Я буду за ним внимательно следить.

— Да как не предупредить! — засуетился Доходяга и тоже поднялся со стула. — Вы, хозяин, человек хоть строгий, но справедливый.

— Надень что-нибудь почище, — сказал я, — и поедem с тобой подобрать плитку для бассейна.

ГЛАВА 31

Ночное шоссе в свете фар напоминало ребро точильного камня. Мы бесшумно катились по нему, не видя в кромешной тьме ни гор, ни моря, и в свет фар, как мотыльки, попадали лишь белые ограничительные столбики. Было без четверти одиннадцать, мы подъезжали к сороковому километру трассы, соединяющей Ялту с Феодосией.

— Ты сумеешь его ударить? — спросил я Ингу.

Она была взволнована, напряжена, но старалась не показывать этого.

— Чем?

Я опустил руку, достал из-за сиденья графитовую теннисную ракетку и протянул ей.

— Как мячик, что ли? — усмехнулась Инга, проверяя кулаком натяжку струн.

— Нет, не как мячик. Ты должна ударить его ребром ракетки, как топором. И прямо по темечку.

— Я попробую.

— Пробовать у тебя не будет времени. Бить надо один раз и наверняка... Не бойся, это не смертельно. Ракетка, конечно, сломается, но его череп выдержит.

— А если он не просунет сюда голову?

— Просунет, — заверил я. — Ты должна быть предельно внимательной, как только я открою свою дверь, положу себе на колени мешочек с монетами и стану его развязывать... Потом я возьму горсть монет и покажу ему, чтобы он убедился, что это не «кукла».

— Понятно...

— И в этот момент левой рукой я схвачу его за волосы и затащу в салон. Ясно? А ты что делаешь?

— Ломаю ракетку об его голову....

Мы миновали пятидесятый километр, и я, как мне было предписано, развернулся в обратную сторону. Едва занял свою полосу, как нам навстречу из-за поворота вынырнул желтый «Запорожец». Не подав никаких сигналов фарами, он проехал мимо.

Мы с Ингой переглянулись.

— Либо это он, либо не он, — сказал я. — Но если это совпадение, то очень редкое.

Пока машина на черепашьем ходу взбиралась на перевал, я поглядывал в зеркало заднего вида, но ничего, кроме черноты, не видел.

Тем временем Инга, вытащив из мешочка одну монету, рассматривала ее с таким видом, словно выбирала себе украшение в ювелирной лавке.

— А если антиквару вместе с подлинниками подсунуть несколько таких монет? — спросила она.

— Настоящий антиквар сразу заметит фальшивку, — ответил я. — Положи на место и завяжи.

Сорок четвертый километр. Я опять развернул машину в обратную сторону. Не прошло и трех минут, как мимо нас снова проехал все тот же желтый «Запорожец».

Мы с Ингой одновременно выкрикнули какое-то нечленораздельное междометие. Я ударил ладонью по рулевому колесу.

— Это он! Можно не сомневаться!

— Но почему не подает сигнала?! — возбужденно спросила Инга, повернувшись назад и провожая взглядом два красных габаритных огня.

— Проверяет, нет ли за нами «хвоста». А может быть, его что-то насторожило.

Мы развернулись в очередной раз. Через минуту опять «Запорожец», и снова никакого сигнала!

— Стой! — вдруг закричала Инга и схватила меня за руку. — Я все поняла. Ничего у нас не выйдет. Он увидел, что нас двое. Он боится.

— Я же говорил, что тебе лучше остаться дома! — со злостью ударил я себя по колену. — Какого черта ты увязалась со мной?

— Не кричи на меня, — глухо произнесла Инга. — Я хотела как лучше...

— Хотела! — передразнил я. — Он не станет подавать нам сигнал и уедет. А завтра придет письмо с каким-нибудь совершенно безумным условием, и вся наша затея рухнет. Ясно тебе?

Она вдруг резко схватила с заднего сиденья свою сумочку, открыла дверь и, выставив ноги наружу, сказала:

— Попробуй проехать еще раз сам. Может быть, он решится подать сигнал. А я подожду тебя здесь.

— Хорошо. Ракетку только оставь. Спрячься в кювете и носа не показывай.

Я развернулся и погнал «ниссан» на подъем в таком форсажном режиме, что, взлетев на гребень, едва успел притормозить. Спереди на меня надвигались два световых пятна «Запорожца». Я выключил фары, придвинул голову к ветровому стеклу и почти остановился, предоставляя возможность этому вконец доставшему меня N внимательно рассмотреть внутренность салона.

И вдруг он подал два коротких сигнала и один длинный. Я тотчас затормозил и повернул голову, глядя, как «Запорожец» медленно удаляется на малом ходу. Он проехал еще метров сто, после чего ярко вспыхнули тормозные огни.

Я положил мешочек с латунными копиями на колени и открыл настежь дверь. Свежесть и шум ночного леса ворвались в салон. Однако N, он же Лембит, не спешил подойти ко мне или же прислать курьера. Ожидание развязки затянулось. Мне это уже казалось странным. Может быть, он сам забыл о своих же условиях и ждет, когда я подойду к нему?

Я вышел из машины и положил мешочек на капот. Вдруг легкий ночной ветер, смешавшись с шумом леса, донес до меня одинокий щелчок выстрела.

Уже через мгновение я не мог сказать определенно, показалось это мне или нет. До боли в глазах я всматривался в темноту. «Там же Инга!» — вдруг дошло до меня, и я почувствовал, как между лопаток пробежал холодок, и кинулся вперед по шоссе. Из темноты выплыло какое-то светлое пятно, а спустя несколько секунд я увидел Ингу, быстрым шагом идущую в мою сторону. В одной руке она держала босоножки, а в другой сумочку.

— Кирилл! — тревожным голосом позвала она. — Ты слышал что-нибудь? Поехали к «Запорожцу», мне кажется, мы уже никого не дождемся.

На малом ходу мы приблизились к машине, и я врубил дальний свет фар. Мотор работал на холостом ходу, двери были закрыты, внутри салона — темно.

Я коротко посигналил. Никакой реакции.

— Мне это не нравится, — покачала головой Инга.

— Мне тоже, — присоединился я.

Проехав еще пару метров вперед, мы поравнялись с автомобилем шантажиста. Сквозь покрытое бликами стекло я увидел смутный профиль водителя, неподвижно сидящего за рулем. Выйдя из машины, Инга подошла к «Запорожцу» и медленно взялась за ручку. Деформированная дверь открылась лишь со второй попытки, издав металлический скрежет.

Инга резко отшатнулась и прошептала:

— Господи!

Я дал задний ход, развернулся и вплотную подъехал к «Запорожцу». Ослепительный свет фар упал на мужчину преклонного возраста с аккуратной седой бородкой, усами и в черных очках. Он был одет в серую водолазку, туго обтягивающую его рыхлое тело и закрывающую шею. Левая рука в матерчатой хозяйственной перчатке лежала на руле, в правой он сжимал пистолет. Голова была опрокинута на залитую кровью грудь, а во лбу чернело пулевое отверстие.

— Поехали отсюда! — сказала Инга и нетерпеливо стукнула кулаком по панели.

Не заставляя девушку повторять, я резко взял старт и быстро набрал скорость. Инга подняла стекло и включила кондиционер, хотя в салоне было совсем не душно. Я косился на нее, а сам думал: «Осталось всего двое от той своры, которая хотела, чтобы я поделился золотом. Эта свора пожирает сама себя».

ГЛАВА 32

Наконец мы добрались до гостиницы. В голове у меня шумело, глаза слипались от усталости. Инга притулилась к моему плечу и изредка вздрагивала. Я подъехал к воротам гаража. Они были раскрыты настежь.

— Все-таки я выгоню его! — сказал я, въезжая в черное нутро гаража.

— Кого его? — спросила Инга, приподнимая голову и дурными глазами глядя вокруг.

— Доходягу.

— Кто это такой?! — требовательно спросила она.

— Мой рабочий. Выходи и перестань орать, а то разбудишь всех соседей. Инга стала вылезать из машины, зацепилась каблучком о порожек и растянулась на полу гаража.

— Послушай! — недовольно произнесла она, поднимаясь на ноги. — Что ты здесь понаставил?.. Пройти спокойно нельзя! Чуть не упала.

Я закрыл ворота гаража, взял Ингу под руку и вывел через дверь во внутренний дворик. К моему удивлению, она еще была способна соображать и сразу заметила:

— А почему калитка открыта? Кто здесь болтался в наше отсутствие? А? Я остановился как вкопанный и пробормотал:

— Чертовщина какая-то. Ключи от калитки есть только у меня.

Затем кинулся вперед, плечом распахнул чугунную дверь настежь и, упав на колени, со сдавленным стоном ударил кулаками по краю аккуратной ямки посреди цветника, схватил землю в пригоршни и швырнул ее в лицо Инге.

— Что?! — едва слышно прошептала она.

— Ничего!! — крикнул я, вскочил на ноги и стал неистово топтать цветы, потом прислонился к стеклянной стене и сделал вид, что зарыдал.

Инга взяла меня за плечи и повернула к себе:

— Ты мне можешь объяснить? Что произошло? Чего ты психуешь?

— Сейчас ты будешь психовать, — с мстительной угрозой произнес я, убирая ее руки со своих плеч. — Здесь, в этом цветнике, я закопал свое золото. И вот... осталась только ямка.

Казалось, до нее не сразу дошел смысл моих слов. Она нахмурила брови, долго рассматривала мое лицо и вдруг изо всей силы ударила меня по щеке, отвернулась и пошла по двору, откидывая ногой пластиковые стулья и выкрикивая:

— Мерзавец! Негодяй!

Дойдя до бетонной стены, уперлась в нее лбом и негромко засмеялась. Потом взяла себя в руки, вытерла ладонями щеки, вернулась ко мне и, избегая смотреть мне в глаза, неожиданно повеселевшим голосом произнесла:

— Шляпа ты, Кирилл! Кто ж золото в землю зарывает?

— Я. И еще, кажется, Буратино.

— Вот потому-то жизнь вас и наказала.

Нет, жизнь наказала меня за другое: я нарушил свое правило — после полуночи не пить, и утром страдал от головной боли и жажды. Вдобавок телефонный звонок курлыкал на редкость противно, отчего мне казалось, что кто-то сверлит мне череп мощным бошевским перфоратором.

— Ну? — раздраженно спросил я, приложив трубку к уху, которое после нежной ладони Инги несколько увеличилось в размере.

— Это я, — прозвучал молодой мужской голос, — Володя... Ну, короче, автослесарь. Из «Rodeo-motors».

— А-а! Ну, как жизнь, Володя из «Rodeo»? Что нового?

— Я это... Короче, помнишь, ты мне говорил про своего друга, которого «братки» замочили? В общем, я тут кое-что вспомнил.

— Давай выкладывай!

— Не знаю, пригодится тебе эта информация или нет... Короче, после того как он тачку конфисковал и выехал на шоссе, к нему какая-то баба молодая подсела. И я так думаю... баба эта не из наших краев. Прическа каре, очки по моде, короче, прикид понтовый. Я тогда сразу подумал, что не случайно она к нему подсела. Печенкой чувствую, что «братки» ее подслали.

— Она голосовала?

— Нет, не голосовала. Я так подумал, что она его специально ждала... Ну, как? Такая информация пригодится?

— Пригодится, Володя из «Rodeo»! Звони!

Я положил трубку на стол и пошел в душ. Перед зеркалом остановился, посмотрел на свое отталкивающее отражение и подумал: а что, приятно получить ненавязчивое подтверждение собственному таланту предсказания.

ГЛАВА 33

Роман самостоятельно поставил крест на нашей конспирации, без предупреждения пришел ко мне, упал в кресло и, направив на себя вентилятор, посмотрел на меня, как на карточного шулера.

— У твоей игры, оказывается, опасные игроки, Кирилл. Я не думал, что дело закончится кровью.

Мне ничего не оставалось, как пожать плечами.

— Чего ты молчишь? — спросил он.

— А что тебе сказать? Ты пришел с какой-то новостью, но кидаешь мне по кусочку. Я жду, когда ты все расскажешь.

— Что это за баба, твоя актриса? Ты ее вообще хорошо знаешь?

— Немного знаю.

— Что там у нее в прошлом? Она не рецидивистка?

— Вроде нет.

— Вроде! — криво усмехнулся Роман и провел ладонью по блестящему черепу, усеянному крупными каплями пота. — Приходит она сегодня к нам на стройку. Время — шесть утра. Я едва глаза продрал, а она за горло: где живет Доходяга?

— Ну?

— И я ей сказал! Ты же меня предупредил, чтобы я...

— Дальше, дальше! — поторопил я. — Суть в чем?

— Она ушла. Я еще поспал. Потом мои в магазин за молоком пошли. Возвращаются и спрашивают меня: «Кого это ты на Доходягу натравил? Там, вокруг его сарая, «скорая», полиция, народ толпится...» Не знаю, что там произошло, но ниточка может потянуться ко мне. Эти игры, Кирилл, мне ни к чему. Давай дальше без меня. Забери назад свои деньги, и закончим на этом...

Я смотрел на круглоголового низкорослого человечка, похожего на карлика, на его бронзовую лысину, на короткие ручки с толстыми пальцами и вдруг почувствовал, что перестал узнавать в нем своего школьного друга. А ведь ты трус, Ромчик, подумал я, ты был моим верным другом до тех пор, пока твоей шкуре ничто не угрожало.

Роман еще что-то говорил, но я уже его не слушал. Мое естество, мое внутреннее «я» уже вычеркнуло его из скудного списка людей, которым я мог верить.

— Хорошо! — сказал я и быстро поднялся со стула, показывая, что разговор закончен. — Извини, я не рассчитал твои возможности.

Роман понял, что, сам того не желая, сжег все мосты между нами. Он попытался дать задний ход, объяснить мне, что я не совсем правильно его понял, но я уже откровенно подталкивал его к двери.

Чтобы не привлекать к себе внимания, я пошел к котельной пансионата пешком. С моста спустился по тротуарной плитке, которой укрепили склон, потом по тенистому парку прошел до хозяйственного двора и оттуда уже свернул к котельной.

Рядом с фанерным сараем, который последнее время служил Доходяге ночлегом, стояли четыре полицейские машины, одна «скорая», и, непонятно зачем, еще подъехала пожарная. Не меньше двух десятков старушек полукольцом окружали машины. Шел процесс оживленной дискуссии.

Когда я приблизился к ним, на мгновение воцарилась тишина. Из сарая вышли санитары с носилками. На носилках, прикрытый короткой простыней, лежал Доходяга. Лицо было закрыто, но я узнал рабочего по обуви и руке, свисающей из-под простыни, с надписью «ГРИНЯ» на тыльной стороне ладони.

Следом вышли двое полицейских и мужчина в штатском. Я узнал в нем следователя Маркова. Остановившись перед входом, проводили взглядами носилки. Зеленый «УАЗ» с красным крестом на борту повез Доходягу в морг.

Я протиснулся через шеренгу старушек. Марков заметил меня, энергично кивнул и, протягивая руку, сказал:

— Я тебя искал! Слушай, мне какой-то парень звонил, что-то про наркотики говорил, на тебя ссылался — я ничего толком не понял.

— Володька? — уточнил я и замялся, потому что «легенда» на этот случай была не готова. — В общем, ты помнишь, я как-то частным сыском хотел заняться. Ну, кое-что по наркотикам зацепил. А потом раскинул мозгами, оценил свои возможности и пришел к выводу, что сам это дело не потяну. И дал своему осведомителю твои координаты. Ничего? Нормально?

— Нормально! — кивнул Марков и хрипло откашлялся.

Теперь можно было спрашивать Маркова обо всем, что меня интересовало.

— А что с этим Доходягой случилось? Это ведь мой рабочий.

— Правда? — спросил он, совсем не удивляясь этому известию. — Утром сегодня грохнули. Двумя выстрелами в голову из «Макарова»...

— А кто грохнул, выяснили?

— Пока нет... А-а! — вспомнил он и полез в карман. — Вся его конура была засыпана этой ерундой. — Раскрыв ладонь, он показал мне латунный кружочек с рельефным изображением всадника. — Думали, что настоящие, а оказались поддельными. Теперь будем искать, где их штамповали, кто заказчик... Не поможешь нам?

— Нет, к сожалению, не смогу, — ответил я.

— Ну, как знаешь, — ответил Марков. — Тогда бывай! Будет что сказать — заходи.

Я повернулся и пошел прочь, испытывая единственное желание: как можно реже встречаться с Марковым. Теперь из всей своры остался всего один человек, подумал я, поднимаясь по плиткам на мост.

Но ошибся ровно на одного человека.

ГЛАВА 34

Я уже доехал до развилки, как вдруг вспомнил, что сегодня вторник, а забрать плитку для бассейна надо было в среду. Пришлось тут же разворачиваться на круг и ехать к автовокзалу.

Сбросив скорость, я прокатился вдоль посадочных платформ, глядя на толпы белокожих курортников, вываливающихся из автобусов, как вдруг из-за округлой кормы «ЛАЗа» мне под колеса кинулась женщина.

Я вдавил в пол педаль тормоза, крепко выругался и вывернул руль влево. Ничего страшного не произошло, спасенная женщина счастливо помахала мне рукой, и я уже был готов ехать дальше, но неожиданно меня окатила волна мистического ужаса. Чувствуя, что мне сейчас станет дурно, я машинально выключил зажигание и, перебравшись на соседнее сиденье, прижался носом к стеклу.

К машине шла Лебединская.

— Как хорошо, что я тебя встретила! — громко говорила она, дергая за ручку снаружи.

«Если это сумасшествие, — подумал я, — то важно выяснить, как долго оно длится».

Она все-таки открыла дверь. Я отшатнулся и вцепился в руль.

— Ты домой? — спросила она. — Возьми сумку, пожалуйста! Сестра надавала всего подряд...

Я перехватил из ее рук большую спортивную сумку, сунул ее между собой и рулем и вдруг почувствовал, как ужас схлынул, напряжение спало, и на смену им пришел идиотский смех.

— Ты чего развеселился? — спросила Лебединская, глядя на меня с некоторой подозрительностью.

Я вытирал кулаком слезы, всхлипывал и ловил ртом воздух.

— Да так... Анекдот вспомнил... Вы где были?

— У сестры в Коктебеле, — ответила она, немного сбита с толку моим припадком веселья. — У меня же отпуск. Разве я тебе не говорила?

— Говорили, говорили, — бормотал я и кивал головой. — Это очень хорошо, что у вас отпуск. Вы даже представить себе не можете, как это хорошо...

— Ты какой-то странный, Кирилл, — настороженно посмотрела на меня Лебединская.

— Это очень мягко сказано, тетя Шура. Я не то что странный, я вообще в дегенерата превратился... Бога ради, простите меня!

Мы приехали в Уютное, промчались мимо музея, а когда я подрулил к ее подъезду, она повернулась ко мне и спросила:

— Ты мне сумку поможешь занести? А я тебе сальца отрежу.

— Я очень спешу, тетя Шура! — ответил я, приложив руку к сердцу. — Мне вообще-то надо было в Щебетовку за плиткой. Через полчаса они закроются. Времени — в обрез!

Лебединская покачала головой, взялась за сумку сама, недовольным голосом произнесла:

— Ты очень изменился, Кирилл! Какой-то ты не такой стал! — и, хлопнув дверью, пошла к подъезду.

Я, как жалкий трус, помчался к себе домой. Мне нужно было принять ледяной душ, выпить можжевелевой водки и, уединившись в кабинете, подумать над тем, что, в конце концов, творится в этом дурном и донельзя запутанном мире?

Если я не сошел с ума, значит, Лебединская жива. Мало того, она, по всей видимости, в недавнем прошлом не попадала под колеса автомобиля. Отсюда вытекает, что она не попадала под колеса «шестерки», за рулем которой находилась Инга. Следовательно, Инга не сбивала Лебединскую. Точнее, она сбивала не Лебединскую.

А кого?!!

Стоп! — сказал я сам себе и невольно надавил на тормоз. А кто вообще первый сказал, что Инга сбивала Лебединскую? Да я же сам и сказал! Сам поднял панику, когда услышал от Инги про пирожковую и брючный костюм!

Конечно, когда-нибудь придется выяснить, кого же на самом деле сбивала Инга. Кто та женщина, которая несколько дней назад, в два часа дня, проходила по пешеходному переходу в Вишневом проезде?

А была ли она вообще? А кровь! Вмятина! К тому же в криминальной сводке сообщение о наезде! Сплошные загадки!

Я заехал в гараж, вылез из машины и нос к носу столкнулся с Бразом. Он был страшно бледен, а его глаза — неестественно блестели так, словно он поставил себе контактные линзы.

— Привет! — фамильярно приветствовал я его, взмахнув рукой. — Что нового на поприще киноискусства?

— Инга погибла, — глухим голосом произнес режиссер.

ГЛАВА 35

Он провел ручкой по бланку, чертыхнулся и бросил ее на стол.

— Пальцы не шевелятся, — сказал Браз. — Давайте-ка вы, у вас нервы покрепче.

Я склонился над круглым столиком, взял новый бланк телеграммы.

— Вот адрес. — Браз придвинул ко мне смятый конверт. — Коктебель, Приморский бульвар, дом шесть. Арабову Н. Н. Не знаю, как его имя и отчество. Никогда еще не отправлял такие телеграммы, — признался он. — «Срочно выезжайте, погибла дочь»... Нет, не то, это ужасно! У него не выдержит сердце!

— А что вы предлагаете? — нахмурился я.

— Надо как-то помягче.

— О гибели дочери мягко сказать невозможно.

— Ну, пишите, как знаете! Пишите: «Выезжайте в Судак в связи со смертью Инги»... — Он поморщился и покачал головой: — Я постою на улице, мне, кажется, становится дурно.

Я сочинял скорбный текст и еще не верил до конца, что Инги больше нет. Всего несколько часов назад, минувшей ночью, она была весела и беззаботна, строила планы на будущее, мечтала о новых ролях и вскользь упоминала о кинофестивале в Каннах. А сейчас Инга лежит на дне Черного моря, холодная, безразличная ко всему, навеки похоронившая в себе свои пороки, надежды и несбывшиеся мечты.

Из путаного рассказа Бразы мне стало известно, что Инга погибла сегодня утром, отказавшись от услуг каскадера. Трюк, который она выполняла, был относительно несложным. Дельтаплан с мотором завис над движущимся катером, Инга схватила фал с карабином, пристегнулась к страховочной обвязке, и дельтаплан поднял ее в воздух. Вот, собственно, и все, что должно было попасть в кадр. Затем дельтаплан должен был пролететь над мелководьем на малой высоте, а Инга, отстегнувшись от фала, упасть в море, где ее поджидала группа спасателей.

Браз утверждал, что карабин был исправен и раскрывался очень легко. Как бы то ни было, но в воздухе с Ингой что-то случилось. Похоже, что ее охватила паника. Не дождавшись, когда дельтаплан сделает вираж и подлетит ближе к берегу, к безопасному месту, она перерезала ножом фал и упала в море в двух километрах от берега.

Пилот заметил не сразу, что тащит за собой лишь обрезок веревки, и потому не смог точно запомнить место, куда упала Инга. Когда дельтаплан пролетел над местом прыжка, никто ничего не понял, в том числе и спасатели, ожидавшие Ингу. Началась неразбериха. Постановщик трюков связался с пилотом по радио и стал выяснять, куда подевалась актриса. Пилот в свою очередь обложил всех матом и ответил, что в его обязанности входило следить за курсом и высотой, а не за игрой актрисы.

Группа водолазов, которую срочно вызвали из Феодосии, прибыла лишь час спустя, таким образом, поиски Инги начались с большим опозданием. Как назло, погода резко испортилась, на море появились «барашки», вода стала мутной. Вертолет ВВС, прибывший на поиски, сделал всего лишь круг над предполагаемым местом падения Инги и улетел на базу в связи с ухудшением погоды. Поиски были прекращены. Спасатели, разводя руки в стороны, вынесли свой вердикт: без специальных плавсредств и при такой волне девушка вряд ли смогла бы продержаться на воде больше часа.

Я набрал номер Маркова. Не дав мне раскрыть рта, он сходу заговорил своим хриплым голосом:

— Ты знаешь, старина, эти киношники за неделю мне столько работы навалили, сколько я за весь год не видел! Извини, ничем не могу тебе помочь.

С оператором, который снимал последние мгновения жизни Инги, я тоже не смог поговорить. Его надолго заняла следственная бригада, приехавшая из Симферополя.

Находиться рядом с плачущим Бразом, помогая ему решать все вопросы, связанные с вызовом родственников и оформлением страховки, было невыносимо, и я незаметно смылся от него и поехал на стадион. Как и предполагал, все полеты на дельтапланах были отменены, а техники убивали время за игрой в карты и разделкой сушеной рыбы.

Как только я заглянул в вагончик, один из них узнал меня и, подмигнув, спросил:

— Опять за машиной проследить надо? Нет, браток, сегодня полетов не будет. У нас ЧП...

— Мне нужен Ник, — сказал я.

Воцарилось молчание.

— А ты не в курсе, что случилось? — спросил кто-то из темного угла.

— В курсе, — ответил я.

— Ника все утро в ментовке мурыжили. Вляпался он с этим кино, — пояснил техник.

— А сейчас он где?

— Где, где! В «Якоре» водку жрет... — ответили из темноты. — Ты вот что, парень! Ты сегодня не донимай его полетами, хорошо? Ему не до полетов. Сам понимаешь — на его аппарате, считай, баба разбилась.

Я молча кивнул и вернулся к машине.

«Якорь» — бар без окон, невероятно прокуренный и одинаково темный в любое время суток. Когда я спустился, то минуту или две не видел ничего, кроме стойки и разнопородных бутылок на полках.

Ник уже спал, уронив голову на стол, заставленный пустыми стаканами. Я подумал, что опоздал как минимум на два часа, и теперь мне вряд ли удастся поговорить с пилотом. Но едва я сел рядом с ним, как Ник поднял голову, выдернул из-под стола руку и, протянув ее мне, отчетливо проговорил: — Здоров! Будь другом, закажи чего-нибудь.

Я подозвал бармена, попросил две порции джин-тоника и очень крепкого кофе.

— Я тебя узнал, — сказал Ник, сделав глоток. — Ты пришел свести со мной счеты?.. Так давай не тяни! Бей!

— Перестань, Ник, — ответил я. — Какие счета? При чем здесь ты? Я не за этим пришел. Расскажи, как все было.

— Это была твоя девушка, и я тебя понимаю. Но, поверь, я ни в чем не виноват. Это просто несчастный случай. Она оказалась не готова... У нее, наверное, началась паника из-за боязни высоты... Я начал разворот, а при этом маневре уже не замечаешь, есть груз на фале или нет. Когда я долетел до места прыжка, подо мной болталась только веревка.

— Нет, Ник, нет! — сказал я и придавил своей ладонью его руку. — Это ты рассказывал следователю. А я хочу знать правду!

— Отстань! — обозленно выкрикнул он, выдергивая руку. — Я сказал тебе то, что было.

— Ты врешь!

Ник схватился за чуб, провел ладонью по лицу и вдруг надрывно крикнул:

— Да я тебя жалею! Ты понимаешь? Тебя! Паника тут, конечно, ни при чем. Она прекрасно переносила высоту. Смотрела на меня снизу каким-то страшным взглядом и медленно вытаскивала из чехла десантный нож... Я ей кричу: «Дура! Ты что делаешь?! Рано!» А она только головой качает, усмехается и подносит нож к фалу. А до берега еще километра два, и высота большая. Ну, я тогда понял, что она задумала, попытался быстро сбросить высоту, но было поздно. Она что-то крикнула мне, по-моему, «Прощай!» или «Прости!» и одним ударом перерубила фал... Тогда я тебя и вспомнил. Так и подумал: поругались, вот девчонка и решила назло тебе из жизни уйти... — Он замолчал, потом поднял на меня глаза и глухо проговорил: — Но не советую кому-либо рассказывать об этом... Да тебе самому, наверное, это не надо. Так?

— Так, — подтвердил я.

ГЛАВА 36

Что-то со мной происходило. В душу заползла какая-то смутная тревога или далекий отголосок совести. Неопределенное ощущение того, что я допустил серьезную ошибку, где-то переиграл, поступил так, как не должен был поступать, не давало мне покоя весь день. Пребывая в легком недомогании, прислушиваясь к себе, я сидел в своей резервации и тихо попивал ледяной «Бифитер». Это от переутомления, говорил разум, привыкший всегда мыслить четко и ясно. Нигде не было допущено ни одной ошибки. Партия сыграна великолепно. Все, кто претендовал на мое золото, наказаны, причем я не превысил свои полномочия, не взял на себя роль ни судьи, ни палача. Судьба сама распорядилась ими.

Зашел проститься Браз. Он уезжал в Ялту расторгать с Черновским контракт на фильм.

— Он предложил другую девочку, внешне очень похожую на Ингу, которая могла бы сыграть главную героиню, — бормотал Браз. — Но я ухожу. Если он так хочет, то пусть ищет другого режиссера. А я ухожу... Прощайте, Кирилл! Я вам желаю, чтобы вы все-таки сыграли роль Странствующего Рыцаря. Жизнь, по большому счету, куда важнее кино.

Я не помнил, встречал ли когда-нибудь более несчастного человека.

В четвертом часу неожиданно позвонил мой приятель из газеты Игнат Варданян. Мне показалось, что он звонит из другого мира, легкомысленного и суетливого. Он несколько раз скороговоркой спросил меня о чем-то, но я никак не мог понять, что он от меня хочет.

— Ты что, пьян? — заорал Игнат, потеряв терпение. — У меня каждая минута на счету, а ты переспрашиваешь, как глухой немого! Она будет верстку подписывать? Или я запускаю в таком виде, как есть, но потом пусть не обижается!

— Какую верстку? — спросил я тихо. — Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Вер-стку ин-тер-вью! — по слогам сказал Варданян. — Инга дала мне интервью, теперь надо вычитать и подписать верстку! Дошло?

Я вскочил с кресла.

— Что? Инга дала тебе интервью? Когда?

— Вчера утром... А чего ты так удивляешься? Мы же договаривались!

— Ах, черт! Сиди в редакции, я сейчас приеду!

Через пять минут я уже был у Варданяна в редакции. Он сидел спиной ко мне у монитора, но, как только я зашел, тотчас крутанулся на офисном стульчике и протянул мне тонкую стопку листов с текстом.

— Давай! Сейчас половина четвертого. Значит, не позже семи верстка должна лежать у меня на столе. И предупреди ее, пусть читает внимательно!

Я сел на свободный стул, положил текст перед собой и, поддерживая голову руками, склонился над ним.

— Эй, импресарио актрисы! — удивленно окликнул меня Игнат. — Ты что же, за нее читать будешь?

Я не ответил. Я уже не слышал Варданяна. В сознании всплывало лицо Инги. И мне казалось, что я слышу ее голос.

«И. АРАБОВА: Давайте изменим привычную форму интервью. Я буду говорить то, что считаю нужным, а вы потом расставите по тексту вопросы.

И. ВАРДАНЯН: Уже в этом чувствуется ваша неординарность и желание идти не проторенной дорогой, а своим путем. И все же хочется, чтобы вы немного рассказали о себе.

И. А.: Мой папа живет в Коктебеле, а в Судаче есть тетушка. Больше родственников не имею. Всего в жизни добивалась сама. Никто ничем ни разу мне не помог.

И. В.: Это тем более странно слышать, глядя на вашу внешность. В ней столько одухотворенного начала, столько женственности, столько целомудрия...

И. А.: Давайте говорить по существу. Целомудрия, о котором вы заикнулись, во мне не было никогда. С шестнадцати лет я занималась проституцией, зарабатывая себе на жизнь и красивую одежду. Я искала клиентов у гостиницы «Ялта», где часто останавливались съемочные группы. Я бредила кино. Я не просто мечтала стать актрисой — я шла к этой цели напролом, как танк.

И. В.: Давайте поговорим о фильме, съемки которого идут сейчас в Судаче. Если не ошибаюсь, вы играете две роли: графини Лавани и эстонской девушки Марты Лехтине. Насколько схожи эти две разные женщины, которых разделяют не только века, но и...

И. А.: О моих ролях уже нет смысла говорить. «Час волка» никогда не выйдет на экраны.

И. В.: Но почему?

И. А.: Во-первых, потому, что нет денег закончить съемки. И даже все старания нашего продюсера Черновского не спасут положения... Когда он пригласил меня сниматься в роли графини и Марты, то сразу предупредил: «Готовься, девочка, зарабатывать на фильм». Тогда, несмотря на раскованную жизнь, я еще не знала, что это значит. Желание стать кинозвездой оттеснило на второй план все остальные проблемы.

И. В.: И что значили слова продюсера?

И. А.: Черновский предложил мне сняться в порнографическом фильме. Он был убежден, что нетривиальное отечественное порно будет пользоваться большим успехом у нас и за границей.

И. В.: И вы, конечно, отказались.

И. А.: Я, конечно, согласилась. Год меня насиловали перед камерами. Я все ждала, когда Черновский скажет: «Все. Мы богаты. У нас достаточно денег, чтобы снять "Час волка" до конца». Но не дождалась.

И. В.: Хорошо, вы назвали первую причину, по которой, на ваш взгляд, фильм не выйдет на экраны. А вторая причина?

И. А.: О второй вы узнаете очень скоро.

И. В.: Эта причина тоже финансового характера?

И. А.: Нет, личного.

И. В.: И все же вы остались в границах своей профессии. Не важно, какими ролями вы зарабатывали деньги. Важно, что вы зарабатывали их актерским трудом. И это уже достойно уважения.

И. А.: Только я знаю, за что меня можно уважать, а за что нет. И насчет актерского труда вы сильно заблуждаетесь. Я же вам говорила, что за съемки в порнофильме Черновский не заплатил мне ни гроша! Мне пришлось искать другой источник дохода.

И. В.: И вы его нашли?

И. А.: Да, я его нашла. Я пошла на преступление. Я убила человека... Что вы замолчали? Спросите что-нибудь!

И. В.: М-м-м... Я полагаю, что это метафора. Вы хотели сказать, что нанесли кому-то сильную душевную травму...

И. А.: Я хотела сказать, что двадцатого июня в два часа дня в Вишневом проезде я умышленно сбила пожилую женщину.

И. В.: Но зачем?

И. А.: Это был грандиозный план! Такое разве что могло прийти в голову только Агате Кристи... Представьте: в Судаке живет богатый коммерсант, и мне становится известно, что он прячет у себя дома чемодан с долларами — всего на полмиллиона.

И. В.: В Судаке, наверное, вряд ли есть такие богатые коммерсанты.

И. А.: Вы плохо знаете свой город... Так вот. Еще мне стало известно, что он любит красивых женщин, и недавно у него произошла размолвка с любовницей.

И. В.: Вы решили его обольстить.

И. А.: Правильно! Но это надо было сделать ненавязчиво, чтобы не вызывать у него подозрения. Я устроилась в местную автошколу и нашла подходящего инструктора — обиженного и завистливого лоха по имени Виктор, который, как оказалось, был должником коммерсанта. Я посвятила Виктора в свой план. От него требовалось на пару дней уступить место инструктора коммерсанту.

И. В.: А как вам удалось уговорить коммерсанта стать вашим инструктором?

И. А.: Никого я не уговаривала. Достаточно знать психологию бабника. И вот в один прекрасный день я грубо нарушаю правила и «подрезаю» его автомобиль. Естественно, обе машины останавливаются, мы все выходим, выясняем отношения. Коммерсант сразу положил на меня глаз. Я как бы невзначай обронила, что мне трудно учиться вождению, а Виктор «выдал», что я актриса кино. Коммерсант сам заглотил крючок. Вскоре он попросил Виктора на пару дней освободить место инструктора и сам занял его.

И. В.: Да это просто захватывающая детективная история!

И. А.: Это грязная история. На второй день, как моим инструктором стал коммерсант, я подгадала момент, осталась в машине одна, заехала в пустынный проулок, остановилась неподалеку от пешеходного перехода

и стала ждать свою жертву. Через пару минут на дороге появилась пожилая женщина. Я взяла резкий старт с места и сбила ее. От удара отскочил декоративный колпак, который я подняла и закинула в кусты... На большой скорости снова выехала на центральную улицу, выбежала из машины и умоляла коммерсанта как можно скорее уехать за город. Сам того не подозревая, он становился соучастником преступления. Час спустя я обо всем ему рассказала. Он был в шоке.

И. В.: А вы не боялись, что он донесет на вас в полицию?

И. А.: Нет. Я сыграла на его жалости ко мне. И он взял мой грех на свою душу. Но, должна признать, он не поддался панике и тотчас отогнал машину со следами удара и крови в какой-то заброшенный автосервис. Мальчишка-слесарь взялся отремонтировать машину до вечера. Я поняла, что могу утратить серьезный козырь. Спустя несколько часов я встретилась с Виктором и сказала ему, что надо срочно забрать из сервиса учебную машину. Как раз в те дни в автошколе шли экзамены, было много полицейских, которые в обеденные часы переодевались и уходили на пляж. Виктор воспользовался формой одного инспектора, я наложила ему на лицо грим, надела парик, и на такси мы поехали в сервис. Там без особых проблем Виктор «конфисковал» машину и перегнал ее к себе домой.

И. В.: Я до сих пор не понял, какую роль в этой истории играет коммерсант.

И. А.: Слушайте! Я тем временем составила письмо, которое отпечатала на принтере в фирме полиграфических услуг, и подкинула его коммерсанту.

И. В.: Шантаж?

И. А.: Правильно! Я пригрозила, что, если он не выдаст мне определенную сумму, то битую машину и колпак от нее передам полиции. И события развивались бы по моему сценарию, если бы не Виктор.

И. В.: Он выдал вас коммерсанту?

И. А.: Ничего подобного! Он обнаружил на машине следы крови и струсил.

И. В.: А разве он не знал о том, что вы сбили женщину?

И. А.: Нет, я говорила ему, что я лишь сымитирую наезд. Увидев кровь, он понял, что машина теперь становится страшной уликой, а он — соучастником преступления. Скорее всего, он испугался, что я обману его еще раз, подставлю полиции, а сама исчезну вместе с деньгами. Как бы то ни было, но Виктор стал вести двойную игру. Он вроде бы оставался со мной, а в то же время разработал свой план. Но его погубила жадность. Он тщательно отмыл свою машину, частично отрихтовал и покрасил передок, убрав все следы преступления. После этого познакомился с одним из рабочих, который делал в доме коммерсанта ремонт, и рассказал ему о деньгах, кото-

рые были закопаны где-то во дворе. Они решили убить коммерсанта, чтобы он случайно не помешал поиску денег.

И. В.: Неужели убили?

И. А.: Нет, Виктор просчитался. Он по ошибке убил другого человека. А потом сам свалился ночью со скалы и разбился насмерть. Коммерсант, уже давно подозревавший Виктора, вздохнул с облегчением. Он решил, что шантаж на этом закончился. Но я стала действовать еще жестче и наутро подкинула ему новое письмо, где мои требования были поставлены в ультимативной форме. К тому же я похитила у своего режиссера пистолет Макарова, который намеревалась применить в том случае, если коммерсант будет упрямиться. А он вдруг сделал неожиданный ход, кинув мне крючок с наживкой, и я даже не заметила, как проглотила его.

И. В.: Значит, он вас подозревал?

И. А.: Конечно! Но тогда я об этом не знала.

И. В.: Что же это был за крючок?

И. А.: Он вдруг предложил мне деньги. Большую сумму. Ту самую сумму, которую я требовала у него в анонимных письмах. Я растерялась. Я подумала, что он любил меня и искренне захотел помочь моему фильму.

И. В.: Вы согласились принять эти деньги?

И. А.: Да! Конечно! Но теперь надо было тихо вывести из игры мою вторую роль — неизвестного шантажиста, автора писем, который подписывался буквой N, потому что коммерсанта серьезно волновали эти угрозы. Я подговорила одного очень близкого мне актера, чтобы он сыграл роль шантажиста, который должен был на наших глазах разыграть самоубийство. Все получилось прекрасно. Мой коммерсант был удовлетворен. Счастливые, что все закончилось благополучно, мы вернулись к нему домой...

И. В.: Извините, перебую вас! А что случилось с рабочим, который был в сговоре с Виктором?

И. А.: Как раз о нем я и собиралась сказать. Пока хозяина не было, рабочий перерыл весь двор, нашел ящик с долларами и ночью унес его в свой сарай, где он ночевал. Коммерсант тотчас заметил пропажу, но даже не мог предположить, чьих рук это дело.

И. В.: А вы знали?

И. А.: Да.

И. В.: Но почему не сказали об этом коммерсанту? Ведь все равно эти деньги он намеревался отдать вам?

И. А.: Дать в долг, но не подарить! За свое спонсорство коммерсант хотел получить большой процент от проката нашего фильма. Условия, которые он поставил, были просто грабительскими.

И. В.: И потому вы решили действовать в одиночку?

И. А.: Да, именно потому. Адрес, где жил этот рабочий, я узнала у его бригадира и рано утром зашла в сарай, где рабочий спал в обнимку с ящиком.

И. В.: Вы предложили ему поделиться с вами?

И. А.: Я дважды выстрелила ему в голову из пистолета Макарова, потом взяла ящик и открыла его.

И. В.: Даже не смею предсказать...

И. А.: Доллары были фальшивые.

И. В.: Невероятно! Инга, я не просто в шоке, я раздавлен... Не нахожу слов... Вы рассказали о себе такое! Как все это понимать?..

И. А.: Я вышла из сарая, отчетливо понимая, что случилось самое страшное. Я вдруг поняла, что безумно полюбила этого коммерсанта, и что мои чувства окутаны плотным слоем пороков, грязи и денег. И среди всего этого я увидела истинную ценность — любовь, которой мне так не хватало всю жизнь...

И. В.: Я не могу слушать это спокойно. Посмотрите, на мои глаза наворачиваются слезы!

И. А.: Значит, фильм будет удачным.

И. В.: Простите?

И. А.: Я пересказала вам сценарий фильма.

И. В.: Господи! Да вы же мне сердце посадите! Инга, нельзя же так издеваться над простым репортером!

И. А.: Извините. Ваше время истекло. Я должна идти на съемки».

Я поднял голову. Кабинет плыл перед моими глазами.

— Ну, импресарио? Что скажешь? — возбужденно спросил Игнат. — Правда, слезу вышибает?.. Вижу, вижу, что тебя проняло. Давай подписывай, и я отдам на правку!

Я смял листки в кулаке и произнес:

— Игнат, это интервью ты публиковать не будешь.

— Что?! — поморщился он. — С чего это вдруг я не буду его публиковать?

Я встал со стула, мелко порвал листы с интервью и кинул обрывки в урну.

— На какой машине файл с интервью? — спросил я, оглядывая столы с компьютерами.

— Ты что, взбесился? — Игнат привстал со стула и закинул на затылок свой длинный чуб, раскачивающийся перед глазами. — Ты в своем уме?! Ты что здесь хозяйничаешь?!

— Инга погибла вчера утром, час спустя после того, как ты с ней разговаривал. Погибла при выполнении трюка. Это интервью очернит память о ней. Твои идиоты-читатели все поймут не так, как надо.

— Нет! — рубанул рукой по воздуху Игнат. — Такая удача бывает раз в сто лет! Это же сенсация, понимаешь?

— Твоя сенсация пахнет дерьмом!

— Но почему?! Разве я что-то придумал? Переписано с диктофона слово в слово!

Он поступил опрометчиво, протянув мне диктофон. Я взял его, нажал кнопку воспроизведения, услышав голос Инги, вытащил кассету и, как галету, разломал ее на четыре части.

— Ты что?! — диким голосом заорал Варданян, кидаясь ко мне. — Да это же доказательство! Что ты наделал!

Я оттолкнул его от себя и повторил:

— Ты не будешь публиковать интервью.

— Буду! — с ненавистью глянув на меня, выкрикнул Игнат. — Такое бывает раз в сто лет! Предсмертная исповедь актрисы! Да у меня это интервью с руками оторвут зарубежные издания! Это пахнет такими бабками, что тебе и не снилось! Я же тебя, дурака, в долю хочу взять!

— На какой машине записан файл?!

— Ни на какой! — огрызнулся Игнат. — После того, что ты сделал, я с тобой вообще разговаривать не хочу.

— Ладно, — сказал я, сел за ближайший компьютер и набрал команду форматирования жесткого диска. На экране монитора появилось грозное предупреждение, что в случае форматирования жесткого диска все данные на нем будут уничтожены. — Интервью ты публиковать не будешь, — еще раз повторил я и нажал клавишу.

Вопль Варданяна оглушил меня.

— Да! Да! — орал он. — Я скажу! Останови!

Я набрал «PAUSE». Гильотина остановилась над редакционными архивами.

— Здесь, — прошептал Варданян, кивнув на другую машину, и вытер крупные капли пота со лба. — Я сам. — Он сел за компьютер, выбрал файл и открыл его, убеждая меня, что это именно тот самый файл с интервью. Потом нажал кнопку «DELETE» и усталым голосом спросил: — Ты доволен?

Я склонился над клавиатурой и стер еще и копию файла.

Игнат скрипнул зубами и потухшим взглядом уставился в экран.

— Если ты все-таки восстановишь его, — предупредил я, — друзьями мы уже никогда не будем.

— А мы и так уже не друзья, — ответил Игнат.
Я больше ничего не сказал, повернулся и вышел.

ГЛАВА 37

Одноклассник Роман со своей бригадой ко мне не вернулся. Несколько дней они сооружали сцену и скамейки в Крепости для фестиваля, а потом вообще уехали из Судака.

Игнат Варданян при встрече со мной перестал здороваться и делал вид, что мы незнакомы.

Я запил. Мысли об Инге не давали мне покоя. Душу терзало чувство, которое называют совестью, хотя разум не уставал твердить, что она убийца и дрянь, каких еще свет не видывал.

Можно было бы поставить точку в этой истории. Но в моем уставшем воображении время от времени всплывало всего два вопроса, на которые я не смог дать ответа и которые заводили меня в тупик. В интервью Инга почему-то ничего не сказала об убийстве антиквара Кучера. Я не сомневался, что это ее рук дело, и хорошо представлял, как все произошло. Она зашла во двор, сказала Кучеру, что хочет поговорить с ним об антикварном золоте, предложила ему уединиться в гараже, там брызнула ему под нос из баллончика с нервно-паралитическим газом, а когда Кучер упал на пол, подтащила его к выхлопной трубе и завела машину.

Но я не понимал, зачем она это сделала?

И второй вопрос: кто же все-таки этот Лембит Лехтине? Кто этот человек, который интересовался у Лебединской старинными монетами за день до того, как я впервые встретился с Ингой?

Совсем некстати вдруг объявилась Анна. Она приехала без всякого предупреждения и зашла ко мне в резервацию в тот момент, когда я меньше всего хотел, чтобы она меня видела. Трехдневный запой со всеми вытекающими отсюда последствиями!

Анна кинула сумку на входе, подошла ко мне, глянула на столик, заставленный бутылками, тарелками с шелухой от креветок, кусочками засохшей колбасы и хлеба, скептически осмотрела мое небритое лицо, села напротив и спокойно, будто ничего особенного не происходило, сказала:

— Привет! Как отдохнул?

— Хорошо, — ответил я и икнул.

— По тебе заметно.

Я многозначительно развел руками и почесал щетину.

— А мы тебя искали, — сказала Анна.

— А кто это «мы»? — уточнил я.

— Я и Влад.

— Интересно, — пробормотал я. — И где это вы меня искали?

— В Анталии.

Я чуть не поперхнулся джином, отставил стакан и сказал сиплым голосом:

— Лучше бы в Австралии.

— Разве ты не был в Анталии? — осторожно поинтересовалась она.

— Нет! — признался я.

— А куда же ты ездил?

— Когда?

Разговор зашел в тупик. Анна чего-то не понимала. Как, собственно, и я.

— Подожди! — вдруг нахмурилась она. — Ты можешь все объяснить? Куда ты недавно ездил?

— В Щебетовку. В Новый Свет...

— Хватит! — ударила ладонью по столу Анна. — Зачем тогда ты давал телеграмму, если никуда не собирался?

— Телеграмму? — переспросил я. — Я отправлял ее не тебе, а Арабову.

— Какому Арабову? Арабов... Почему эта фамилия мне знакома? Ну, конечно! В прошлом году я отправляла Арабову в Коктебель инсулин. Только не могу вспомнить, кто меня просил об этом...

— Не путай меня! — отмахнулся я. — А когда ты получила от меня телеграмму?

— Три недели назад.

— Не посылал я тебе ничего, — ответил я и категорически покрутил головой. — Что в ней было?

— Сейчас! — сказала Анна, глядя в потолок. — Вроде того: «Планы меняются. Уезжаю в Анталию на две недели. Целую. Кирилл».

— Вот это номер!

— Я на тебя, конечно, обозлилась и вместе с Владом поехала за тобой.

— Ах, вместе с Владом! А я голову ломал, почему ты не приезжаешь, и телефон твой не отвечает.

— Значит, это чья-то дурная шутка? — спросила Анна.

Я почувствовал, как начинаю трезветь.

— Если бы ты знала, чем эта шутка для меня обернулась. Телеграмма была подписана моим именем?

— Конечно, — кивнула Анна.

— Отправлена из Судака?

— Да.

— Ты получила ее в тот же день, когда она была отправлена?

— Да. Но только вечером. Ее ошибочно занесли в другую квартиру. А там все были на работе, и почтальон сунул ее в почтовый ящик. Вечером соседка пришла с работы, увидела, что телеграмма адресована мне, и занесла ее.

— Стоп! — сказал я и закрыл глаза. — Тихо. Помолчи...

— Тебе плохо?! — вскрикнула Анна.

— Да, — прошептал я. — Налей, и я попробую с первого раза угадать номер квартиры соседки, которая принесла тебе телеграмму... Твоя квартира сто семьдесят седьмая?

— Да, — прошептала Анна, с испугом глядя на меня.

— А у соседки сто семьдесят первая?

— Да... — еще тише ответила Анна. — Но как ты...

— Боже мой! Боже мой! — Я вскочил и схватился за голову. — Вот откуда оно все пошло! Вот тебе и Коктебель, и Арабов... Я тебе скажу, почему фамилия Арабова из Коктебеля тебе знакома. Но сначала я должен тебе рассказать, что тут творилось, пока ты с Владом отдыхала в Анталии. — И я подробно рассказал о всех своих злоключениях, опустив лишь мало-значачие эпизоды сексуального характера. — Теперь у меня есть ответы на последние два вопроса, — завершил я свой часовой рассказ. — Я знаю, зачем Инга убила Кучера, и кто такой Лембит Лехтине.

— Ну? — пританцовывая от нетерпения, крикнула Анна.

— Подожди! Нам сейчас надо кое-куда заехать.

Мы спустились в гараж и сели в машину. Анна качнулась на сиденье и недоуменно склонила голову.

— Мне кажется, что сиденье раньше было более мягким.

— Естественно, — ответил я, аккуратно выезжая из ворот. — Раньше я хранил золото в кабинете, а когда началась вся эта возня, зашил его вместе с «дипломатом» в сиденье. Оно все время было при мне.

Мы проехали мимо музея. Он был закрыт — выходной.

— Я привезла тете Шуре турецкий национальный костюм для музея, — сказала Анна.

— Прекрасный подарок! — похвалил я.

У пятиэтажного жилого дома мы остановились. Я подал Анне руку, помогая ей выйти из джипа, первым зашел в подъезд и быстро поднялся наверх.

Дверь не была заперта — в ней по-прежнему не было замка. Я зашел без стука. На кухне шумела вода, пахло чем-то горелым. Я повернулся к Анне и громко объявил:

— А теперь позволь представить тебе Лембита Лехтине! Он же — господин N!

Анна остолбенела. Но меня больше беспокоила реакция Лебединской. Я ожидал крика, истерики, сердечного приступа, но все было не так. В первое мгновение я даже не узнал ее. В дверях беззвучно, как тень, появилась женщина в черном. Черный платок покрывал седую, коротко остриженную голову заведующей музеем. Бледное, изможденное лицо было спокойным и неподвижным.

— Не кричи, — тихо произнесла Лебединская. — Разбудишь.

Я обернулся, заглянул в комнату, но она была пуста.

— Пойдем отсюда, — сквозь зубы сказала Анна и потянула меня за руку.

— Подожди! — крикнул я и зашел на кухню.

На топчане у окна лежало платье Инги — то самое, в котором она пришла ко мне в первый вечер. Рядом, на табурете, в жестяной банке, догорала бумага.

Лебединская приложила палец к губам, показала глазами на платье. Я с ужасом посмотрел в глаза женщины. Передо мной стояла сумасшедшая!

— Она не спала всю ночь, — шепотом объяснила Лебединская. — Пришла под утро, мокрая, грязная, вся в крови. Я ее помыла, посушила и уложила спать... А это кто с тобой?

— Это Анна, — ответил я, не в силах оторвать взгляда от платья.

— Анна, — повторила Лебединская, прислушиваясь к звучанию имени. — Инга... Похоже, правда?.. А ты знаешь, что она тебя любила? — Она присела на край топчана и провела ладонью по платью. — Племянница моя... Единственная... Она мне как доченька... Спи, солнышко, спи, родненькая...Никто тебя больше не обидит...

Я судорожно сглотнул. Анна снова дернула меня за руку и пронзительно крикнула:

— Идем отсюда! Я не могу на это смотреть!

Мы выбежали из квартиры, сели в машину, захлопнули за собой двери и долго сидели молча.

— В Коктебеле живет ее брат, отец Инги, Николай Арабов. Так он даже не приехал на похороны.

— А какие могут быть похороны, если тело не нашли?

— Ее похоронили по морскому обычаю. Священник отпевал море, а мы кидали в волны венки и пускали пробковые дощечки со свечами.

— Похоже, что тетя Шура действительно относилась к ней как к дочери, — произнесла Анна. — Потому тронулась мозгами.

— Чтобы найти деньги на фильм, она продала Кучеру золотые монеты, которые я ей подарил, — сказал я. — Этого, конечно, оказалось мало, и она решила тряхнуть меня. Вот вдвоем с Ингой они все это и придумали. Так

появился на свет несуществующий Лембит Лехтине. Попросили Виктора, чтобы он перевернул квартиру вверх дном. Тот постарался на совесть, еще водки с женщинами на кухне выпил. На следующий день пришел, чтобы свои следы с посуды убрать, но нечаянно нарвался на меня.

— Может быть, седой человек в «Запорожце» с дыркой во лбу — тоже Лебединская? — вслух подумала Анна. — Разве трудно загримировать тетю Шуру под мужчину? Она и без грима на мужика смахивает.

— Вполне может быть, — согласился я. — А что касается Кучера, то Инга убила его по той простой причине, что боялась, как бы от него я не узнал о продаже Лебединской монет. Тогда вся их легенда о Лембите рухнула бы как карточный домик. И еще: никто, кроме Кучера и Лебединской, не знал, что у меня есть золотые монеты. Кучер при необходимости мог бы убедительно доказать мне свою преданность, и в этом случае все подозрение упало бы на тетю Шуру.

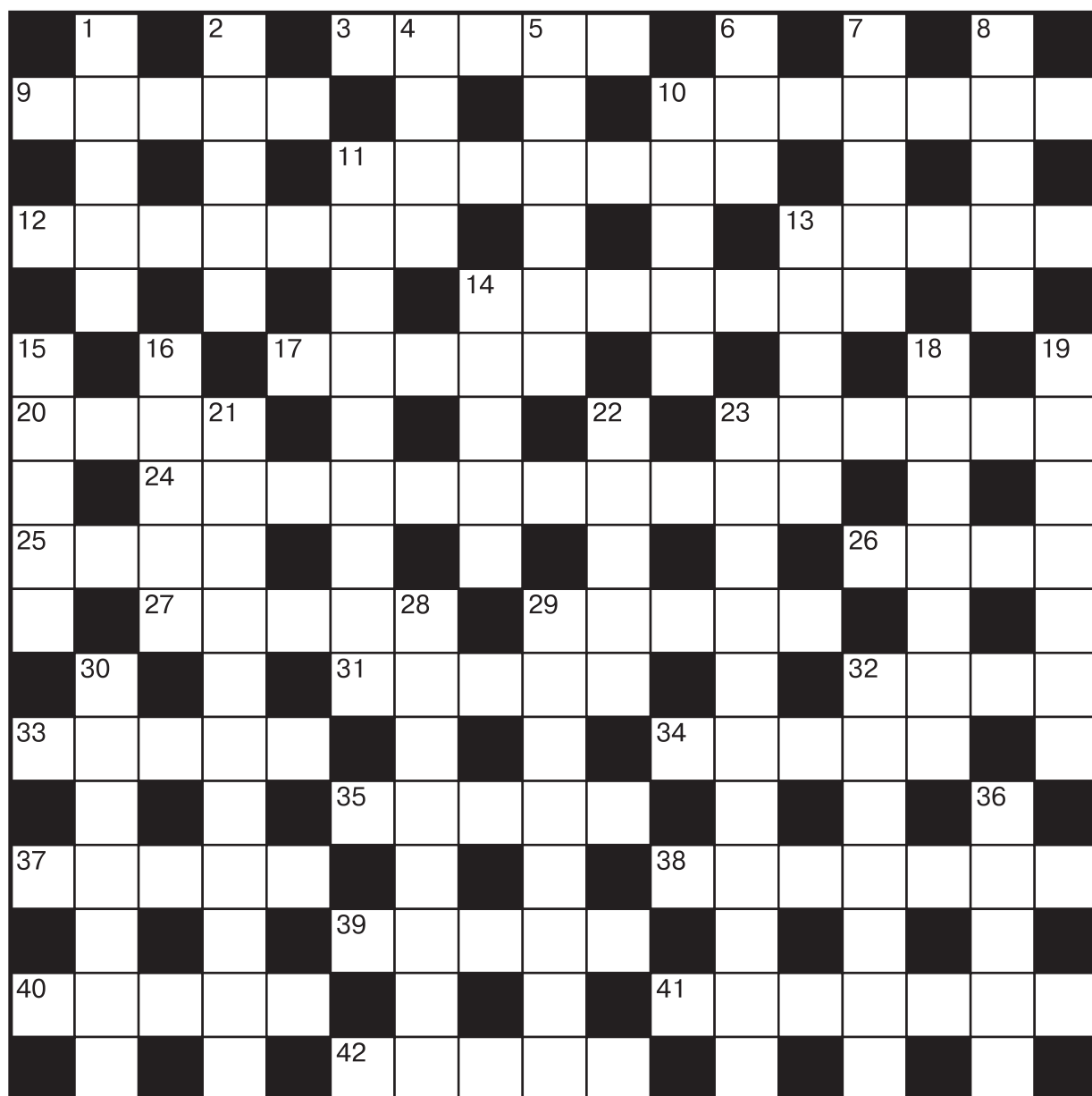
— Даже если Инга была бы дочерью Лебединской, — сказала Анна, — неужели можно оправдать преступление, при помощи которого любимое чадо поднялось бы на ступеньку выше к заветной мечте? Неужели тетя Шура искренне верила в то, что на украденные деньги можно снять талантливый фильм?

— Дело не в украденных деньгах, — ответил я, заводя мотор и трогаясь с места. — Дело в таланте, которого не было. Но ты права: настоящее искусство не создашь на лжи и крови.

Вот теперь, наверное, все. Осталось добавить, что я выкупил у Черновского недоснятый фильм «Час волка» и снял с него видеокопию. Теперь, когда я сажусь у экрана со стаканом своего любимого «Бифитера» и начинаю смотреть на игру Инги, Анна подходит сзади, кладет руки мне на шею и тихо говорит:

— Я когда-нибудь тебя убью, Вацура. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** У какого зверя шея долго не заканчивается? **9.** Чья фотография украсила обложку первого номера журнала Playboy? **10.** За кого вышла замуж Нина Шацкая после развода с Валерием Золотухиным? **11.** Какой студент в вузе бывает наездами? **12.** Кто над продуктами эксперименты ставит? **13.** Тол-

стопузая пробирка. **14.** Какого пса, шутя, смешивают с носорогом? **17.** Орех, чья стружка идет на украшение тортов. **20.** По чему осла узнаешь и в львиной шкуре? **23.** Последний цирюльник в жизни Андрея Миронова. **24.** Что перепахивал некий крестьянин, когда обнаружил будущую «Венеру Милосскую»? **25.** Что насле-

дует принц от отца? **26.** Кто не побратски обошелся с библейским Авелем? **27.** Порошок в принтере. **29.** «Черная ... перебежала дорогу бабе с пустыми ведрами. Обе скончались на месте!» **31.** «Звуковой эффект» от подков. **32.** Чье лицо у товарища Сатанеева? **33.** Кого шекспировская Офелия считает «беспечным и пустым гулякой»? **34.** Ленский приток, чье имя переводят как «золотая река». **35.** Основа самой полезной при гепатите каши. **37.** Что русский химик Иоганн Ловиц намораживал на деревянную палку, чтобы забивать гвозди в полено, демонстрируя опыт царским отпрыскам — Александру и Константину? **38.** Спортивное ристалище. **39.** Какой из мировых миллиардеров попал в число героев биографической драмы «Пираты Силиконовой долины»? **40.** Какое насекомое обеспечивало пухлость губ королевы из сказочной комедии «Белоснежка: месть гномов»? **41.** Испанский город, близ которого расположен знаменитый дворец Альгамбра. **42.** Трава, чей настой облегчает подагру.

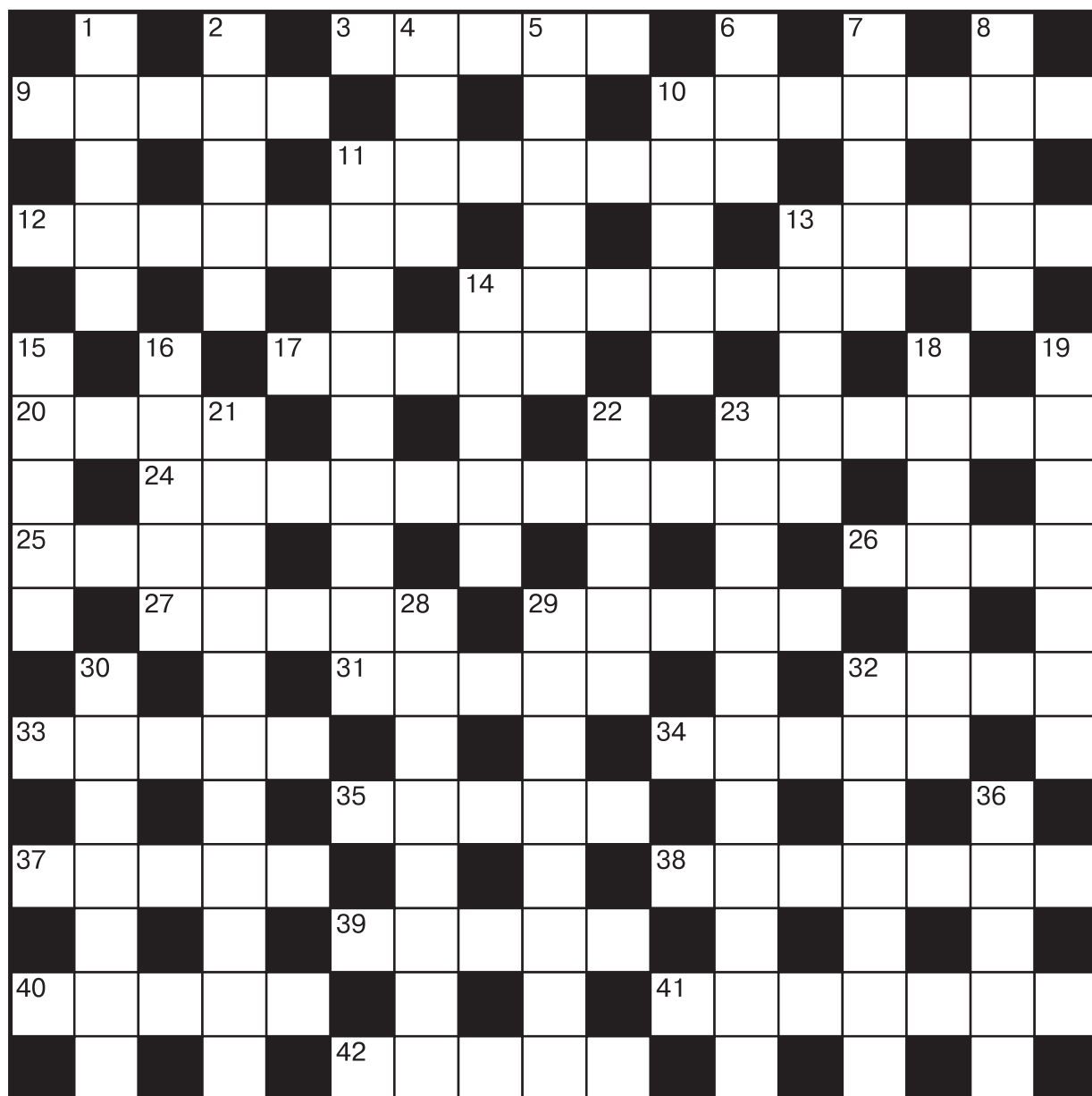
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чудо иллюзионного производства. **2.** Где служил тот, кто «в цирке не смеется»? **4.** Первый летчик-испытатель. **5.** Какая рыбка попала в «вустерский соус»? **6.** Нервное подмигивание. **7.** Повод «отдать должное властям». **8.** Дезертир с кладбища. **10.** Продукт киностудии. **11.** «Горбатый» представитель советского автопрома. **13.** Хохмач в труппе. **14.** Какое сословие Иван Грозный считал «своими злейшими врагами»? **15.** Какая липучка заменяет кляп? **16.** «Главный противник» в битве за талию. **18.** Что в стиральной машине крутится? **19.** Радикальная победа над анорексией. **21.** Кто жует в темноте попкорн? **22.** Клинический дурак. **23.** «... продлевает жизнь на пять лет, но эти пять лет нужно провести в спортзале». **28.** Отбивная в сухарях. **29.** Кондитерская трубочка, чтобы выпускать крем. **30.** Чем стреляли в упор по декабристам на Сенатской площади? **32.** Кто руководил США в момент подписания Договора об образовании СССР? **36.** «Когда в Англию приходит лето, ... становится намного теплее».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Руль. **6.** Утопия. **10.** Киновед. **11.** Доктор. **12.** Термит. **13.** Броккен. **14.** Почта. **17.** Тир. **18.** Имплантолог. **21.** Маастрихт. **22.** Сватинг. **25.** Медя. **26.** Гигиенист. **27.** Юнец. **29.** Стадион. **30.** Овраг. **31.** Лектер. **33.** Сочельник. **36.** Норрис. **38.** Каша. **39.** Мораторий. **40.** Сейм. **41.** Ясли.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Руда. **2.** Лектор. **3.** Пир. **4.** Погремуха. **5.** Зеркало. **7.** Твен. **8.** Пума. **9.** Яхта. **10.** Кость. **12.** Терновник. **14.** Пират. **15.** Постановщик. **16.** Горностаи. **19.** Истец. **20.** Оркестр. **23.** «Филогелос». **24.** Чюрленис. **25.** Меркурий. **28.** Адвокат. **29.** Селим. **32.** «Бьюик». **34.** Каас. **35.** Дали. **37.** Сом.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Чаша омовений в хаммаме. **9.** Самый большой в мире скальный монолит. **10.** Чей пистолет-пулемет американские гангстеры в период «сухого закона» окрестили «чикагской пишущей машинкой»? **11.** «Сирин русской литературы». **12.** «Первичная материя» для Анаксимандра. **13.** Хищник, чьей магической мести после смерти опа-

сались арабы. **14.** Салатная трава, облегчающая дыхание при астме. **17.** Англичанин, дирижировавший спектаклями «Русских сезонов» в Лондоне. **20.** Ногайская свадебная юрта. **23.** Атрибут спортивных часов. **24.** Самый яркий симптом «синдрома Ио». **25.** Что означает итальянское слово, ставшее «фаготом»? **26.** Палка для ловли сомов. **27.** Настольная игра

у древних египтян. **29.** Миланский кафедральный собор. **31.** «Самое болезненное» вещество абсента. **32.** Кто открыл сахарную кислоту? **33.** Самое большое палаццо Флоренции. **34.** Заповедь из ислама. **35.** Канал для праны. **37.** У какой колумбийской лягушки самый сильный яд в мире животных? **38.** «Благословенный хлеб» в лоне христианства. **39.** Наиболее древний вид пшеницы. **40.** Хипповая косичка. **41.** Один из соловьиных свистов. **42.** Какой экзотический минерал рождается при падении метеоритов?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Глава черного отделения Тибидохса. **2.** На каком мотоцикле уходят от погони герои романа «Инферно» Дэна Брауна? **4.** Первая планета, открытая с помощью телескопа. **5.** Самое сладкое вещество, используемое в пищевой промышленности. **6.** Библейский пророк, чья книга в свое время была любимым чтением Максима Горького. **7.** Высший конкур. **8.** Обитатели лондонских низов. **10.** В каком городе Древнего Египта провозгласили цари-

цей Клеопатру? **11.** «Каста знати». **13.** Футуристическая группа Давида Бурлюка, куда в 1912 году вошел Владимир Маяковский. **14.** Нарком, чья секретарша и шофер быстро въехали в квартиру Всеволода Мейерхольда и Зинаиды Райх после трагической гибели прошлых хозяев. **15.** Русский вариант японской куклы Дарума. **16.** Нильский окунь. **18.** Музыка, проистекающая из латинского «покоя». **19.** Средневековый замок в южном Уэльсе, возведенный одним из двенадцати легендарных рыцарей Гламоргана. **21.** С каким понятием связаны модели из стержней и шаров для крокета немецкого химика Августа фон Гофмана? **22.** Русский оракул. **23.** Что собой представляет гривер из фильма «Бегущий в лабиринте»? **28.** Как бы на русском языке звучала фамилия набоковской Лолиты? **29.** Праздник окончания сенокоса у поляков. **30.** Полимер для контактных линз. **32.** Соединение двух душ в одном теле из еврейской традиции. **36.** Какого зверя в давние времена вьетнамцы держали в клетках, словно певчую птицу?

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Сэма. **6.** Моррис. **10.** Монгкон. **11.** Канвас. **12.** Биссус. **13.** Онассис. **14.** «Рочоу». **17.** Цин. **18.** Астрофиллит. **21.** Реконтант. **22.** Юзефсон. **25.** Мормо. **26.** Алькабала. **27.** Улит. **29.** Рукавец. **30.** «Улисс». **31.** Кастом. **33.** Остроухов. **36.** Валуаз. **38.** Нена. **39.** Куадрилья. **40.** Чуга. **41.** Готт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сакс. **2.** Мантон. **3.** Эос. **4.** Нганасаны. **5.** Монсури. **7.** Отис. **8.** Росс. **9.** Сиси. **10.** Магои. **12.** Биофизика. **14.** Ригер. **15.** Элафеболион. **16.** Хиропласт. **19.** Хохот. **20.** «Атомиум». **23.** Алгеброид. **24.** Тучкевич. **25.** Миксолог. **28.** Надсада. **29.** Ропак. **32.** Дунья. **34.** Вено. **35.** Найт. **37.** Зуи.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ПОЧТА РОССИИ

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru

в мобильном приложении Почты России

через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.
2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
ря 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

